

Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала

К 70-летию
Геннадия Борисовича Здановича

Сборник научных трудов
Часть 2

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»
Государственное учреждение культуры
«Историко-культурный заповедник областного значения "Аркаим"»

АРКАИМ — СИНТАШТА: ДРЕВНЕЕ НАСЛЕДИЕ ЮЖНОГО УРАЛА

К 70-ЛЕТИЮ
ГЕННАДИЯ БОРИСОВИЧА ЗДАНОВИЧА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Часть 2

ББК Т 442(2)
А 82

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Р е ц е н з е н т
доктор исторических наук А. Д. Таиров

А 82 **Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала** к 70-летию
Г. Б. Здановича : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред. Д. Г. Зданович ; редкол.: Н. Б. Ви-
ноградов, С. А. Григорьев, А. В. Епимахов ; Челяб. гос. ун-т ; Ист.-культур. за-
поведник обл. значения «Аркаим». Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010.
Ч. 2. 184 с.

ISBN 978-5-7271-1049-2

Вторая часть сборника научных трудов, приуроченного к 70-летию со дня рожде-
ния известного российского археолога Г. Б. Здановича, включает в себя тексты по про-
блемам хронологии и происхождения синташтинской культуры эпохи бронзы Южно-
го Урала, а также материалы заседаний круглого стола «Происхождение и хронология
синташтинской культуры» (г. Челябинск, сентябрь 2005 г.). Представленные публи-
кации отражают современное состояние обсуждаемых научных проблем и многооб-
разие подходов к их решению.

Сборник адресован археологам, историкам, краеведам, учащимся исторических
факультетов высших учебных заведений.

ББК Т442(2)я434

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

5

Богданов С. В.

Проблема участия древнейшей традиции в генезисе культуры синташтинских памятников8

Виноградов Н. Б.

Проблема происхождения памятников синташтинского типа в Южном Зауралье (перспективы взаимопонимания) 15

Горбунов В. С., Горбунов Ю. В.

О некоторых проблемах культурогенеза населения Южного Урала в эпоху бронзы 21

Григорьев С. А.

Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и её хронология 32

Епимахов А. В.

Синташтинская радиоуглеродная хронология 49

Косинцев П. А.

Проблемы изучения хозяйства синташтинской культуры 52

Кузнецов П. Ф.

Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры 59

Кузьмина Е. Е.

Синташтинский тип памятников и их этническая атрибуция 66

Мочалов О. Д.

Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников 78

Нелин Д. В.

О роли военных факторов в формировании синташтинской культуры 90

Ткачёв В. В.

К проблеме синташтинского культуругенеза 92

Халяпин М. В.

К вопросу о хронологическом соотношении
абашевских и синташтинских памятников
(историографический аспект) 106

Хохлов А.А.

О происхождении и дальнейшем развитии
физического типа носителей
синташтинско-потаповского круга культур 112

**Происхождение и хронология синташтинской культуры
(материалы заседания круглого стола, г. Челябинск,
сентябрь 2005 г.)**

..... 133

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

24–27 сентября 2005 г. в Челябинске на базе Челябинского государственного университета и СПЛИАЦ «Аркаим» состоялся круглый стол «Происхождение и хронология синташтинской культуры». Избранная тема представлялась организаторам весьма актуальной по ряду причин. Основная из них — общепризнанный ключевой характер синташтинских древностей в истории бронзового века Северной Евразии. В этом смысле уяснение обозначенных вопросов является первым и самым необходимым шагом изучения любой археологической культуры. Только на этой базе может вестись моделирование процессов социогенеза, обсуждение проблем этнической атрибуции, идеологии и пр. Яркость синташтинского феномена уже стимулировала работы реконструктивного уровня, в результате сугубо археологические проблемы происхождения и хронологии оказались в тени. Отчасти восполнить этот пробел и был призван круглый стол.

На приглашение оргкомитета откликнулись специалисты, занимающиеся непосредственно синташтинской проблематикой, а также тематически и территориально смежными проблемами. Учёные Москвы, Екатеринбурга, Оренбурга, Орска, Самары, Уфы и Челябинска (общим числом около 20 человек) приняли самое активное и заинтересованное участие в работе, согласившись на экспериментальную форму проведения мероприятия. Желая предоставить максимум времени для обсуждения, оргкомитет предложил всем участникам оз-

накомиться с присланными докладами и сообщениями до начала круглого стола, проведя рассылку по электронной почте. Вторым шагом в организации работы стала попытка выделения блоков обсуждаемых проблем:

Относительная и абсолютная хронология синташтинской культуры.

Восточноевропейская гипотеза синташтинского культурогенеза.

Ближневосточная гипотеза синташтинского культурогенеза.

Естественно, что строгое разграничение в ходе свободной дискуссии соблюсти в полной мере не удалось, однако предложенная схема задавала общее направление обсуждения. Чтение докладов в начале заседаний по каждому из блоков фактически было призвано лишь задать рамки дискуссии и привести максимально полный спектр мнений авторов. Часть обсуждаемых в ходе заседания вопросов была задана отсутствующему П. Ф. Кузнецову (Самара) по электронной почте, его ответы были доведены до сведения участников.

Поскольку существует разность оценок материалов одних и тех же раскопок, регламент работы предусматривал широкое знакомство с коллекциями всех археологических центров Челябинска. Участники круглого стола получили подробную информацию о ряде памятников и случайных находок. Среди основных:

— укреплённое поселение Аландское (авторы раскопок Г. Б. Зданович и Т. С. Малютина, СПЛИАЦ «Аркаим»), давшее блестящие образцы стратиграфии,

деталей архитектуры и вещевых материалов;

– укреплённое поселение Устье (автор раскопок Н. Б. Виноградов, ЧГПУ) надёжно документирует соотношение синташтинских и петровских комплексов, коллекция включает в себя многочисленные изделия из металла и следы металлопроизводства;

– могильник Кривое Озеро (автор раскопок Н. Б. Виноградов) — некрополь, содержащий синташтинские и петровские стратифицированные комплексы, обширную коллекцию металлических, роговых и других изделий, наиболее полные на сегодняшний день останки колесниц и пр.;

– могильник Каменный Амбар – 5 (автор раскопок А. В. Епимахов, ИИА УрО РАН) — наиболее комплексно и полно исследованный погребальный комплекс, который по ряду показателей относится к поздней фазе синташтинской культуры;

– поселение Каменная Речка III (автор раскопок А. В. Епимахов) — редкий пример памятника поздней бронзы, для которого может быть предложена фёдоровская атрибуция;

– поселение Мочище (автор раскопок С. А. Григорьев, ИИА УрО РАН) — наиболее масштабный по объёму раскопок объект поздней бронзы лесостепной зоны Зауралья, содержащий разнокультурные стратифицированные материалы;

– могильник Степное VII (авторы раскопок Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова, ЧелГУ — СПЛИАЦ «Аркаим») — образец тщательно исследованного крупного петровско-алакульского некрополя с многочисленными примерами жертвоприношений животных, прекрасным металлокомплексом и пр.;

– могильник Троицк – 7 (автор раскопок В. П. Костюков, ЧГПУ) — петров-

ский некрополь, по ряду признаков близкий могильнику Степное VII.

Программой круглого стола была также предусмотрена ознакомительная поездка на мегалитические объекты острова Веры на оз. Тургояк. Исследование этих впечатляющих, принципиально новых для Урала памятников пока только начато, выдвинуты первые гипотезы об их культурно-хронологической принадлежности.

Обозначенная программа в той и или иной степени нашла отражение в структуре настоящего издания, которое содержит материалы, присланные участниками круглого стола и стенограмму заседаний. Выступления участников подвергнуты незначительной литературной редакции, поскольку текст, прекрасно воспринимаемый на слух, на бумаге не всегда выглядел лёгким для восприятия.

Представленные материалы достаточно полно отражают современные представления исследователей о проблемах изучения синташтинской культуры. Вместе с тем нужно отметить некоторые значимые научные события в этой области, произошедшие уже после проведения круглого стола. Среди них монографические исследования керамики из погребальных комплексов синташтинской культуры¹ и культур Волго-Уралья эпохи бронзы, включая потаповский тип², а также публикации результатов радиоуглеродного датирования культур бронзового века уральского региона³. За-

¹ Ткачёв, В. В. Керамика синташтинской культуры / В. В. Ткачёв, А. И. Хаванский. Орск ; Самара, 2006.

² Мочалов, О. Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья / О. Д. Мочалов. Самара, 2008.

³ Епимахов, А. В. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья / А. В. Епимахов, Б. Хэнкс, К. Ренфрю // Рос. археология. 2005. № 4; Hanks, V. Towards a refined chronology

метным событием стал выход в свет книги Г. Б. Здановича и И. М. Батаниной, подводящей итог многолетней работе по дистанционному обследованию синташтинских и петровских укрепленных поселений¹. Наконец, за пределами обсуждения остались международные программы по комплексному исследованию археологических микрорайонов эпохи бронзы «Каменный Амбар» и «Степное», развернутые во второй половине 2000-х гг.² Пред-

for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia / V. Hanks, A. V. Epimakhov, C. Renfrew // *Antiquity*. 2007. Vol. 81, № 312.

¹ Зданович, Г. Б. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. Челябинск, 2007.

² Зданович, Д. Г. Керамические комплексы эпохи бронзы укрепленного поселения «Степ-

ставляется, что успешная реализация этих программ может создать новые перспективы в исследовании проблем синташтинской культуры и культурогенеза в Волго-Уральском регионе в эпоху бронзы.

ное», Южное Зауралье (предварительное сообщение) / Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова, Б. Хэнкс [и др.] // Культурные области, археологические культуры, хронология материалы XVIII Урал. археол. совещания. Уфа, 2010; Корякова, Л. Н. Новейшие исследования поселений эпохи бронзы в долине р. Карагайлы-Аят / Л. Н. Корякова, Р. Краузе, А. В. Епимахов [и др.] // Культурные области, археологические культуры, хронология материалы XVIII Урал. археол. совещания. Уфа, 2010; Корякова, Л. Н. Предварительные результаты исследований в микрорайоне Каменный Амбар (эпоха бронзы) / Л. Н. Корякова, Н. А. Берсенёва, А. В. Епимахов [и др.] // XVII Уральское археологическое совещание материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут, 2007.

С. В. Богданов

Институт степи УрО РАН, Оренбург

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ ТРАДИЦИИ В ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРЫ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

На протяжении последнего десятилетия в ходе осмысления материалов городища Аркаим челябинские и оренбургские исследователи неоднократно отмечали возможность участия древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников Зауралья [7. С. 21–42; 3. С. 276; 10. С. 81; 11. С. 20–29; 13. С. 114]. Постепенно эта гипотеза стала чуть ли не основной в интерпретации происхождения синташтинской культурной группы.

Типологические различия металлических предметов ямных и синташтинских памятников, как, впрочем, и остальных категорий инвентаря, обусловлены принадлежностью первых и вторых к различным, хронологически не смежным этапам металлообработки Севера Евразии. Комплекс позднеямных металлических орудий из погребений тамар-уткульского типа обладает диагностическими признаками финала раннего бронзового века, соответствующего в схеме Е. Н. Черных концу раннего периода Циркумпонтийской металлургической провинции. Синташтинский же металл Е. Н. Черных относит ко времени сложения Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века [18. С. 20. Рис. 15]. Радиоуглеродные даты позднеямных комплексов степного Приуралья укладываются в интервал второй половины IV — первой половины III тыс. до н. э., радиоуглеродные даты синташтин-

ских памятников соответствуют концу первой четверти II тыс. до н. э. — второй четверти II тыс. до н. э. Таким образом, позднеямные и синташтинские традиции металлообработки разделены целой археологической эпохой — средним бронзовым веком (середина III — начало II тыс. до н. э.), соответствующей заключительному периоду существования Циркумпонтийской металлургической провинции. На протяжении этого времени в Понто-Каспийских степях и к северу от них сформировались и прошли длительный путь исторического развития от начала к финалу культуры катакомбной, вольско-лбищенской, фатьяновско-балановской, абашевской общностей. В Волго-Уральском регионе зафиксированы археологические памятники всех названных культур; какими-либо основаниями для их синхронизации с синташтинскими комплексами начала позднего бронзового века мы не располагаем. Культуры постъямного блока испытали мощное влияние импульсов, исходящих с юга — с территории Северного Кавказа и с северо-запада — со стороны культур шнуровой керамики.

Исчерпывающая характеристика металла ямных и синташтинских памятников приводится в работах А. Д. Дегтярёвой [5. С. 30–33; 6. С. 34–36]. На основе спектрального и металлографического анализа А. Д. Дегтярёва приходит к выводу: «Сопоставление

ранее полученных данных по исследованию металлических изделий ямной культуры Приуралья, где доминировали литейные технологические схемы, опровергают гипотезу возможной технологической преемственности между ямным и синташтинским металлопроизводством по составу используемого сырья, выбору технологических режимов обработки металла» [5. С. 32].

Поскольку для древнеямных и синташтинских памятников характерны совершенно разные признаки погребальных обрядов и специфические черты инвентаря, аргументы сторонников древнеямной версии синташтинского генезиса основаны главным образом на сопоставлении керамики. Н. Б. Виноградов отмечал сходство технологии изготовления ямных и синташтинских сосудов [3. С. 276]. Т. С. Малютина и Г. Б. Зданович усматривают ямные черты в морфологических особенностях и орнаментации синташтинской керамики [10. С. 81; 11. С. 20]. По их мнению, наиболее ранние формы «...аркаимских сосудов связаны с развитием традиции из среды ямной культурно-исторической общности», более поздние несут «ямно-катакомбные», «раннеполтавкинские», «позднеполтавкинские», «полтавкинские псевдокатакомбные», «катакомбные», «доно-волжские абашевские», «абашевские», «абашевско-покровские» черты и т. п. [11. С. 20, 22–24, 28–29]. Кроме того, указанным авторам удаётся проследить по керамике городища Аркаим энеолитические хвалынские признаки, репинские начала РБВ, а также «местные суртандинско-терсексобо-ботайские... компоненты» [11. С. 20, 29]. Подобная полифония соответствует модели функционирования городища Аркаим, реконструируемой Г. Б. Здановичем, как некоего центра интеркомму-

никаций («протогородской цивилизации Аркаим» в более ранних работах), где осколки разнокультурных популяций эпохи бронзы «...вдруг объединила одна идея и одно пространство Аркаима» [11. С. 28].

Соотношение керамики разнокультурных и разновременных групп бронзового века Южного Урала проиллюстрировано: на рис. 1 представлены характерные формы округлодонных сосудов из позднеямных захоронений тамаруткульского типа раннего бронзового века, на рис. 2 — керамика среднего бронзового века, соответствующая катакомбным группам Нижней Волги и Нижнего Подонья, на рис. 3 — синташтинская керамика городища Аркаим начала позднего бронзового века, обладающая, по мнению Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановича, признаками групп, представленных на рис. 1 и 2. Для каждой культурно-хронологической группы подобраны наиболее типичные образцы, сохранена оригинальная размерность сосудов. Уважаемые коллеги могут самостоятельно сопоставить степень сходства вышеуказанных групп. Необходимо учитывать, что в интерпретации керамики СБВ степного Приуралья (рис. 2) и сопредельных территорий Поволжья среди исследователей нет даже относительного единства. В литературе высказаны три основные точки зрения: Н. К. Качалова, И. Б. Васильев и П. Ф. Кузнецов относят эти памятники к позднему этапу полтавкинской культуры; прочие исследователи определяют их позднекатакомбную принадлежность; третья точка зрения принадлежит Н. Л. Моргуновой, объединяющей эти комплексы вместе со стереотипными позднеямными тамаруткульского типа в рамках заключительного «полтавкинско-энеолитического этапа» ямной культуры [12. С. 86].

Технология изготовления сосудов каждой из трёх групп, представленных на рисунках, сугубо индивидуальна. Поздняя округлодонная шамотная керамика (рис. 1) формовалась, как правило, во внешней форме-ёмкости, в единичных случаях — в форме-основе,

новые сосуды среднего бронзового века (рис. 2) катакомбного облика, содержащие обильную примесь толчёной раковины, вероятно, изготовлены без модели на плоской подставке [14. С. 29, 32]. Синташтинские сосуды городища Аркаим (рис. 3) формовались на внутренней

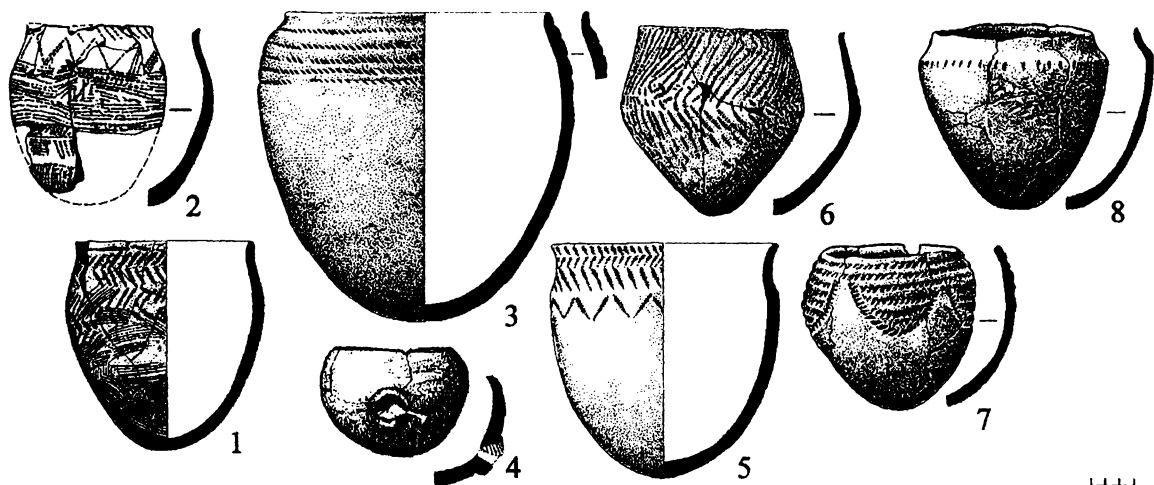

Рис. 1. Поздняя керамика степного Приуралья из погребений тamar-уткульского типа (РБВ 2) с территории Оренбургской области, Башкортостана, Казахстана¹

либо без модели [14. С. 24–26], последний способ формовки в сочетании с использованием весьма своеобразной рецептуры на основе дресвы (кварцит + гетит) характерен лишь для двух сосудов из наиболее поздних погребений тamar-уткульского типа (Изобильное I, 5/1; Илекшар I, 3/3)². Тонкостенные плоскодон-

основе-шаблоне из глиноподобного сырья, содержащего примесь талька. Морфологические особенности последней группы — скошенность венчика наружу, наличие внутреннего ребра в верхней части шейки и др. — обусловлены традицией формовки сосуда на внутреннем шаблоне, представлявшем собой, как правило, сосуд колоколовидной формы с ребристыми либо покатыми плечиками, а не культурными заимствованиями из «хвалынской» или «репинской» среды.

¹ Керамика раннекатакомбного времени (СБВ 1), хронологически следующая за поздней (РБВ 2), в степном Приуралье пока не представлена выразительной серией.

² Исчерпывающую характеристику технологии изготовления керамики древнеямных памятников Волго-Уральского степного субрегиона разных периодов содержат работы Н. П. Салугиной [14. С. 20–39; 15. С. 85–92]. В сводке Н. П. Салугиной лишь один сосуд из погребения 1 кургана 5 Потаповского могильника выпадает из технологических и типологических рядов [15. С. 86. Рис. 4]. По всей видимости, потаповский сосуд, как и его аналоги из погребения 69 Ливенцовского I могильника, погребения 3 кургана у села

В технике орнаментации всех трёх групп очень мало общего: в поздней группе РБВ 2 преобладает простой и перевитой шнур, реже встречаются оттиски зубчатого штампа и насечки,

Новофилипповка, из погребения 1 кургана 3 Петропавловского I могильника, относится к позднему энеолиту — началу РБВ, предшествуя по времени репинскому горизонту (РБВ 1) древнеямной культуры.

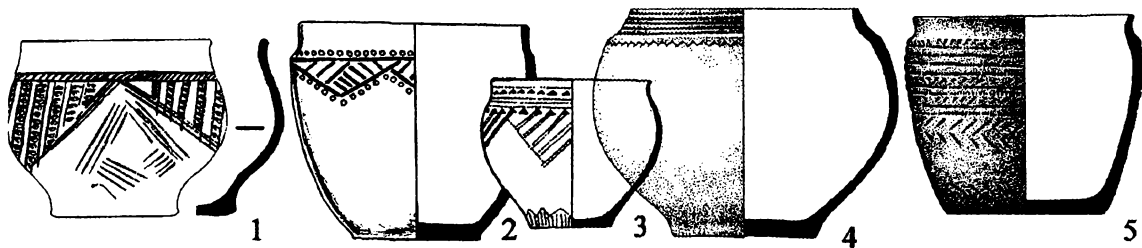

Рис. 2. Керамика позднего периода волго-донской катакомбной культуры СБВ 2) с территории Оренбургской области

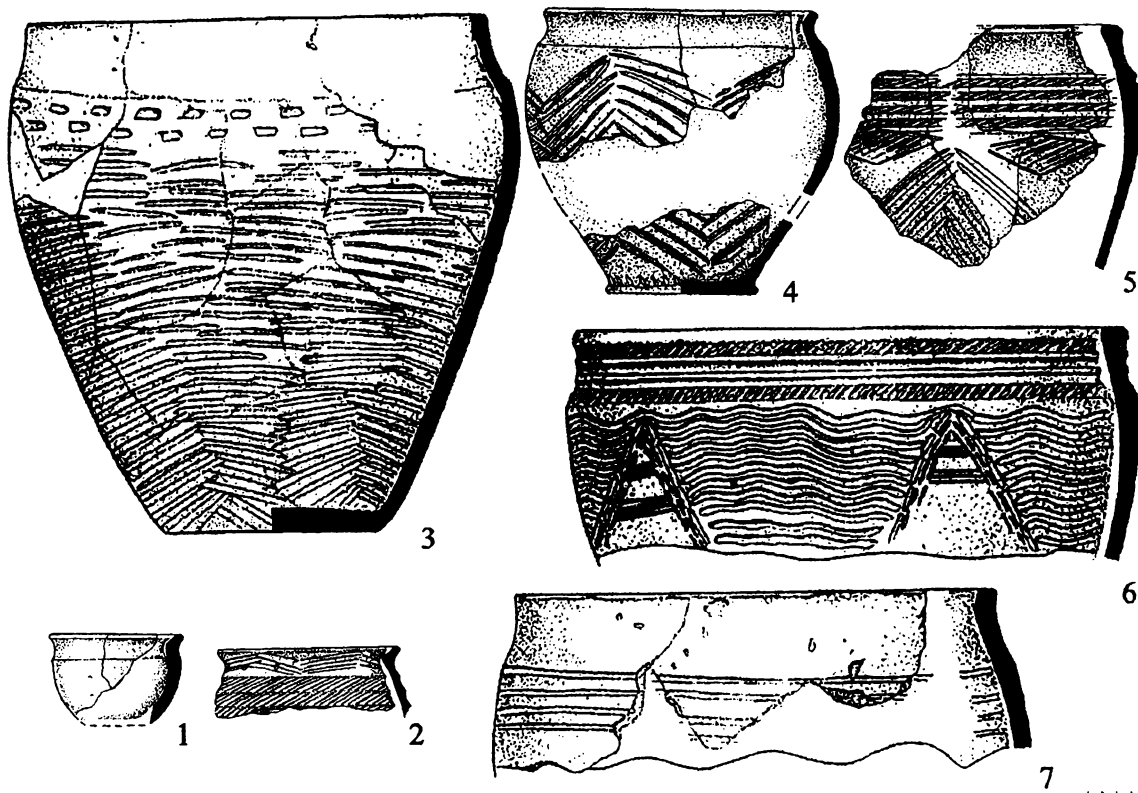

Рис. 3. Синташтинская керамика городища Аркаим (ПБВ 1): 1-2 — сосуды «ямного облика», по Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановичу [10. С. 70. Рис. 2-3; с. 79. Рис. 9: 1; 11. С. 20] 3-7 — сосуды «с полтавкинскими чертами», по Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановичу [11. Рис. 1, 3-7].

в постъямной группе — мелкозубый штамп, вдавления углом штампа, реже — шнур, вдавления стеблем и торцом тростника, для синташтинской характерно сочетание разнообразных вдавлений зубчатого штампа, каннелюр, налепов и т. п. [16. С. 43-66]. Весьма разнятся стили орнаментации: декор древнеямной посуды представляет собой наиболее позднюю реплику стиля impresso-керамики, характерного для

обширного ареала культур начала эры металла запада Евразийского континента; орнаментация керамики среднего бронзового века Приуралья представлена обеднёнными комбинациями поясков из треугольников, обращённых вершинами вниз, и горизонтальных ёлочных узоров — композиций, характерных для наиболее восточного Волго-Донского гончарного центра культур катакомбной общности, сформировав-

шегося под влиянием северокавказской культуры; «геометрическая» манера орнаментации синташтинской посуды представляет собой позднюю модификацию «коврового» стиля уральской абашевской культуры. Орнаментальные композиции каждой из трёх разнокультурных групп определены самостоятельными семиотическими схемами, повлиявшими и на морфологические особенности сосудов: орнаментация древнеямной керамики в целом, вероятно, соответствовала идее «скрепления», «свивания», «сшивания» устья сосуда; декор катакомбной керамики волго-донской культуры связан с идеей полноты сосуда; композиционный строй синташтинских орнаментов оптически отражает сакральную идею развития, расширения, ёмкости, роста вверх, вширь, по спирали. Принципиально различны формовочные массы каждой из трёх вышеозначенных групп. Носители позднеямной традиции, судя по фоновым микропримесям, использовали в качестве основного сырья илистые глиноподобные грунты традиционных водопоев скота. В приверженности к этому источнику сырья и выбору в качестве ведущей примеси шамота определёнno ощутимо сакральное начало. Господствующая примесь толчёной раковины в катакомбной керамике и тальковая дресва в синташтинской связаны, очевидно, с принципиально иными комплексами технологических и духовных традиций.

Единой линии генезиса во всей этой разнокультурной керамике, пожалуй, нет. Для каждой из групп характерны оригинальные формы, собственные способы изготовления сосудов, рецептуры, сочетания комбинаций орнаментов, соответствующих концепциям стилей. Было бы крайне заманчиво связать об-

щей линией культурогенеза два столь ярких явления, как ямная культура и синташтинская, но стереотипы каждой из них слишком разнолики. Два синташтинских сосуда «ямного облика», по Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановичу, в коллекции с поселения Аркаим (рис. 3: 1–2) представляют собой не самые типичные морфы собственно синташтинской посуды. Штриховые зачёсы штампом на боковинах части синташтинских сосудов («ковыльный» орнамент, по Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановичу) также не связаны генезисом ни с ямными, ни с ямно-катакомбными традициями; очевидно, что они представляют собой редукцию наиболее типичных синташтинских орнаментов в виде вертикальной ёлочки («синташтинское древо жизни») и волны (рис. 3: 3–6). Не случайно, что значительно позднее столь широкое место в алакульской керамике получают орнаменты, выполненные проташенной гребёнкой, а в срубной — расчёсы штампом по всему тулову на покровской керамике. В то же время наличие на посуде Аркаима форм и орнаментов, распространившихся позднее в покровской и раннеалакульской (петровской) керамике, может свидетельствовать о довольно позднем возрасте этого городища в системе синташтинских древностей Зауралья. Таким образом, констатация элементов сходства ямной и синташтинской керамики целиком основана на внешних ассоциациях, возникающих у тех или иных исследователей. Достаточно вспомнить, к каким гносеологическим парадоксам привели К. В. Сальникова внешние ассоциации «полтавкинской» и «фёдоровской» керамики.

Иллюзию культурно-хронологической близости ямных и синташтинских памятников могут внушать материалы Потаповского могильника в Самарском

Заволжье, отнесённые авторами раскопок к особому «потаповскому типу» заключительного периода среднего бронзового века [2. С. 2–166; 8. С. 122–151]. Произвольность отнесения к одному культурно-историческому типу в Потаповском могильнике погребений ямной культуры позднего энеолита — начала РБВ (конец V — начало IV тыс. до н. э.), захоронений раннедонецкого времени СБВ (середина — третья четверть III тыс. до н. э.) и основной массы синташтинских начала ПБВ (начало II тыс. до н. э.) не вызывает сомнений. Впервые этот вывод прозвучал в моём выступлении во время обсуждения презентации потаповских материалов самарскими исследователями на полевом совещании в Челябинской области на городище Аркаим в 1989 г. В последующие годы В. В. Отрощенко неоднократно высказывал аналогичное мнение. Помимо предрепинского комплекса погребения 1 в кургане 5 Потаповского могильника к ямной подгруппе относятся: яма центрального погребения в кургане 5, нарушенная синташтинским погребением 8; антропоморфная часть «кентавра» в погребении 1 кургана 3; ещё одно ямное погребение в кургане 3, полностью разрушенное ямой центрального синташтинского погребения 4; основное погребение 2 в кургане 2. К раннедонецкому периоду среднего бронзового века относятся: погребение 3 кургана 1; погребения 1, 4 и 5 в кургане 2; погребение 5 в кургане 3; погребения 6, 9, 16 в кургане 5. Остальные захоронения Потаповского могильника, конечно же, являются синташтинскими.

Суждение о близости синташтинской посуды традициям суртандинско-кысыкульской культуры Южного Урала и терсекско-ботайской Северного Казахстана пока целиком основано на соображениях

довольно общего порядка, хотя и не лишено определённых оснований (тальковая примесь, черты «уральского геометризма»). Более продуктивным был бы поиск культурных прототипов отдельных элементов материального комплекса, погребальных обрядов, традиций домостроения синташтинских памятников среди материалов уральской абашевской культуры. О. В. Кузьмина совершенно справедливо называла культуру синташтинских памятников «наследницей абашевских традиций» [9. С. 76]. Ведущий исследователь абашевской культуры В. С. Горбунов отождествлял синташтинские памятники с одной из локальных культурно-хронологических групп уральской абашевской культуры [4. С. 197]. Комбинации орнаментальных композиций, морфологические особенности синташтинских сосудов находят определённые аналогии в керамике вольско-лбищенской культуры, выделенной И. Б. Васильевым [1. С. 66–114]. Есть отдельные параллели и в других категориях и типологических разрядах синташтинских и вольско-лбищенских изделий. Менее определённой представляется степень близости синташтинских материалов с культурами катакомбной общности. Соотношение вышеуказанных компонентов в генезисе синташтинской традиции в общих чертах определено и проанализировано в работах В. В. Ткачёва [17. С. 48–62].

Безуспешные поиски исследователями непосредственного генетического предшественника культуры синташтинских памятников, вероятно, по-своему закономерны. Для культур, формировавшихся по типу миксации на основе нескольких, не связанных общим генезисом образований, не характерна плавная трансформация признаков: латентные периоды сменяются взрывным, очень

ярким, но коротким расцветом, и вскоре эти культуры сменяются более стабильными общностями. Именно таким «миксидом», на мой взгляд, и является синташтинская культура. Дальнейшие поиски истоков синташтинских памятников в древнеямном массиве вряд ли выведут проблематику этой культуры из «арийского тупика», в каком она оказалась благодаря ряду произвольных экстраполяций челябинских и самарских исследователей в последнем десятилетии XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев, И. Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья / И. Б. Васильев // Вопросы археологии Урала и Поволжья к 30-летию Средневож. археол. экспедиции сб. ст. Самара Самар. гос. ун-т, 1999.
2. Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара : Самар. ун-т, 1994.
3. Виноградов, Н. Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации / Н. Б. Виноградов // Памятники археологии и древнего искусства Евразии сб. ст. памяти В. В. Волкова. М. : Ин-т археологии РАН, 2004.
4. Горбунов, В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В. С. Горбунов. Уфа Башкир. пед. ин-т, 1992.
5. Дегтярёва, А. Д. К проблеме возникновения синташтинского металлопроизводства / А. Д. Дегтярёва // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006.
6. Дегтярёва, А. Д. Технология металлопроизводства ямной культуры / А. Д. Дегтярёва // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006.
7. Зданович, Г. Б. Аркаим: арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация / Г. Б. Зданович // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995.
8. Кузнецов, П. В. Памятники потаповского типа / П. В. Кузнецов, А. П. Семёнова // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара : Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000.
9. Кузьмина, О. В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье : учеб. пособие к спецкурсу / О. В. Кузьмина. Самара Самар. пед. ин-т, 1992.
10. Малютина, Т. С. Керамика Аркаима: опыт типологии / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Рос. археология. 2004. № 4.
11. Малютина, Т. С. Керамика Аркаима: сравнительный анализ / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Рос. археология. 2005. № 2.
12. Моргунова, Н. Л. Памятники древнеямной культуры на Илеке / Н. Л. Моргунова, А. Ю. Кравцов. Екатеринбург : УИФ «Наука», 1994.
13. Моргунова, Н. Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья / Н. Л. Моргунова // Проблемы археологии Евразии : к 80-летию Н. Я. Мерперта : сб. ст. М. : Ин-т археологии РАН, 2002.
14. Салугина, Н. П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья / Н. П. Салугина // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург Изд-во ОГПУ, 1999.
15. Салугина, Н. П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья / Н. П. Салугина // Рос. археология. 2005. № 3.
16. Ткачёв, В. В. Керамика синташтинской культуры / В. В. Ткачёв, А. И. Хаванский. Орск ; Самара : Изд-во ОГТИ, 2006.
17. Ткачёв, В. В. Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней — начала поздней бронзы в степном Приуралье / В. В. Ткачёв // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск Зап.-Казахстан. обл. центр истории и археологии, 2002.
18. Черных, Е. Н. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду / Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, С. В. Кузьминых // Рос. археология. 2002. № 1.

Н. Б. Виноградов

Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ (перспективы взаимопонимания)

По мере опубликования материалов проблема происхождения памятников синташтинского типа в Южном Зауралье вызывает всё больше вопросов. Проблема крайне сложна для решения, поскольку касается археологического феномена с непродолжительной по археологическим меркам историей (130–150 лет) и в различной степени отразилась в разнообразных категориях археологических источников.

С некоторого времени прекратилось резкое увеличение фонда источников по обсуждаемой проблеме и встал вопрос об их систематизации и осмыслении.

В её обсуждении удивляет прежде всего последовательность этапов. Сначала предлагаются разнообразные концепции, а затем публикуются материалы. Говоря это, я говорю и о себе тоже. В самом деле, достаточно было появиться пусть и небольшим, но публикациям материалов Аркаима, в первую очередь, керамического комплекса, как у меня лично появились сомнения в одновременности появления, одновременности существования частей этого памятника и культурной монолитности населения, его оставившего.

По вариантам решения проблемы происхождения памятников синташтинского типа, как вы знаете, специалисты разделились на несколько групп.

Направленность действий одних является собой попытку скорее интуитив-

ного определения доли типологического сходства различных категорий материальной культуры памятников синташтинского типа с материалами других культур (прежде всего, абашевской культуры Южного Урала). В пределах обозначенного подхода имеются два его варианта. Сторонники первого из них связывают появление синташтинских памятников в Южном Зауралье именно с населением южноуральской абашевской культуры, предлагая рассматривать памятники синташтинского типа как позднейшую стадию её развития (Т. М. Потёмкина, В. С. Горбунов, О. В. Кузьмина и, в определённой степени, А. Д. Пряхин).

Вторая группа специалистов склоняется к тому, что истоки синташты, как и синхронных ей культурных образований, следует видеть в группах восточноевропейского степного населения времени распада культур катакомбного или ямно-катакомбного мира [3. С. 34–35; 9. С. 61–62; 12. С. 86; 14. С. 35; др.]. Истоки синташты связывают с мощным воздействием миграций с запада (абашевская, КМК, полтавкинская и, опосредованно, катакомбные культуры [13. С. 51], с «широкими культурными трансформациями» периода распада мира позднекатакомбных культур, одним из следствий которого и явилось формирование в частности памятников синташтинского типа [3. С. 34]; с проникно-

вением в Южное Зауралье позднеямных западных племён с полтавкинскими и катакомбными чертами в культуре и встречей их здесь с абашевским населением Южного Урала и носителями культур с геометрической орнаментацией керамики (ботайско-терсекского круга), также сыгравшими известную роль в культурогенезе синташтинского населения Южного Зауралья [4. С. 60; 5. С. 51; 8]. В катакомбном мире видит Д. Г. Зданович и истоки синташтинской традиции погребально-поминальных жертвоприношений животных [7. С. 63].

Различия позиций сторонников этой гипотезы сводятся лишь к определению степени участия отдельных групп населения степей Волго-Уралья, или даже Доно-Волго-Уралья, в сложении синташты.

Роль культур катакомбного круга в оформлении памятников синташтинского типа стала более явственной после того, как оренбургским археологам удалось вычлнить группу позднекатакомбных погребений в степях Волго-Уралья [10. С. 251].

Точка зрения С. А. Григорьева вам также известна. Происхождение синташтинского населения им связывается с немногочисленной, хорошо вооружённой группой переднеазиатских пассионариев, которые достаточно быстро продвинулись из Северной Сирии через Закавказье и Поволжье в Южное Зауралье и стали здесь основой для формирования общин, оставивших памятники синташтинского типа. Также особняком необходимо упомянуть точку зрения на происхождение синташты Н. И. Шишлиной и Ф. Т. Хиеберта, согласно которой из земледельческих оазисов Средней Азии на Южный Урал мигрировала группа земледельческого населения, но не смогла вести в континенталь-

ном климате южноуральских степей привычное земледельческое хозяйство и «сыграла генерирующую роль в формировании андроновского и срубного круга памятников» [15. С. 90–92]].

Из приведённого неполного перечня вариантов интерпретации в сущности одних и тех же материалов можно сделать ряд выводов. Все авторы, за исключением В. С. Мосина [11], едины в том, что в культурогенезе рубежа среднего и позднего бронзового века на Южном Урале и в Казахстане участвовало как местное, так и пришлое (в основном с запада или юго-запада относительно Южного Урала) население. Вопрос лишь в значимости, которая, в свою очередь, определяется степенью фиксируемой проявленности в археологических источниках того и другого культурогенетического слагаемого.

С другой стороны, ни один из авторов, по понятным причинам, не отважился указать на конкретный район исхода миграции и конкретную археологическую культуру или культуры как на основу формирования синташтинского населения. В определении исходного района миграции в работах абсолютного большинства исследователей, за исключением А. А. Ткачёва, не фигурирует восточное направление. Этот факт также требует объяснения.

Теперь о втором подходе. Культурогенетическая какофония применительно к памятникам синташтинского типа, на мой взгляд, основной причиной своего существования имеет отсутствие теоретической проработки как проблемы культурогенеза для археологии в целом, так и для обсуждаемых сообществ памятников Южного Урала и Казахстана в частности. И это не только моё мнение. В частности, Д. Г. Зданович указывает, что, с одной стороны,

нет понимания **логики формирования** памятников синташтинского типа; с другой, невозможно и её выведение в рамках традиционных путей интерпретации археологических источников. Выход Д. Г. Зданович видит в возможностях «моделирования проблемы памятников синташтинского типа» с использованием как реконструктивных методов, так и некоего «конструирования» [б. С. 113].

Ещё один момент. Культура или тип памятников? Обсуждая синташтинские материалы, я определяю синташтинские памятники как особый тип переходного периода от среднего к позднему бронзовому веку, как отражение начального этапа культурогенеза с присущим ему неустойчивым сочетанием признаков и новообразованиями, которым никогда не удастся найти прототипы в памятниках предшествующих эпох.

Появление на рубеже III-II тыс. до н. э. на Южном Урале памятников синташтинского типа, на мой взгляд, действительно связано с мощным миграционным импульсом в этот регион с запада и юго-запада. Но я бы не стал определять носителей этого импульса термином «арии», поскольку специалисты, на работы которых мы ссылаемся, в частности Л. А. Лелеков, не пришли пока к единому мнению о содержании этого термина (этническое или социальное или и то и другое вместе?).

Повышенная миграционная активность групп скотоводческого степного населения южной части Восточной Европы в это время протекала в условиях кратковременной резкой аридности. Думаю, что уместно предположить для подобных экстремальных климатических условий как разнонаправленность миграционных потоков, так и существование своеобразных районов стабильности, обусловленной конкрет-

ными экономическими и иными основаниями. В какой-то степени сказанное как объясняет нечёткость проявления в материальной культуре памятников синташтинского типа признаков отдельных культурных компонентов, так и, как это ни парадоксально, благодаря уникальному их смешению и присутствию новообразований даёт основание для обособления неповторимого синташтинского комплекса признаков и выделения синташтинских памятников как типа.

Территориальная локализация памятников синташтинского типа и, соответственно, совокупность культурных составляющих, комплекс признаков пока также далеки от полноты понимания. Не получило, в частности, объяснения открытие на территории Башкирии уже нескольких укрепленных поселений с керамическим комплексом, весьма отличным от синташтинского. Нет ясности с южными пределами распространения укрепленных поселений с материалами синташтинского облика.

Не получила в литературе подробного обсуждения и «связка» известной локализации поселенческих памятников синташтинского типа лишь с зауральским пенеппеном.

С другой стороны, требует осмысления взаимосвязь синташтинских и абашевских общин на Южном Урале. Часть керамики абашевской культуры Южного Урала и, частично, металлокомплекс связываются с синташтинским населением, однако развёрнутого объяснения и этот вопрос не получил. Решение проблемы происхождения для памятников синташтинского типа без объяснения этих фактов вряд ли возможно.

Культурная обусловленность и хронологическое соотношение памятников синташтинского типа Южного Урала и

памятников петровского типа Северного Казахстана также являются предметом дискуссий.

Парадоксальная ситуация сложилась и в определении роли участия групп местного южноуральского населения в сложении облика памятников синташтинского типа. В абсолютном большинстве как материальные черты синташтинского образа жизни, так и материализованные черты идеологии синташтинцев не могут быть выведены и поняты из контекста памятников круга энеолитических культур «геометрической керамики» Урала и Казахстана. Это обстоятельство, вероятно, и явилось причиной формирования В. В. Ткачёвым культурно-хронологической цепочки «Синташта — Петровка — Алакуль». По моему мнению, в силу малочисленности синташтинского населения и несоизмеримости территории, занятой им и, впоследствии, алакульскими культурами Южного Урала и Казахстана, синташтинские культурные стереотипы могли дать лишь культуuroобразующий импульс, а базу для формирования памятников петровского типа как в Южном Зауралье, так и в Казахстане предстоит ещё найти и объяснить. А это сделать невозможно до тех пор, пока мы не поймём модель, по которой местное степное энеолитическое население Южного Урала и Казахстана интегрировалось в пришлые здесь культуры древнейших скотоводов из Волго-Уралья. Было ли это полное истребление аборигенного населения или существовали некие условия включения его в состав новоприбывших общин? Судя по облику керамического комплекса петровских памятников Южного Урала и Казахстана, именно вторая модель действительно была реализована, причём в условиях крайней

престижности именно синташтинских стереотипов, что позволило им в трансформированном виде составить основу образа жизни петровских, а позднее и алакульских общин.

Прошедшие со времени открытия памятников синташтинского типа десятилетия, за которые все мы до обидного мало продвинулись в разрешении обсуждаемой проблемы, убеждают в том, что необходимо кардинально пересмотреть подходы к её решению. Попытки активного привлечения специалистов естественных наук не всегда приносят ожидаемые результаты. Часть этих методов сами по себе находятся в стадии разработки и не могут дать однозначного ответа на поставленные археологами вопросы, когда «узкие специалисты», скорее, идут за археологами, чем помогают им найти верное решение того или иного вопроса.

В то же время надо честно признать, что попытки объяснить происхождение синташтинского населения через поиски лишь типологических соответствий оказались или неэффективны или малоэффективны. Определённые возможности таит привлечение к решению проблемы синташтинского генезиса данных по консервативным технологиям и материалам, связанным с конкретными консервативными идеями духовной культуры. Речь идёт в первую очередь о таких технологиях, как гончарство, металлопроизводство, ткачество. Особенности консервативной технологии, специфические черты древнейших производств, возможно, помогут указать на предшествующие звенья генетической цепочки. Именно эту цель я ставил перед собой, когда в начале 1980-х гг. приступил к исследованию технологии алакульского гончарства.

И, надо признать, тогда подобный подход оказался результативным.

Другим производством, исследование которого может сослужить добрую службу в решении обсуждаемой проблемы, является производство металла. По данным А. В. Епимахова, каждое пятое синташтинское погребение содержит материалы, свидетельствующие о металлургии и металлообработке бронзы. И при этом невозможно указать возрастную группу, связанную с добычей руды и переработкой её в металл и в конечные изделия [2. С. 81–82]. В плане привлечения данных по металлургии и металлообработке для решения интересующей нас проблемы нас пока сдерживают сами историки металлургии, которые пока не вполне обнародовали как технологические особенности ямного и катакомбного металлопроизводства, так и результаты его сравнения по различным параметрам с синташтинским и алакульским металлопроизводством. Работы эти ведутся. Можно привести здесь в пример серию статей А. Д. Дегтярёвой, Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых, С. А. Григорьева и других. Дело за плодотворным сотрудничеством полевых археологов, занимающихся синташтинской проблемой, и историками древней металлургии. С другой стороны, нельзя и уповать лишь на результаты технологических изысканий. Но работа «на особицу» вряд ли пойдёт на пользу общему делу. Я уже высказывал в печати мнение о том, что, поскольку субкультура, связанная с металлопроизводством, для бронзового века Южного Урала не теоретическое понятие, а реальный объект исследования, необходима определённая программа действий, направленная на её изучение. К сожалению, проблема соотношения профессиональных кланов (субкультур?) и археоло-

гических культур для бронзового века степной Евразии ещё ждёт своего исследователя. А наличие такой проблемы и необходимость её углублённого изучения становится всё более очевидной. Тем более что исследователи, профессионально занимающиеся вопросами истории древнейших этапов металлургии на Урале, подчёркивают как клановую природу её организации, так и появление металлургии на Урале в ямное время уже в сложившемся виде как результат переселения «из западных районов кланов металлургов-литейщиков» [1. С. 27].

Возможно, именно здесь кроется разгадка научной интриги, связанной с решением вопросов происхождения синташтинского населения, особенностей облика, модели функционирования как укреплённых синташтинских поселений, так и несоразмерных с ними «погребальных полей», а также с «обще-металлургической» окрашенностью жизни синташтинцев. Если исходить из этой логики, то ряд важнейших вопросов, связанных с памятниками синташтинского типа, будет возможно разрешить в рамках исследовательских процедур научного знания.

Ещё одним реальным и перспективным направлением исследования проблемы формирования памятников синташтинского типа в Южном Зауралье вполне может считаться анализ специфических проявлений духовной жизни синташтинского общества. В качестве примера приведём традицию помещения в погребальные камеры частей двухколёсных повозок. По моему мнению, в погребальную обрядность синташтинского населения эта традиция могла быть привнесена лишь из ямных или катакомбных культур предшествующего периода как часть одной из редакций

общего для этого круга культур погребального мифа.

Смею предположить, что, общей стратегической перспективой для всех участников круглого стола должна стать выработка единого или сходного в основном понимания как самого существа культурогенеза применительно к памятникам синташтинского типа, так и реконструктивного его механизма реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дегтярёва, А. Д. Технологическое исследование металла ямной культуры Южного Приуралья / А. Д. Дегтярёва // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : материалы итоговой сессии учёного совета Ин-та проблем освоения Севера Сиб. отд-ния РАН, 2002 г. Вып. 4. Тюмень, 2003.
2. Епимахов, А. В. Атрибуты производственной специализации в погребальных памятниках Урала эпохи бронзы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание материалы междунар. конф. Пермь, 2003.
3. Епимахов, А. В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Епимахов. Новосибирск, 1998.
4. Зданович, Г. Б. Абашевская культура и синташтинский очаг культурогенеза / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии тез. докл. междунар. науч. конф. Тамбов, 1996.
5. Зданович, Г. Б. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.
6. Зданович, Д. Г. К проблеме происхождения памятников синташтинского типа (археологическое знание и имагология) / Д. Г. Зданович // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск, 1999.
7. Зданович, Д. Г. К этнокультурной характеристике населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: обряды жертвоприношения животных / Д. Г. Зданович // Этнические взаимодействия на Южном Урале материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004.
8. Калиева, С. С. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры / С. С. Калиева, В. Н. Логвин. Кустанай, 1997.
9. Малов, Н. М. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья / Н. М. Малов, В. В. Филипченко // Археол. вести. 1995. № 4.
10. Моргунова, Н. Л. Шумаевские курганы / Н. Л. Моргунова, А. А. Гольева, Л. А. Краева [и др.]. Оренбург, 2003.
11. Мосин, В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья / В. С. Мосин. Челябинск, 2003.
12. Мочалов, О. Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (к постановке проблемы) / О. Д. Мочалов // Историко-археологические изыскания : сб. тр. молодых учёных. Вып. 1. Самара, 1996.
13. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. М., 1977.
14. Ткачёв, В. В. Новые погребения энеолита — средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана / В. В. Ткачёв, С. Ю. Гуцалов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000.
15. Шишлина, Н. И. Евразийские кочевники и земледельцы эпохи бронзы: проблема взаимодействия / Н. И. Шишлина, Ф. Т. Хиеберт // Между Азией и Европой: Кавказ в IV-I тыс. до н. э. СПб., 1996.

В. С. Горбунов, Ю. В. Горбунов

Башкирский государственный педагогический университет, Уфа

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Среди множества проблем эпохи бронзы Южного Урала синташтинская проблема занимает особое место.

Открытие и изучение Синташтинского комплекса в 1970-е гг. вызвало большой интерес к этому, без преувеличения сказать, историко-культурному феномену. Последующее открытие других уникальных памятников, и в первую очередь Аркаима, породило своеобразную цепную реакцию. На фоне известных археологических культур, памятники синташтинского типа выглядят пока ещё загадочными незнакомцами. Поэтому многие дискуссионные вопросы синташтинских древностей связаны с необходимостью конструктивного переосмысления археологических культур и общностей эпохи палеометалла не только Южного Урала, но и далеко за его пределами.

В настоящее время на Южном Урале выявлены и изучены ареалы распространения уральской абашевской, петровской археологических культур, андроновской и срубной общностей. В связи с этим возникает закономерный вопрос о месте среди них синташтинских древностей. Основанием для такого анализа выступают не только исследованные на высоком уровне археологические комплексы Синташты и Аркаима, а также ряда других памятников, но и их качественные публикации [2; 8; 13; 15; 19–20], позволяющие вести серьёзные научные дискуссии. Есте-

ственно, однозначности толкования не может быть по многим причинам, и в первую очередь из-за отсутствия общей теории культурогенеза древних обществ.

Термин «синташтинская культура», постепенно вытеснивший термин «памятники синташтинского типа», в настоящее время конкретизирован как синташтинско-аркаимская или аркаимско-синташтинская культура [2; 20; 29].

Территориально основное ядро синташтинско-аркаимских памятников сосредоточено достаточно компактно к востоку от Уральских гор на притоках рек Урала и Тобола в маргинальной зоне современной степи и лесостепи. Пока зона распространения синташтинских древностей ассоциируется в основном с 20 укрепленными центрами в виде овальных, круглых и прямоугольных в плане городищ особого типа¹. Проведённые в последние годы разведочные работы в Южном Зауралье выявили большое количество новых поселений и курганных могильников на притоках правобережья верхнего течения р. Урал. Особый интерес представляет археологический комплекс Улак, где, наряду с несколькими поселениями и могильниками, выявлено городище круговой формы, напо-

¹ К сожалению, в текстах и картах не приводится перечень посёлков обычного типа, на которых встречена керамика синташтинского типа. Вследствие этого возникает вопрос о том, были ли кроме «городищ» у синташтинских племён «селища».

минающее синташтинско-аркаимские. Это даёт основание предполагать выявление и других памятников синташтинско-аркаимского типа и на правобережье р. Урал в степном Приуралье.

Введя термин «страна городов» по отношению к этому типу памятников, авторы исследований памятников признают его условность и надеются в будущем найти более удачный термин, отвечающий в большей степени реальному содержанию синташтинского феномена [15. С. 82].

Безусловно, внешний облик синташтинских укрепленных комплексов производит сильное впечатление. Действительно, овально-округлые или прямоугольные поселения непривычны для степи и лесостепи Евразии¹. Именно по этой причине, Г. Б. Зданович рассматривает их как протогорода², каждый из которых в своей планировке не повторяет друг друга, и, по мнению исследователей, несхожесть закладывалась преднамеренно [Там же С. 74].

Авторы в анализе укрепленных центров синташтинско-аркаимской культуры основываются на результатах аэрофотосъемок, что позволило им обосновать не только типологию укрепленных центров (исходя из внешних признаков), но и предпринять попытку их реконструкции, быть может, несколько опережающую стационарные раскопки. Особый акцент делается на оборони-

¹ Ярким примером размещения жилищ по кругу, иногда в виде колец, как известно, являются поселения трипольской культуры раннего этапа эпохи палеометалла.

² Введение и употребление термина, обозначающего данный вид памятников, зависит от смысла и содержания, вкладывающегося в их назначение и функции. На наш взгляд, они ассоциируются с хозяйственно-культурными центрами с ярко выраженной животноводческой специализацией, где важную роль выполняли обмен и использование скота в качестве одного из важных источников обмена и продажи.

тельную функцию укрепленных поселков [Там же. С. 73, 82]. В связи с чем абсолютно закономерно возникает вопрос о тех военных угрозах, которые бы заставляли направлять большие усилия и громадное количество материалов (особенно, ценного в степи дерева) на возведение сложных фортификационных сооружений. Судя по археологическим материалам, массивов населения, способных вызвать подобную угрозу, в Зауралье не было. Керамика разных культурных типов на этих поселениях свидетельствует, скорее, об ассимиляции и интеграции материальных и духовных ценностей, представителей разных культур, основанной на мирном её характере. Поэтому возникает версия о двух врагах: хищных животных, способных нанести урон стадам, и амбициозных претензиях населения одних гордищ к населению других.

Приводимые материалы в публикациях поселений Аркаим и Синташта свидетельствуют о том, что в культурном слое содержатся, с нашей точки зрения, разнокультурные комплексы керамики.

На основании рисунков нам представляется возможным выделить три группы керамики.

Первая группа — это оригинальные образцы сосудов известных культур. Уже в 1970-е гг. при раскопках Синташтинского поселения было выявлено два комплекса — ранний абашевский и поздний алакульский. Абашевский комплекс связывали с находившимся в непосредственной близости Синташтинским могильником [25. С. 111]. В обобщающей работе по Синташтинскому комплексу авторы относят к синташтинской керамике типичные для абашевской культуры некоторые фрагменты горшководных и колоколовидных сосудов [8. С. 89. Рис. 32: 2; 30: 7]. Однако, судя по рисункам в тексте публикации, сосудов

абашевского типа значительно больше [Там же. Рис. 23: 1, 2, 8; 25: 2; 26: 10, 24; 32: 9–12]. Авторами исследований признаётся, что, объединённая одним культурным слоем поселения керамика отражает различные культурные традиции и определённые хронологические отличия, возникающие в рамках временной непрерывности [Там же. С. 100]. Возможно, к числу сосудов оригинального типа относятся образцы петровской и алакульской керамики [Там же. Рис. 24: 23; 25: 8, 9; 28: 9, 10; 29: 4]. Эта керамика находит аналогии среди посуды петровской и алакульской культур поселений Новоникольское 1, Петровка 2 [14. Рис. 7, 8, 18].

Вторая группа — имитация форм и орнамента известных археологических культур. И здесь ведущее место занимают имитации посуды абашевского, петровско-алакульского и срубного типов.

К *третьей группе* следует отнести сосуды, носящие следы сложной метизации и синкретичности. На наш взгляд, это то, что и называют керамикой синташтинско-аркаимского типа. В заимствованиях, создающих признаки особого синташтинского типа, можно также выделить несколько вариантов.

1. Заимствование и создание на основе оригинала переработанных форм сосудов. Именно поэтому в очертаниях синташтинских сосудов много узнаваемых черт оригинальной посуды: абашевского, петровского, позднеполтавского типов.

2. Заимствование и творческое использование элементов орнамента в украшении посуды. В частности, горизонтальный прямой и волнистый канелюр в верхней части сосудов, наряду с острым внутренним ребром, является одним из главных диагностических

признаков уральской абашевской [10] и доволожской абашевской культуры [25]. Такими же типичными для абашевцев являются узоры и комбинации, выполненные мелкозубчатым штампом в виде заштрихованных прямоугольников, треугольников, ромбов, меандров, горизонтальной ёлочки [10. Рис. 18; 20: 19–23].

Другие примеры. Расчёсы в виде рядов каннелированных бороздок, нанесённых по всему тулову сосудов (обычно баночной формы), являются характерным признаком покровско-абашевской посуды. Вертикальная ёлочка из оттисков гладкого и зубчатого штампов широко представлена на некоторых типах многообразной посуды катакомбной общности.

3. Заимствование, переработка и создание собственных технологий и приёмов изготовления сосудов. Характерный пример — изготовление сосудов на шаблоне, известное по образцам петровской посуды.

В свете сказанного видно, что керамика таит в себе широкие и далеко не полно использованные возможности для изучения и осмысления процессов формирования такого инновационного явления, каким в эпоху бронзы стала синташтинско-аркаимская культура.

Рассматривая характер распределения керамических коллекций в культурном слое синташтинско-аркаимских памятников, нельзя не отметить наличие целого ряда общих черт, характерных для поселенческих памятников и Южного Приуралья, и бассейна Среднего Дона, и Северского Донца. На всех западных, по отношению к Зауралью, бытовых памятниках наблюдается однотипная картина. Как правило, в нижних штыках залегает абашевская керамика, а над ней, иногда вместе с ней, другие —

покровско-абашевские, КМК, срубные керамические комплексы. На поселениях Тюбьяк, Береговском, Юмаковском и ряде других поселений выявлены не только комплексы абашевской керамики, но и особые участки памятника с абашевскими постройками. Уникальная стратиграфия участка 3 раскопа 3 Тюбьякского поселения документально демонстрирует процессы трансформации абашевских древностей в древности раннесрубного и срубного типов. Данный участок связан с большой многокамерной абашевской постройкой полукольцевой формы. Точнее постройка занимает край мыса надпойменной террасы и как бы повторяет его очертания [10. Рис. 72; 73; 23. Рис. 34; 35]. В глубине мыса террасы располагались постройки с материалом раннесрубного облика, а на соседнем участке выявлены материалы, отражающие процессы сосуществования срубного населения развитого этапа с межовским. Подобная картина наблюдается в поселении Береговское 1. Многокамерная абашевская постройка располагалась на мысу древней старицы, а срубные — в центре посёлка [10. Рис. 6; 8]. При этом на каждом из поселений абашевские сосуды имеют, как правило, не только идентичные типы сосудов, но и обязательно серию сосудов с эксклюзивной орнаментацией. Подобная картина выявлена и на самом полно и всесторонне исследованном Мосоловском поселении на р. Битюг в бассейне Среднего Дона.

Появление на Южном Урале абашевского населения исследователи связывают в первую очередь с поисками рудных источников. На основе их работ абашевцы создали не только высокотехнологическую металлургию и металлообработку, но и передали её своим преемникам.

Как установлено специальными исследованиями, процессы этнокультурных изменений наиболее ярко проявляются главным образом в керамике. А. А. Бобринский [4], установив закономерности проявления приспособительных и субстратных приёмов в гончарстве, подчёркивает, что субстратные приёмы не меняются длительное время, даже в условиях культурной диффузии, в то время как приспособительные могут быстро трансформироваться.

По всей видимости, появление синташтинской керамики отражает процессы конгломератного существования, что характеризуется совмещением на одной территории разных групп населения, а затем смешанного состояния, когда происходит собственно смешение человеческих групп. Этот процесс выявляется по наличию смешанных приёмов изготовления посуды [18. С. 149].

Более сложно процессы культурогенеза в Южном Зауралье просматриваются в материалах погребальных памятников.

Большим достижением уральских археологов является то, что с несколькими наиболее полно изученными поселениями синташтинско-аркаимской культуры выявлены могильники. Так, рядом с Синташтинским поселением исследованы: большой грунтовый могильник (СМ), комплекс грунтовых и курганных захоронений (С1), малый грунтовый могильник (С2), малый курган (С3), большой курган (СБ) [8]. С поселением Аркаим связан Большекараганский могильник, на котором расположены курганы 11, 20, 22, 24, 25 [2; 5. С. 64–88]. С поселением Устье связан курганный могильник Солнце 2 [12. С. 22–42]. С укрепленным поселением Ольгино связан курганный могильник Каменный Амбар 5 [16. С. 156–207].

Исследованиями установлено, что Синташтинский некрополь состоит из грунтовых и курганных могильников. Сложные по конструкции, материалоёмкие и дорогостоящие захоронения свидетельствуют об особом статусе этого некрополя.

На фоне абашевских, петровских, срубных и алакульских захоронений, синташтинские погребения поражают своей расточительностью. Для сооружения даже простых, по меркам Синташты, могильных камер, землекопы извлекали кубометры земли, плотники сооружали сложные конструкции внутри ям, с использованием многих кубометров лесоматериалов, для жертвоприношений забивались лошади, коровы, овцы, собаки. Почти во всех могилах встречаются изделия из металла, кости, камня. Обязательным атрибутом оформления могил служили глиняные сосуды. В наиболее престижных вместе с покойником в могилу помещали двухколёсную повозку, иногда с костяками лошадей и псалями.

Всё это свидетельствует о достаточно сложной структуре общества синташтинско-аркаимской культуры [7]. Но следует заметить также, что просматривается не только существование родоплеменной аристократии, но и формирование её сословных признаков. В качестве примера можно привести факты нахождения в детских и женских захоронениях в большом грунтовом могильнике престижных предметов из металла, кости, камня.

Нельзя не согласиться с оценкой Синташтинского некрополя как памятника, отражающего ранний период развития социальной и этнической системы религиозных представлений индоиранцев [8. С. 10]. Данный могильник, отличающийся от других могильников синташтинско-аркаимской культуры,

представлял собой особый некрополь, предназначенный для родовой, племенной и даже межплеменной элиты, поэтому в грунтовом могильнике погребение производилось не по принципу родственности, как под курганами, а по принципу социальной значимости.

Намного скромнее выглядит некрополь посёлка Аркаим. В Большекараганском могильнике раскопано 5 курганов, под насыпью которых выявлено 40 захоронений бронзового века. В первой группе изучены курганы 11, 20, 22; в четвёртой группе — курганы 24, 25. Одной из общих черт является наличие кольцевых ровиков вокруг погребений, использование дерева в оформлении могильных ям, большой процент вторичных захоронений, кости домашних животных и собак. В то же время наблюдаются различия в погребальном обряде и в вещевом инвентаре. Кроме того, ни в одном из курганов не выявлено следов повозок, и лишь в погребениях 1 и 2 кургана 24 обнаружено по одному круглому дисковидному псалию с монолитными шипами [5. Рис. 176: 10; 18: 4].

Выглядит вполне обоснованным утверждение, что курган 25 Большекараганского могильника является самым ранним в группе насыпей бронзового века данного некрополя. Он близок во многом с погребениями Синташтинского курганного и грунтового могильников. Время его функционирования Д. Г. Зданович помещает в интервал между ранними и поздними захоронениями, который составляет 20–30 лет [2. С. 105].

Вывод о времени функционирования кургана 25 Большекараганского могильника — в течение всего двух-трёх десятилетий — имеет очень важное значение.

Во-первых, погребения, выявленные под его насыпью, содержат кости людей, которые если и не являются все прямы-

ми родственниками, то, вероятно, часть из них как-то связана родоплеменными узами. Иноплеменные родственники могли быть из числа жён, мужей и их детей, представляющих популяции других культур.

Во-вторых, столь короткий отрезок времени, документально аргументированный материалами кургана, позволяет говорить об относительной одновременности содержащихся под насыпью вещевых комплексов, где речь может идти лишь о последовательности создания тех или иных захоронений и жертвенных ям. Это означает, что данный курган следует рассматривать как один из эталонных памятников, позволяющих уточнить синхронность ряда вещей и типов сосудов эпохи бронзы.

Весьма любопытна и демография кургана. В 15 погребениях обнаружены скелеты и кости 29–32 человек. По костным останкам 28 человек, Р. У. Линдстром установил, что половину их представляют мужчины (5 особей) и женщины (7–9 особей), а другую половину — дети. Возрастная структура данной популяции близка к естественной структуре первобытных групп. Население, по мнению антрополога, отличалось хорошим здоровьем, не подвергалось сильным физическим перегрузкам и не страдало от голода. На костях отсутствуют признаки насильственной смерти. Все изученные черепа отнесены к протоевропейскому типу без признаков монголоидности [17. С. 163]. В то же время Б. М. Медникова по костям 7-летнего ребёнка из погребения 16, установила у него все признаки физиологического стресса, свидетельствующие о перенесённой анемии, о периодах острого голода или лихорадочных состояний [21. С. 166].

Думается, что состояние ребёнка из погребения 16 очень точно отражает

сложную внешнюю и внутреннюю обстановку, в целом характерную для эпохи бронзы, где особо уязвимыми оставались женщины и дети.

Неполнота антропологической информации связана в первую очередь с наличием в могильнике большого числа фрагментированных костей погребённых. Поэтому хотелось бы высказать наши суждения по поводу погребений 9 и 10, которые авторы не относят к числу ранних.

Между тем погребения 9 и 10 являются самыми крупными в кургане могилами, занимающими его центральную часть, а с центра, как обычно, и формируется курганное пространство, примерно в то же время очерчиваемое оградой (в данном случае — кольцевым рвом).

Обе могилы (9 и 10) производят впечатление ограбленных. Хотя, Д. Г. Зданович рассматривает их как склепы, возможно многоярусные, и высказывает мысль о возможности вторичных захоронений [2. С. 50–51]. На наш взгляд, погребения 9 и 10 демонстрируют образцы типичного погребального обряда уральских абашевских племён. Он отражает обряд либо вторичных захоронений, либо преднамеренных повторных погребений. Обряд повторных погребений, представляющий собой процедуру извлечения костей, следовавшую после истлевания тканей (скелетирования), фрагментирование или перенос остатков на новое место, известен в курганных могильниках эпохи бронзы Центральной Европы [22. С. 58]. В абашевских могильниках Южного Приуралья не обнаружено практически ни одного сохранившегося в полной мере костяка [9; 10]. Близкая картина наблюдается и в абашевских захоронениях Среднего Дона.

Рассматривая особое место погребений 9 и 10 в кургане 25 Большека-

раганского могильника, необходимо обратить внимание на некоторые принципиально важные детали. В заполнении могил обнаружена керамика, имитирующая абашевскую и покровско-абашевскую посуду¹ [2. Рис. 24: 1, 3-4; 25: 12]. Но один из них — миниатюрный, острорёберный сосудик [Там же. Рис. 28: 3], возможно, абашевского происхождения, а эти сосуды широко представлены во всех культурах абашевской общности. Другими типично абашевскими атрибутами являются вещевые находки в могилах над ними. В первую очередь это костяная лопаточка с полый втулкой, бронзовые плоские топоры-тёсла, втульчатый крюк, подквадратные в сечении шилья — имеют аналогии в памятниках уральской абашевской культуры [10].

Ножи и кинжалы Большекараганского кургана напоминают подобные образцы из абашевских, покровско-абашевских и потаповских захоронений.

И всё-таки, при наличии большого числа престижных вещей, частей и целых туш примерно 10 лошадей, 12 коров, более 50 овец и коз, под курганом не были найдены следы колесниц, захоронений с топорами и копьями, костяков лошадей с псалиями.

Анализ материалов всех пяти курганов Большекараганского могильника даёт ряд наблюдений.

Ориентировка неустойчивая. Чаще всего погребённые ориентированы головой на северо-запад (18,5 %) и юго-восток (18,5 %). Ориентировка на запад и юго-запад составляла по 14,8 %. Равный удельный вес имеют погребения, в которых скелет помещён на север и

северо-восток (11,1 %). Реже была ориентировка на юг (7,4 %) и восток (3,5 %).

В погребальном обряде господствуют две традиции — вторичные захоронения (37,5 %) и захоронения в скорченном положении на левом боку в позе адорации (37,5 %). Каждое пятое погребение либо представляло кенотаф, либо было пустым. Лишь в одном захоронении выявлено вытянутое положение покойника и в одном — в позе всадника.

В погребальной практике важным представляется место сосудов в могильной камере. Чаще всего сосуд ставился у головы покойника. На втором месте — помещение сосуда у кистей перед лицом. Реже встречаются другие комбинации размещения сосудов в могиле. По этим параметрам данный могильник весьма близок могильнику Ветлянка 4 [11. С. 179. Рис. 3, 5].

В десяти погребениях могильника Солнце 2 выявлены две могилы со следами колёсповозки и практически во всех встречен обряд вторичных захоронений с сосудами синташтинско-аркаимских типов.

Не менее интересные материалы содержал курган 2 могильника Каменный Амбар 5 [16. С. 156–207].

Таким образом, рассматривая место синташтинско-аркаимской группы памятников в системе культур эпохи палеометалла, можно сделать ряд выводов.

По-видимому, не случайно степная полоса Южного Урала стала одним из активнейших узлов культурогенеза на обширных пространствах Евразии, совпавшим с общим мощным импульсом микенских влияний.

Во-первых, потому что уже с древних эпох именно здесь соприкасались и приходили в движение массивы населения и с запада и с востока, являвшиеся источником появления синкретичных памятников.

¹ Поскольку, к сожалению, в публикациях невозможно описать и проиллюстрировать все образцы керамики, читателю приходится руководствоваться лишь описаниями и оценками авторов публикации.

Во-вторых, до начала активного освоения Каргалинских рудников в сейминскую эпоху южноуральские рудные источники постоянно привлекали разные группы населения. Одной из главных причин прихода на Урал абашевского населения были поиски источников сырья.

Время формирования различных культурных явлений можно рассматривать как периодически повторяющиеся всплески инноваций. С. А. Арутюнов выделяет четыре этапа: селекции, воспроизведения или копирования, приспособления или модификации и, наконец, структурной интеграции [3. С. 174]. Он обосновал гипотезу о том, что любая инновация предполагает наличие донора и реципиента. Применительно к синташтинско-аркаимской культуре, в качестве ведущих доноров выступали племена абашевской и полтавкинско-катакомбной общностей. Успешная этническая метисация в Зауралье протекала потому, что этносы, вступившие в процессы межкультурной трансформации, были близки по уровню развития и направлению хозяйства, то есть принадлежали если не к идентичным, но близким хозяйственно-культурным типам [Там же. С. 71].

Выявленные в синташтинско-аркаимских погребениях наборы керамики и вещевого инвентаря дают основания для относительной синхронизации некоторых типов сосудов, изделий из бронзы, кости, которые раньше рассматривались в иных хронологических стадиях и горизонтах. Поэтому есть основание считать синхронными абашевским, полтавкинским, покровско-абашевским, петровским, КМК, турбинским, то есть предсрубно-алакульскому хронологическому горизонту.

При рассмотрении древностей синташтинско-аркаимской культуры воз-

никает много вопросов, касающихся главным образом наличия сходства их с комплексами потаповского и покровско-абашевского типов, которые разделяются большими расстояниями в зоне степи и лесостепи Северной Евразии. При этом во всех поселенческих и погребальных комплексах просматриваются в разной степени черты абашевской культуры. О вкладе абашевцев в формирование ранних срубников, алакульцев, синташтинских и потаповских племён мнения устоялись и поэтому направлены на определение удельного веса в них абашевского компонента [1; 6; 8; 10; 14; 24–27].

Другим важным степным компонентом, оказавшим существенное влияние на формирование синташтинских комплексов, считают катакомбные древности. В значительной степени эти влияния исходили, вероятно, от племён КМК. По мнению ряда исследователей, керамика КМК зародилась в ареале от предстепья Поднепровья до лесостепной Донетчины и бассейна Северского Донца, распространившись позднее в степные районы. Находки в погребениях КМК ножей, дисковидных псалиев, костяных пряжек, каменных наконечников, топоров, булав с выступами позволяют синхронизировать КМК с культурами позднекатакомбной, абашевской, с памятниками типа Потаповка, Синташта-Петровка, а также с раннесрубной культурой [28. С. 132].

В Синташтинском могильнике имеется целая серия сосудов, и по форме и по орнаментации сходных с керамикой Потаповского могильника. Сближает их также наличие жертвенников из костей животных, представленных целыми тушами лошадей, коров, овец, частей от них, сооружение ступенек в могильной камере, наличие вторичных захоронений. Но в то же время существует много

различий. В синташтинских памятниках наблюдается характерная для срубно-алакульских древностей поза в скорченном на боку положении, а у потаповцев ненарушенные костяки располагались в позе, напоминающей полтавкинскую. Наэтом основании высказывается мысль о том, что формирование потаповского культурного типа является результатом взаимодействия полтавкинского населения, как основного компонента, с абашевским и вольско-лбищенским [б. С. 12–15]. Покровские памятники относят к кругу иных культурных образований, и близость этих комплексов носит, видимо, генетический характер [Там же. С. 37]. При этом в синташтинско-аркаимских керамических комплексах просматриваются покровские элементы в некоторых образцах сосудов и их орнаментации. Покровско-абашевский импульс, по всей видимости, проявился в появлении памятников ветлянского типа в бассейне Илека, где заметно формирование отдельных элементов синташтинских и раннеандроновских керамических традиций [11].

Объясняя распространение многообразных инокультурных признаков на обширных пространствах степи и лесостепи от Южного Зауралья до Поволжья и Подонья, исследователи оперируют, в первую очередь, социально-политическими факторами. Скорее всего, именно в них просматриваются причины процесса гигантских перемещений, одного из многочисленных «великих переселений народов», сопровождавшихся глубокой политической нестабильностью. Это побуждало к объединению в союзы племён. Они, по всей видимости, предполагали как сохранение родоплеменных погребальных традиций, так и не препятствовали созданию каких-то компромиссных вариантов новых межкультурных тра-

диций. В первую очередь, это касалось родоплеменной аристократии (вождей и жрецов) в руках которых была сосредоточена власть. Не случайно, большинство из погребений синтезированного облика отличается богатством инвентаря, включая инсигнии власти (навершия булавы, колесницы и их символические присутствия в виде псалиев), а также пышной обрядностью [26. С. 68–69].

Синташтинско-аркаимская культура, по всей видимости, отражает тот кратковременный всплеск культурогенетической энергии, которая дала импульс формированию раннеалакульских и, в какой-то мере, срубных древностей, превратившихся позднее в огромную культурно-историческую общность¹. Сама в своё время принявшая столь же существенный вклад от исчерпавшей свои возможности и исчезающей с исторической арены популяции абашевского, позднемного и позднекатакомбного-полтавкинского населения, синташтинская культура явилась, по существу, цепочкой в сложных процессах передачи лидирующих позиций разных групп населения степной и лесостепной Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапов, С. А. Срубная культура лесостепного Поволжья / С. А. Агапов, И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина, А. П. Семёнова // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
2. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / сост. Д. Г. Зданович. Кн. 1. Челябинск, 2002.
3. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. М., 1989.

¹ Мы не разделяем точку зрения В. В. Отрошенко о дрейфе синташтинского населения на запад и создании на Дону доно-волжской абашевской культуры, а позднее покровской культуры срубной общности.

4. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. М., 1978.

5. Боталов, С. Г. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) / С. Г. Боталов, С. А. Григорьев, Г. Б. Зданович // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 1996.

6. Васильев, И. Б. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.) / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара, 1995.

7. Генинг, В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён / В. Ф. Генинг // Сов. археология. 1977. № 4.

8. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Ч. 1. Челябинск, 1992.

9. Горбунов, В. С. Абашевская культура Южного Приуралья / В. С. Горбунов. Уфа, 1986.

10. Горбунов, В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В. С. Горбунов. Уфа, 1992.

11. Горбунов, В. С. Могильник бронзового века Ветлянка IV / В. С. Горбунов // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

12. Епимахов, А. В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы / А. В. Епимахов // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.

13. Зданович, Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья / Г. Б. Зданович // Рос. археология. 1997. № 2.

14. Зданович, Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации) / Г. Б. Зданович. Свердловск, 1988.

15. Зданович, Г. Б. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Степ-

ная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003.

16. Костюков, В. П. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье / В. П. Костюков, А. В. Епимахов, Д. В. Нелин // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.

17. Линдстром, Р. У. Антропологические характеристики популяции кургана 25 Большекараганского могильника / Р. У. Линдстром // Аркаим: некрополь. Кн. 1. Челябинск, 2002.

18. Ломан, В. Г. Общие принципы выделения историко-культурной информации по данным гончарной технологии / В. Г. Ломан // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003.

19. Малютина, Т. С. Керамика Аркаима: опыт типологии / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Рос. археология. 2004. № 4.

20. Малютина, Т. С. Керамика Аркаима: сравнительный анализ / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Рос. археология. 2005. № 2.

21. Медникова, М. Б. Погребение ребёнка (№ 16) в кургане 25 Большекараганского могильника: палеоантропологическое описание / М. Б. Медникова // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.

22. Монгайт, А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века / А. Л. Монгайт. М., 1974.

23. Обыденнов, М. Ф. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале / М. Ф. Обыденнов, В. С. Горбунов, Л. И. Муравкина. Уфа, 2001.

24. Потёмкина, Т. М. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры / Т. М. Потёмкина // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984.

25. Пряхин, А. Д. Поселения абашевской общности / А. Д. Пряхин. Воронеж, 1976.

26. Синюк, А. Т. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) / А. Т. Синюк, И. А. Козмирчук // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.

27. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. М., 1977.

28. Шарафутдинова, Э. С. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики / Э. С. Шарафутдинова //

Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.

29. Шишлина, Н. И. Евразийские кочевники и земледельцы эпохи бронзы: проблема взаимодействия / Н. И. Шишлина, Ф. Т. Хиеберт // Между Азией и Европой: Кавказ в IV-I тыс. до н. э. СПб., 1996.

С. А. Григорьев

Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ФОРМИРОВАНИИ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ ХРОНОЛОГИЯ

Основной проблемой начала эпохи бронзы в Южном Зауралье является происхождение синташтинской культуры. На базе анализа материальных черт данной культуры первоначально нами было предложено её ближневосточное происхождение, а впоследствии удалось локализовать эту прародину в районе Юго-Восточной Анатолии или Северной Сирии [6; 9; 46].

Параллели памятникам синташтинской культуры были предложены среди анатолийских и сирийских поселений. При этом на Ближнем Востоке мы наблюдаем её постепенное развитие от таких комплексов, как Тель-Магзалия, Умм-Дабагия, Хассуна, Хаджиляр, до Мерсина, Демирчиуйюка, Пулура и многих других. Речь идёт, скорее, об анатолийском стандарте, чем об отдельных аналогиях. Я хотел бы отметить, что сопоставляется не круглоплановость поселений, как порой думают, а весь архитектурный комплекс, включая традиции домостроительной техники.

К тому, что мы обсуждали в первых работах [6; 9], можно добавить планировку и типы укреплений иных анатолийских поселений, например Тюлин тепе [41], Херайон [57], Эмпорио [47], Гёзлю Куле [59, Tab. 289] и др. Однако более планировок или даже способа конструирования оборонительных укреплений для нас интересны детали жилой архитектуры. Жилища слоёв XVII–IX Бейджесултана,

относящихся к эпохе ранней бронзы, можно считать полным аналогом синташтинским. Раскопки этого памятника выявили ещё одну архитектурную деталь, характерную и для синташтинских построек. Стены построек устанавливались на грунт, а не на каменный фундамент. При этом, хотя состояли они из глиняных блоков, эти блоки были заключены в каркас из дощатых стен, которые поддерживались с внутренней стороны жилища вертикальными столбами. Внутри фундаментов крупных построек зафиксированы бревенчатые перегородки между глиняными блоками [37. Fig. 99; 52. P. 60, 61. Fig. 8–10, 13, 17]. В принципе, подобная структура фундаментов выявлена при раскопках оборонительной стены на Аркаиме. Однако там эти перегородки фиксировались как дерновые. Анатолийские параллели позволяют допускать, что эти перегородки были тоже бревенчатыми. Однако дерево на синташтинских поселениях сохраняется только в колодцах, поэтому деревянные перегородки должны были истлеть и в образовавшуюся пустоту мог проникать гумус, что и создало впечатление дерновых перегородок.

Жилища поселения Арслантепе периода РБ I заблокированы, как и синташтинские, но членение комнат несколько иное. Однако внутри обнаружены круглые очаги и пристенные очаги, как и на Синташте. Ещё одной параллелью с поселением Синташта является наличие

улицы между двумя блоками жилищ. Ширина этой улицы составляет 2 м. Кроме того, на этом поселении зафиксированы дренажные канавки [61. P. 110. Fig. 1, 6].

На поселении Демирчиуйюк распорядилось значительное количество печей и очагов. Как правило, печи имеют куполообразную форму и располагаются в углах жилища. В центре жилищ находятся очаги. В пяти случаях зафиксированы печи слева от входа [49. S. 192–193, 206]. Не исключено, что таковых было больше, но на синташтинских памятниках подобные печи фиксировались тоже далеко не всегда и не всегда достаточно отчётливо. Интересна конструкция оборонительных стен. Основание их сложено из камня, а верхняя часть из глины и дерева. По-видимому, имела место двойная деревянная стена, заполненная глиной или глиняными блоками. Снаружи оборонительная стена укреплена по периметру камнем, что аналогично укреплениям поселения Аландское.

Жилища, типологически близкие синташтинским, известны в Палестине. Здесь чаще стены делались из глины и грунта. Лишь изредка (Шехем, Тель Бейт Мирсим и Роджем Хири) они имеют фундамент, состоящий из двух рядов больших камней, заполненных мелким камнем. Это более близко синташтинской традиции. Существует ещё одна важная сходная черта, отмеченная на Аркаиме и Синташте. В начале СБВ в Сиро-Палестине появляются дополнительные укрепления вокруг городищ. Перед стеной насыпался земляной вал, ширина которого иногда достигала 10 м. Подобные валы обнаружены на ряде поселений: Иерихоне, Шехеме, Тель Бейт Мирсима, Тель ед-Дувейр, Тель эль-Аджул [59. S. 395–396].

Более проблематично по хронологическим соображениям обсуждать в ка-

честве аналогии печи, обнаруженные на анатолийском энеолитическом поселении Дежирментепе, которые обычно имели диаметр около 60 см, хотя иногда их длина могла достигать 1 м. Очень любопытным фактом является наличие канала, какой имели многие печи Аркаима. Его длина была 1,2 м, ширина около стенки печи 25 см, на конце 10 см, глубина 12 см. Предполагается, что это печи металлургические. Не вполне выяснена лишь функция этих каналов. Высказывались предположения, что они могли служить для выпуска металла или для нагнетания воздуха в печь [58. S. 17–19. Abb. 5–6]. Однако исследования анатолийских шлаков этого времени выявили микроструктуры, свидетельствующие о том, что шлак остывал непосредственно в печи [53. S. 64–65]. По этому параметру ранние анатолийские шлаки близки синташтинским [7]. Кроме того, остывание выпущенного шлака происходит достаточно быстро, поэтому шлак немедленно застывал бы в самом начале этого канала, образуя пробку. Версия нагнетания воздуха в печь тоже маловероятна, поскольку при большем диаметре на выходе и такой длине было бы проблематично создать давление для проникновения воздуха в центр печи. Более вероятно, что эти каналы исполняли функцию горизонтальных дымоходов. В дополнение к сказанному на это указывает то, что концы этих каналов подходят к стене жилища. Вероятно, как и на Аркаиме, горячие газы, проходя по горизонтальному дымоходу, обогревали жилище.

Впрочем, на основе анализов шлаков поселения Дежирментепе был сделан вывод о том, что эти шлаки, наиболее вероятно, являются керамическими и описанные печи с металлургическим производством не связаны [32. P. 22]. Эти

сомнения не имеют для рассматриваемой здесь проблемы принципиального значения, поскольку синташтинские печи тоже не были специализированными металлургическими печами. Важно лишь типологическое сходство, тем более, что в Северной Евразии подобные конструкции известны не были.

К сожалению, я не знаю пока более поздних аналогий подобным конструкциям и на Ближнем Востоке, поэтому данная параллель на указанном этапе не может рассматриваться как вполне безупречная. Тем не менее в целом можно говорить о том, что не только общие планировки, но и все архитектурные детали имеют параллели в сиро-анатолийском регионе.

Представления о широкой распространённости подобных городищ глубоко ошибочны. Авторам, утверждающим это, я бы предложил составить подробный перечень с детальным описанием. Но большинство предпочитает ограничиваться ссылкой на работы Н. Я. Мерперта, в которых он проводит сопоставление синташтинских городищ с Демирчиуйюком в Северо-Западной Анатолии, Эзери и Юнаците во Фракии, а также с поселениями культуры Лендель [20–21]¹. Однако к сопоставимым комплексам

из этого списка можно относить лишь Демирчиуйюк. Фракийские памятники, хотя и формировались под анатолийским влиянием, содержат достаточное количество местных балканских черт, не характерных для синташты, таких, например, как сооружение стен из плетня и глины [46. P. 42; 49. S. 240; 63. S. 303]. Более допустимы были бы сравнения с некоторыми комплексами в Греции конца раннеэлладского периода (точнее с начала РЭ III), например с Мальти или Айгиной [46. P. 396–397]. Но это новое явление для Греции, к тому же сопровождающееся минийской посудой, корни которой в Северо-Западной Анатолии [54–55]. Можно к этому добавить и то, что приводимые нами комплексы Анатолии дают более точные аналогии.

Центральноевропейские же сопоставления совершенно некорректны. Вообще, должен отметить, что любая опора на круглоплановость глубоко ошибочна, так как круглоплановость есть лишь стремление максимально сократить периметр оборонительных укреплений. Необходимо сопоставление с иными архитектурными деталями и техникой строительства. Архитектура Ленделя ложится в более широкий пласт архитектурных традиций Центральной и Западной Европы IV тыс. до н. э., куда можно отнести также укрепленные поселения культуры воронковидных кубков и поздненеолитические комплексы на севере Франции (Bergy-au-Vas и др.). Однако стены имеют иную конструкцию — это палисады. Форма укреплений варьирует в зависимости от рельефа местности. Но самое главное: участки с жилой застройкой располагаются, как правило, за пределами этих укреплений. Их раскопки позволили предполагать сакральный характер этих сооружений. Исследованные же

¹ В частности, подобной ссылкой ограничивается А. В. Епимахов, утверждая, что возникновение фортификаций имеет полицентричный характер и существование в Циркумпонтийской зоне округлых поселений избавляет от необходимости поисков далёких анатолийских аналогий [11. С. 21, 75]. Поскольку в тексте упоминаются, помимо Анатолии, Киликия, Эгеида и Балканы начала РБВ, а также энеолитические памятники Центральной Европы, для меня остаётся неясным, какие более близкие аналогии предпочитает искать автор. Ту же идею полицентризма, ссылаясь на Н. Я. Мерперта, проводит и А. В. Матвеев, находя возможным дополнить приводимые тем параллели ссылкой на Ташково и Преображенку 2 [19. С. 347].

жилища представлены типичными балкано-европейскими конструкциями из плетня, обмазанного глиной [36; 40; 56. P. 341–354; 69. P. 191–192].

Всё это следует иметь в виду сторонникам идеи широкой распространённости аналогий синташтинских городищ. В сущности, подобные высказывания есть не что иное, как стремление уничтожить какую-то идею, исказив её. Излишне напоминать, что такие высказывания обязаны быть подкреплены аргументами (например, типа: «Такие архитектурные традиции отмечены повсеместно: в регионе X в период III тыс. до н. э., в регионе Y...» с соответствующими ссылками). В реальности мы наблюдаем достаточно чёткую картину развития этой архитектурной традиции в Анатолии в течение нескольких тысячелетий, её проявление в результате анатолийских импульсов на Кавказе, на Северных Балканах (в начале РБВ), в Греции в начале периода РЭ III, в Восточной Европе в РБВ (Михайловское поселение) и в СБВ II [см. соответствующие части в 6; 46]. Причём во всех этих районах данная традиция довольно быстро перерождается, в отличие от Анатолии, где она сохраняется вплоть до начала II тыс. до н. э.

Это касается и критики анатолийских параллелей, основанных на «методически недопустимом сравнении планировки многометровых теллей и синташтинских поселений» [17]. При сопоставлении планировок не имеет значения, на каком памятнике — одно- или многослойном — они выявлены, так как планировка относится к одному слою. Многослойность анатолийских памятников как раз и отражает длительное существование данной традиции в этом регионе, в отличие от Зауралья.

Проблема ближневосточных аналогий синташтинского погребального

обряда более сложна. Всем отдельным чертам можно найти соответствующие ближневосточные параллели, однако в комплексном виде они представлены, преимущественно, на закавказских памятниках [6]. Закавказские параллели могут быть дополнительно подкреплены находками в кургане 4 Марткопи (диаметр 100 м, высота 12 м), где раскопана крупная погребальная камера (10×11 м), стены которой были облицованы двойным срубом из горизонтальных брёвен, что находит непосредственные параллели в синташтинских гробницах [39. Abb. 3].

Приведённые ранее ближневосточные черты в синташтинском погребальном обряде могут быть дополнены информацией по захоронениям с лошадьми. Такие захоронения происходят в Египте из слоя СБВ II поселения Телль эль-Аджул и Телль эд-Дабыя. Эти погребения принадлежат гиксосам. Более ранние погребения с эвкидами известны в Иерихоне. Появление в Египте и Иерихоне подобных захоронений рассматривается в качестве признака распространения колесниц [48. P. 191–192; 59. S. 88, 697. Tab. 161]. При этом надо отметить одну черту. На Ближнем Востоке запряжные животные помещаются иногда не внутри, а над погребальной камерой [59. S. 698].

С катакомбными культурами черты сходства, конечно, есть. Не все из них, впрочем, могут указывать на связь между этими культурами. Отнесение к таковым скорченных на боку захоронений [22. С. 67; 26. С. 48] я не считаю приемлемым, так как начиная с неолита подобные захоронения характерны как для Передней Азии, так и для Балкан. Причём появляются они здесь раньше, чем в Восточной Европе. Равным образом следует относиться и к мнению о том,

что приводить в качестве аналога синташте вторичные захоронения правомерно, поскольку они есть не только на Ближнем Востоке, но и в катакомбных памятниках [11. С. 76]. Такие факты мне известны, что отмечено в моих публикациях [6. С. 53]. Однако на Ближнем Востоке обряд вторичных захоронений имеет очень глубокие корни и мог приноситься на север неоднократно. Что касается катакомбной культуры, то мы обсуждали и её южное происхождение [Там же. С. 356–360]. То же можно сказать и о наборе жертвенных животных, представленном в Синташте черепами и конечностями, что встречается в катакомбной культуре [26. С. 46]. Однако подобный набор известен в Анатолии, в Аладже Уйюке и в Закавказье на памятниках севано-узерликской культуры [6. Рис. 8]. Вместе с тем в Синташте широко распространены и целые туши, что не характерно для катакомбников.

Должен отметить, что А. В. Епимахов счёл параллели с Аладжой и Тилль Барсибом необоснованными, поскольку там мы имеем дело с крупными царскими захоронениями с обкладкой камнем, иным богатым инвентарём, на перекрытии лежал слой сырцовых кирпичей. Всё это совершенно иное, нет традиций помещения повозок [11. С. 75–76]. Слой сырцовых кирпичей как раз аналогичен синташтинским глиняным площадкам на перекрытии. Прочие же замечания правомерны относительно данного памятника, но компенсируются иными приводимыми аналогиями [6. С. 53–57]. Тем не менее я готов признать, что в отличие от прочих параллелей погребальный обряд в этой концепции — наиболее слабо проработанное место, так как, за исключением закавказских памятников, прочие (анатолийские, сирийские и месопотамские) не дают всего комплекса признаков синташтинского

обряда в рамках одного памятника, как, впрочем, и восточноевропейские культуры. Последние даже в большей степени.

Весь комплекс металла имеет параллели в Передней Азии [6; 46]. Определённое типологическое сходство наблюдается с Кавказом и Восточной Европой, но его следует рассматривать на фоне двух обстоятельств — более ранних связей этих регионов с Ближним Востоком и миграции через эти регионы. Более показательны технологические параметры синташтинской металлургии. Синташтинская технология плавки руды могла происходить только из южной зоны ЦМП, поскольку она была связана с легированием мышьякосодержащими минералами на этой стадии. Последнее очень принципиально, так как не допускает переноса технологии легирования мышьяком из региона, где осуществлялась только металлообработка. К сожалению, на это не всегда обращают внимание, когда, ссылаясь на мои работы, пишут о возможности прихода этой технологии с Северного Кавказа [26. С. 49]. Другой странностью является использование довольно бедных руд из серпентинизированных ультраосновных пород [46]. Зачем плавить подобные руды в условиях Урала? Эксплуатация этих руд встречается сравнительно редко. В Северной Евразии она известна, за редким исключением, только на синташтинских памятниках. Однако для Восточной Анатолии это было достаточно типичным явлением, поскольку такие руды в этом регионе широко распространены [62. Р. 586; 67. Р. 629–631; 68. Р. 41].

Наконец, наши последние исследования позволили реконструировать довольно сложную технологию получения серебра из свинцовой руды. Эта технология имеет параллели именно

в Юго-Восточной Анатолии и не могла возникнуть на Урале самостоятельно, так как здесь этому не предшествовал длительный период работы со свинцовой рудой [8]. Как известно, металлургические технологии не могут передаваться через безрудные регионы [38. P. 176].

Менее однозначна ситуация с керамикой. В израильских музеях мне пришлось видеть лепную посуду, близкую синташтинской. В Сирии встречается и гончарная посуда. В российской археологии распространено убеждение, что вся ближневосточная керамика формовалась на гончарном круге, что резко отличает её от керамики степной зоны Евразии [см., напр., 11. С. 76, его критику на этом основании возможности сопоставления синташтинских комплексов с ближневосточными; 17]. Это убеждение не имеет под собой оснований. В музее Коньи в Каппадокии мне удалось посмотреть материалы периода ассирийских торговых колоний, то есть времени, непосредственно предшествовавшего появлению на Урале синташтинской культуры. Вся керамика была представлена лепными образцами. В Анатолии традиции изготовления посуды на гончарном круге были наиболее распространены на западе и юго-западе. Однако и в этом регионе гончарные традиции в эпоху СБВ были ещё недостаточно развиты. Исследование керамики поселения Демирчиуйюк показало, что даже в период средней бронзы гончары активно применяли формовочные массы, характерные именно для ручной формовки посуды; различные типы дресвы, песок, шамот, известь, слюду и рубленую солому. Формовка осуществлялась на медленно вращающейся подставке, после чего производилось заглаживание и лощение посуды [50. S. 104–109, 120–124].

В период РБВ II только в Киликии и в Трое II посуда изготавливалась гончарным способом. В остальных регионах она была лепная [55. P. 395]. В Закавказье посуда была лепной и в СБВ. В Восточной Анатолии при исследовании слоёв конца III тыс. до н. э. на поселении Ашван Кале была выявлена исключительно лепная керамика [42. P. 158]. Лепная посуда была и в слоях XV–XIII Бейджесултана [51. P. 33].

Вообще проблема происхождения синташтинской культуры достаточно сложна. Дело в том, что в целом это явление восточноанатолийское, но мне не известна керамика с протосинташтинскими чертами в Анатолии. Подобная керамика устойчиво присутствует на памятниках Северной Сирии. При этом она идёт в комплексах с традиционной сирийской посудой, не имеющей параллелей в Южном Зауралье. Более того, Северная Сирия и часть Юго-Восточной Анатолии до Тавра в III тыс. до н. э. являются районом распространения так называемой простой посуды (Einfache Ware), которая в большинстве своём сделана на круге. Следует, впрочем, иметь в виду, что поселения исследованы преимущественно по крупным рекам, таким как Евфрат. Иногда в этих комплексах встречается и лепная крашенная посуда (Karababa Ware), имеющая параллели на севере [31. S. 91, 362–365]. Поэтому, наряду с иными параллелями, район Восточной Анатолии представляется более приемлемым, чем Северная Сирия.

Вместе с тем мы указывали на присутствие в синташтинском керамическом комплексе закавказских и восточноевропейских включений. Она несомненны, но могут отражать миграционные пути синташтинской популяции и последующие контакты.

Каменные изделия имеют широкий круг аналогий от Восточной Европы до Ближнего Востока. Однако кремневые наконечники стрел имеют несомненные параллели именно к югу от Кавказа [5. С. 302. Табл. XLIII, 188, 191; 33. Pl. LXXX, 97–100; 34. Abb. 135, 136. 9–11]. Прочие изделия (костяные и глиняные пряслица, в особенности биконические, модели колес) имеют более убедительные параллели тоже в этом районе [6; 34. Taf. 93; 50. S. 208–210].

Ещё одним дискуссионным вопросом является проблема появления в синташтинской культуре колесниц с колёсами, имеющими спицы. Е. Е. Кузьмина полагает, что для обоснования их восточноевропейского происхождения достаточно ссылка на развитие колёсного транспорта в Восточной Европе, начиная с энеолита [17. С. 88]. Однако это было бы вполне правомерно на фоне отсутствия подобных данных для Ближнего Востока. Тем не менее сомнений в ближневосточном приоритете колёсного транспорта нет. В. В. Ткачёв указывает на колёсный транспорт в катакомбных культурах, расценивая это тоже как признак катакомбного воздействия на стадии формирования синташтинской культуры [26. С. 50]. А. В. Епимахов, по-видимому, стоит на иных позициях, что можно заключить из его упрека мне в том, что я слабо использовал гипотезу о переднеазиатском происхождении колесниц [11. С. 76]. В действительности, я эту гипотезу использовал [6. С. 118–119] и отмечал, что в катакомбное время известны колесницы с колёсами без спиц, что, возможно, маркирует более ранние ближневосточные импульсы, но не говорит о том, что появление колёс со спицами произошло именно в этом регионе. Зато таковые довольно рано известны в Сиро-Анатолии. Допускает-

ся, что печать из Кюль-тепе с изображением колесницы может иметь дату 2000–1850 гг. до н. э. [64. Р. 48]. В Сирии обнаружена печать с изображением колесницы с восьмью спицами, датированная 1750–1600 гг. до н. э. Глиняные модели колёс известны в Северной Сирии в слоях Хама Н, J. Колесо из последнего слоя имеет изображения спиц [43. Figs. 110, 117, 132, 139; 59. Taf. 247–248]. Надо сказать, что Е. Е. Кузьмина, которая значительно лучше знакома с этой проблемой, косвенно признаёт хронологический приоритет сиро-анатолийских колесниц над степными [18. С. 270]. Поэтому на фоне всех прочих параллелей более логично предполагать всё же южные корни этого новшества.

Таким образом, синташта содержит большое количество ближневосточных черт, причём речь идёт о достаточно точных параллелях. Однако это и другие аспекты моих работ резко противоречили представлениям об автохтонном развитии культур Восточной Европы и о формировании культур азиатских степей под воздействием восточноевропейских импульсов и либо были проигнорированы, либо вызвали резкую критику. Порой утверждается широкая распространённость синташтинских планировок, без подкрепления этого утверждения фактами [3. С. 190; 65. Р. 48–49; 70. Р. XXIII]. И, как правило, все критические замечания довольно размыты и никогда не касаются правомерности тех или иных приводимых параллелей. Поэтому отвечать на них довольно проблематично. Так, Г. Б. Зданович пишет, что «точка зрения, предполагающая прямой экспорт синташтинской культуры из южных земледельческих областей [6; 9] слабо и противоречиво аргументирована как археологически, так и модельно». В связи с этим он предлагает иную,

в соответствии с которой формирование синташтинской культуры следует рассматривать в контексте глубоких изменений системного порядка. Южные параллели, на его взгляд, действительно есть, но это проявление родовых и стадийно-типологических тенденций индоевропейского культурогенеза и перенос идей из циркумпонтийской зоны ямными и катакомбными племенами [13. С. 45–46].

Должен отметить здесь признание наличия южных параллелей и явный прогресс на фоне предшествующих высказываний о суртандинско-ботайской основе синташты, на которую наложился западные импульсы. Тем не менее следует заметить, что для того, чтобы южные черты были перенесены из циркумпонтийской зоны ямными и катакомбными племенами, необходимо их присутствие в самой ямно-катакомбной среде. Но в этом случае речь шла бы не об анатолийских, а о катакомбных и ямных импульсах. Почему информация, передававшаяся через несколько тысяч километров, дошла до Зауралья, где ею кто-то воспользовался, но не заинтересовала никого по дороге? В связи с этим возникает очень простой вопрос: в какой конкретной форме осуществлялся этот перенос? Передача информации в то время могла осуществляться лишь посредством прямых контактов. Я допускаю попадание какой-то вещи на отдалённую территорию посредством многократного обмена и дальнейшее воспроизводство этого типа. Это очень гипотетично, но допустить можно. Но как можно передать информацию о типах городищ, особенностях строительной техники, металлургические технологии?

Таким образом, наличие ближневосточного компонента в синташтинской

культуре является безусловным фактом. Собственно, косвенное признание этого факта присутствует.

Так, В. В. Ткачёв допускает связи с Передней Азией, хотя полагает, что ретранслятором выступал Северный Кавказ и катакомбники [26. С. 51]. При этом, считая, что передача большинства среднеазиатских черт произошла опосредованно, он пишет о возможности прихода части населения. А. В. Епимахов, предпринявший подробнейший и во многом неправомерный разбор этой гипотезы, говорит, что в формировании синташты принимало участие волго-уральское и кавказское население, но этим данный процесс не исчерпывается. Металлургия, строительство, деревообработка (колесницы) были привнесены и в той или иной степени связаны с южным блоком ЦМП, Кавказом и Балканами, хотя и оформились окончательно в Зауралье. При этом он ставит вопрос о форме этой миграции [11. С. 73, 77]. Можно предполагать, что миграцию из Юго-Восточной Анатолии допускает и Г. Б. Зданович, который пишет, что «синташтинские комплексы демонстрируют, скорее, вовлечённость Степи в мировой цивилизационный процесс и “пограничность” степного мира, который всегда существовал “на границе” с южными земледельческими цивилизациями» [13. С. 45]. Поскольку степи Зауралья, Поволжья и даже Подонья не могут рассматриваться как граница земледельческих цивилизаций, к таковой в этот период не относилось и Закавказье, то речь в этом отрывке идёт, по-видимому, именно о Юго-Восточной Анатолии.

Выше мы уже обсуждали невозможность переноса многих деталей материальной культуры опосредованным путём. И вряд ли кто-то сумеет описать

это не общими фразами, а в виде простых и ясных формулировок, подкреплённых материалом. Поэтому миграция, безусловно, была. Включённость в процесс восточноевропейских популяций тоже несомненна. И хотя последнее довольно слабо отражено в синташтинских материалах, я в этом не сомневаюсь, поскольку археологический материал отражает материальную культуру, но не соотношение её носителей. Однако это и не археологическая проблема. Она будет решаться со временем антропологами и генетиками.

Более актуальным представляется локализация исходного импульса. Как уже указывалось, я полагаю, что начало ему было дано где-то в Юго-Восточной Анатолии. Порой приходится читать или слышать о том, что искать конкретный ареал не имеет смысла, поскольку всё это объясняется сложными миграционными процессами, сопровождавшими развал ЦМП. Однако ЦМП не есть некая существовавшая реальность. Это мыслительный конструкт, созданный Е. Н. Черных для описания ареала со сходными принципами металлообработки. Это, как и постоянно встречающиеся в литературе ссылки на «Волго-уральский очаг культурогенеза» В. С. Бочкарёва, есть не что иное, как попытка уклониться от обсуждения конкретных процессов, прикрывшись построениями, необходимыми и оправданными лишь в общих теоретических изысканиях. Исходный же регион любой миграции всегда относительно локален. Упомянутые А. В. Епимаховым Балканы не подходят по причине отсутствия там параллелей синташтинской культуре, а Кавказ потому, что в этот период там фиксируется крах куро-аракской культуры, и её сменяют культуры эпохи средней бронзы, такие как триа-

летская и севано-узурликская. Происходит это, по-видимому, одновременно с образованием синташты и в рамках тех же процессов движения более южных популяций. Именно поэтому мы обнаруживаем в Закавказье многие параллели синташте.

Безусловно, возникает вопрос о путях и причинах столь отдалённой миграции. А. В. Епимахов полагает, что основанием для поиска арийской прародины на Ближнем Востоке для меня послужили лишь письменные свидетельства о раннем арийском присутствии в этом регионе (хотя я начинал именно с обнаружения археологических параллелей), и высказывает сомнения в стремительной миграции без промежуточных памятников. Отмечается, что в ходе этой миграции эти популяции преодолели 4000 км, и проходила она через Южный Прикаспий и Среднюю Азию. Далее выражается недоумение по поводу того, почему она была остановлена в Зауралье. Выражается и сомнение в правомерности допущения связи этого движения с активностью касситов, хотя и признаётся, что в последующих работах были названы и иные причины [11. С. 74–75].

Сразу должен оговориться, что ни в одной работе я не писал о синташтинской миграции через Среднюю Азию. Автор подменил описание синташтинской миграции сейминско-турбинской, для которой я действительно предполагаю восточный путь. Миграция синташтинцев проходила через Кавказ, на что указывают, в первую очередь, орнаментация и параллели отдельным керамическим формам [6. С. 92–96]. Что касается конкретных причин синташтинской миграции, то в настоящее время их называть проблематично. Наряду с активизацией касситов, хурритов и хеттов,

в этот период мы наблюдаем и движение гиксосов в Египте. В это время на хозяйственные затруднения, вызванные аридизацией климата рубежа III–II тыс. до н. э. [10; 15. С. 207], накладывается и экспансия государственных образований. Ситуация же за пределами сравнительно узкого района, охваченного письменными источниками, и вовсе не ясна. Другим природным фактором, который мог оказать огромное влияние на миграционную активность в регионе, были землетрясения. Геоархеологические исследования показывают бурную вулканическую и тектоническую активность на территории Армянского нагорья в III тыс. до н. э. [14. С. 144–145]¹. Таким образом, причин для подобной миграции могло быть много, и в настоящее время не представляется возможным остановиться на какой-то одной.

На этом фоне причины миграций из Восточной Европы явно проигрывают. Е. Е. Кузьмина в качестве таковых называет экологический кризис конца III тыс. до н. э., вызванный аридизацией, и кризис карпатского металлургического очага, откуда раньше шло снабжение металлом [17. С. 87]. Последнее и вызвало бурную разработку уральских и казахстанских месторождений меди. Однако в предсинташтинское время, на рубеже III–II тыс. до н. э., процессы ксеротерма, которые шли в это время повсеместно, носили в Южном Зауралье

¹ Данные исследования получили успешное развитие, и сейчас очевидно, что эта мощная активность характеризовала не только первую половину III тыс. до н. э., что отмечено в указанной статье, но и вторую половину тысячелетия, что могло быть причиной периодического оттока населения из региона. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить свою признательность сотруднику Института геологических наук НАН Армении и директору научно-исследовательской компании «Геориск» А. С. Караханяну за предоставленную информацию.

особенно интенсивный и резкий характер, в результате чего катастрофически снизилась численность диких животных — предмета охоты местного населения. Это повлекло за собой резкое уменьшение численности и самого населения [16. С. 257]. Поэтому попытка восточноевропейского населения облегчить последствия экологического кризиса миграцией в более аридную зону, к тому же с более жёстким локальным процессом, представляется самоубийственной. Этот локальный процесс касался только предсинташтинского времени, но степень аридности в Зауралье была в любом случае выше, чем в Восточной Европе, где процессы ксеротерма в начале II тыс. до н. э. тоже завершаются. Что касается тезиса о кризисе карпатского металлургического очага, то он построен на недоразумении. В течение РБВ и СБВ поставки металла в Восточную Европу с Карпат не ощущались, как не ощущался и кризис металлопроизводства в этом районе. Восточная Европа использовала металл кавказских и приуральских источников, что было убедительно показано в целом ряде трудов Е. Н. Черных [27; 29–30].

Я не случайно употребил термин «миграция». Многие исследователи готовы признать анатолийские импульсы, но предпочитают говорить о влияниях², хотя, как было показано выше, большинство черт не могло быть перенесено без непосредственного появления южных популяций. Кроме того, ре-

² Должен заметить, что иногда говорят о формировании сходных черт материальной культуры под воздействием сходной идеологии, ту выводят из сходного хозяйства, дохода так вплоть до климата. Однако до появления хотя бы одной работы, выходящей за рамки наиболее общих разговоров и показывающей эти процессы на конкретном материале, обсуждать это было бы непростительным испытанием терпения читателей.

конструируемая археологически схема прекрасно соотносится с лингвистической реконструкцией Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [ср. 4; 6; 46], а мне трудно представить себе параллельный перенос языка и черт материальной культуры без их носителей. Речь идёт, таким образом, даже не столько о проблемах формирования синташты или катакомбных культур, сколько о смене всей парадигмы нашей науки, о масштабных миграциях, воздействовавших на культурогенез, и о необходимости применять процессуальный подход уже на стадии обработки материала. В этих рамках, например, просто сопоставление керамических комплексов двух различных могильников будет не вполне корректно, поскольку они рассматриваются как статические комплексы.

Проблема, как уже говорилось, в определении конкретного исходного региона этой миграции. Как представляется, он должен располагаться на стыке Анатолии и Сирии, скорее, в Юго-Восточной Анатолии. Кроме типологических параллелей, на это работают распространённость там руд в ультраосновных породах и традиции извлечения серебра из свинцовой руды. При этом данный район должен быть к югу от Тавра, поскольку севернее памятники содержат резко отличный культурный комплекс. По этим причинам, наиболее перспективным районом поисков является провинция Диярбакыр в Турецком Курдистане, а точнее притоки Тигра и Евфрата. Поиски на основных реках бесперспективны, поскольку они активно использовались в месопотамско-анатолийской торговле и входили в сферу жизненных интересов ближневосточных государств. Не исключено, что отсутствие синташтинских поселений на Урале и Тоболе отражает сохранение этой традиции.

Я коснулся здесь прежде всего ближневосточного компонента в синташтинском комплексе. Однако я всегда признавал наличие в нём закавказских и восточноевропейских включений. К сожалению, на сегодняшний день в этом направлении сторонниками восточноевропейского происхождения синташты сделано, возможно, меньше, чем сторонниками её ближневосточного происхождения. И подобная работа необходима. Но она не столь проста, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, миграция синташтинской популяции осуществлялась через Кавказ и Восточную Европу, где и могли быть восприняты соответствующие культурные черты (или миграция могла пополниться местным компонентом). С другой стороны, нельзя забывать о более ранних ближневосточных импульсах в Восточную Европу [см.: 6]. Поэтому некоторые сопоставимые черты могут быть обусловлены родственным источником. Следовательно, на фоне отсутствия каких бы то ни было сомнений в участии восточноевропейского компонента в этом процессе, хотелось бы призвать к аккуратности в обосновании данного тезиса.

Дискуссионным вопросом остаётся и местный энеолитический компонент. С одной стороны, в синташтинской культуре он не проявляется и до синташтинского времени явно не доживал. И любые разговоры о суртандинско-ботайской основе ни на чём не базируются. Но, отвергая этот компонент для основного массива культуры, мы должны присмотреться более внимательно к таким памятникам, как Малокизильское поселение, в керамическом комплексе которого энеолитические черты как будто проступают. Это поселение не вполне синташтинское, но пробле-

ма сохраняется, и исследователям, озвучивавшим идеи о местных корнях синташты, следовало бы провести детальную обработку этих материалов.

Проблема происхождения синташты тесно связана с проблемой её хронологии. В вопросе относительной хронологии синташтинской культуры окончательной ясности нет. Она, по-видимому, синхронна абашевской, но как соотносятся ранние фазы культур, не ясно. Но эти неясности касаются лишь абашевской культуры в Поволжье и Приуралье. Что касается Подонья, можно однозначно утверждать, что абашевская культура здесь занимает более позднюю хронологическую позицию, несмотря на обратные утверждения отдельных авторов [23]. Например, один из комплексов (курган 1 могильника Селезни-2), который рассматривается как относящийся к развитому, частично позднему этапу абашевской культуры Подонья [24. С. 30], демонстрирует безоговорочные поздние признаки: наконецник копья с литой втулкой, петлёй для привязывания и манжетой, типичный для покровского времени, псалии с орнаментом в микенском стиле. Последние типичны для Восточной Европы, но в Зауралье встречаются лишь с раннеалакульского времени, а в Поволжье с покровского.

Абашевские комплексы с псалиями в Подонье относятся, по-видимому, к предсрубному времени [25. С. 204], но более ранние материалы там единичны [Там же].

Обращаясь к соотношению синташты и катакомбной культуры, заметим, что, вероятно, формирование синташты было синхронно появлению в катакомбных культурах валиковой орнаментации. На Среднем Дону подобная орнаментация появляется на втором

этапе местной катакомбной культуры. При этом надо иметь в виду, что первый, павловский, этап катакомбной культуры Среднего Дона, видимо, синхронен позднему этапу донецкой катакомбной культуры. На возможность синхронизации синташтинской культуры со вторым этапом среднедонской катакомбной культуры может указывать и появление на этом этапе бронзовых обкладок деревянных сосудов, что весьма характерно для синташты. Правда, донские находки отличаются от синташтинских пуансонным орнаментом [Там же. С. 86, 88–89, 130]. Вместе с тем в синташтинском комплексе есть единичные включения керамики, сопоставимой с павловской керамикой (с зигзагом или горизонтальной «ёлкой», выполненными мелким гребенчатым штампом). Видимо, формирование синташты совпадало с началом второго этапа среднедонской культуры, а поскольку импульс исходил с запада, в нём присутствуют незначительные включения более раннего этапа.

Наиболее важной для нас является проблема соотношения синташты с культурой многоваликовой керамики, поскольку последняя культура имеет многочисленные параллели в Центральной Европе [46. Р. 388–390], что позволило бы использовать для датировок синташты центральноевропейские хронологические схемы.

Видимо, поздние многоваликовые комплексы синхронны донским абашевским. На этом этапе появляется уже срубная обрядность, что позволяет датировать его покровским временем. В керамике фиксируется продолжение традиции валиковой орнаментации, присущей предыдущему этапу, но появляются «паркетные» орнаменты и прочерченная вертикальная ёлочка, из-

вестные на многоваликовой керамике [25. С. 134]. Но проблемы соотношения ранней культуры многоваликовой керамики и синташты это не снимает. Вероятно, раннее КМК и синташта могут быть рассмотрены как принципиально синхронные образования.

Присутствие полтавкинских материалов в периферийных погребениях кургана 24 Большекараганского могильника, появление синкретических типов керамики и сочетание синташтинских и катакомбно-полтавкинских материалов в кургане 11 [2] указывает на частичную синхронизацию синташты с полтавkinской культурой. Предлагаемый В. В. Отрошенко разрыв между ними в 500 лет представляется неоправданным [22. С. 68], хотя нижняя дата полтавkinской культуры явно глубже, чем синташтинской.

Абашевские культуры синхронны полтавkinской. В пользу этого свидетельствует их общее предшествование ранним срубникам; присутствие полтавkinских материалов в синташтинских памятниках, где они подвергаются трансформации по синташтинским образцам; наличие в отдельных полтавkinских погребениях Потаповского могильника металла чуждых им групп ВУ и ВК [1. С. 170]; смешение в Потаповском могильнике полтавkinской и синташтинской гончарных традиций.

На востоке синташта синхронна Ростовкинскому могильнику, чему не противоречит синхронизация Турбинского с абашево [6; 28]. Но сейминско-турбинские бронзы маркируют, в целом, уже следующий этап, то есть синхронизировать с ними мы можем лишь поздние и частично развитые этапы синташты.

Петровская культура является тоже более поздним явлением, синхронным синташте лишь частично. С ней можно

синхронизировать уже ранних срубников покровского типа.

Более сложно решается вопрос абсолютной хронологии. На основании синхронизации с культурой многоваликовой керамики предлагалась дата XVIII в. до н. э. [12. С. 49]. Но, как указывалось, синхронизация с КМК представляет серьезную проблему. Мы предлагали такую же дату, отталкиваясь от ближневосточных параллелей [6]. Дополнительные данные подтверждают этот вывод. Бронзовое колёсико, найденное возле Аркаима, по литейным формам из Кюльтепе может быть датировано временем Карума. По короткой хронологии это соответствует периоду 1850–1650 гг. до н. э., а по средней хронологии на 64 года раньше. Форма для отливки из дома Адад-Сулули соответствует времени Карум Канеш II [58. S. 49, 215–217]. Втульчатые долота и зубила в Анатолии датируются с рубежа III–II тыс. до н. э., что лимитирует нижнюю границу синташтинской культуры этой датой [58. S. 170–173].

Даты финальной фазы тоже довольно очевидны. В Карпато-Дунайском бассейне проникновение сейминской металлообработки в виде копий с круглой орнаментированной втулкой датируется горизонтом кладов Апа — Хайдушамшон, культурой Ветеров, группой Мадьяровцев, а в Южной Германии горизонтом клада Лангквайд. Это соответствует финальной стадии синташты, стадии BzA2b и датируется в системе калиброванных радиоуглеродных дат около XVIII в. до н. э. [45. P. 66]. Последующее распространение в регионе копий с гладкой втулкой, идентичных петровским и покровским, маркирует уже конец синташтинской культуры. В Центральной Европе металл этого типа представлен горизонтом клада Бюль, что

соответствует периоду VzA2c Австрии или VzA2/V1 Южной Германии, поздней серии Вильсфорд Уэссекса и датируется около 1650–1600 г. до н. э. [45. P. 78; 66. S. 322–324; 60. Abb. 9, 10]. В силу всего сказанного, не исключено, что в Средней Европе времени синташтинской культуры соответствует ступень A1, однако с какого времени в рамках этой ступени следует датировать синташту, не вполне ясно. В своих работах мы обсуждали соответствия раннего этапа культуры многоваликовой керамики и ряда культур, сменяющих культуры колоколовидных кубков и шнуровой керамики в Средней Европе [46. P. 388–390]. Однако мы не знаем — синхронна ли синташта ранним материалам культуры многоваликовой керамики.

Позицию последних относительно памятников Центральной и Западной Европы определить возможно. Финальные стадии шнуровых культур сменяются в Германии и Австрии новыми культурными типами — Штраубинг, Унтервельбинг, для которых довольно типичны почти безы Inventарные погребения с костяными пряжками, что идентично погребальной обрядности культуры многоваликовой керамики [35. Taf. 27; 59. Taf. 528–531]. Идентичная ситуация наблюдается и в Северо-Восточной Италии (культура Полада). При этом распространяется керамика с рельефной орнаментацией, не известная в регионе с неолита (группы Хамер и Мон-Зее). Очень точные соответствия некоторым типам многоваликовой керамики и позднекатакомбной посуды есть в уэссекской культуре [44. Pl. 48, C, 1; 49, A, 250; B, 3; 58, 59], хотя доминирующей здесь всё же является местная керамическая традиция культуры колоколовидных кубков. При этом резко бросается в глаза распростране-

ние центральноевропейских (унетицких) традиций металлообработки. Эти процессы относятся к стадии A1 и началу стадии VzA2 и датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э., что соответствует калиброванным датам Синташты. Таким образом, мы вправе рассматривать формирование Синташты, культуры многоваликовой керамики и существенные культурные трансформации в Европе как явления синхронные, осуществлявшиеся в рамках единого формирующего процесса.

Таким образом, в основе формирования синташтинской культуры была миграция ближневосточных племён. По ходу миграции и в результате последующего взаимодействия в этот процесс были включены кавказский и восточноевропейский компоненты, и не исключено включение энеолитического компонента Южного Урала, но это может оказаться справедливым лишь для предгорной зоны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапов, С. А. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции / С. А. Агапов, С. В. Кузьминых // Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара, 1994.
2. Боталов, С. Г. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) / С. Г. Боталов, С. А. Григорьев, Г. Б. Зданович // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 1996.
3. Виноградов, Н. Б. Парадоксы Синташты / Н. Б. Виноградов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
4. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Тбилиси, 1984.

5. Горелик, М. В. Оружие древнего Востока (IV тыс.— IV в. до н. э.) / М. В. Горелик. М., 1993.
6. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск, 1999.
7. Григорьев, С. А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы / С. А. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья. Т. I : Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
8. Григорьев, С. А. О «металлургии свинца» на синташтинских памятниках / С. А. Григорьев // Вопр. археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
9. Григорьев, С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. / С. А. Григорьев // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
10. Гумилев, Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии / Л. Н. Гумилёв. История СССР. 1967. № 1.
11. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск, 2002.
12. Зданович, Г. Б. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.
13. Зданович, Г. Б. Урало-казахстанские степи в эпоху средней бронзы автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г. Б. Зданович. Челябинск, 2002.
14. Караханян, А. С. Соотношения позднечетвертичной тектоники и вулканизма в Ханасарской зоне активных разломов (Армянское нагорье) / А. С. Караханян, В. Г. Трифонов, О. Г. Азизбекян, Д. Г. Хондкарян // Теоретические и региональные проблемы геодинамики. М., 1999.
15. Кленгель, Х. Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы / Х. Кленгель // Древняя Эбла. М., 1985.
16. Косинцев, П. А. Эволюция животноводства в лесостепной и степной зонах Урало-Поволжья в III–II тыс. до н. э. / П. А. Косинцев // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск, 1999.
17. Кузьмина, Е. Е. Место андроновской культурной общности в Евразии / Е. Е. Кузьмина // XV Уральское археологическое совещание тез. докл. конф. Оренбург, 2001.
18. Кузьмина, Е. Е. Методика этнической атрибуции и хронология памятников эпохи бронзы Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы конф. Челябинск, 1999.
19. Матвеев, А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья / А. В. Матвеев. Новосибирск, 1998.
20. Мерперт, Н. Я. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии / Н. Я. Мерперт // Россия и Восток: проблемы взаимодействия материалы конф. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.
21. Мерперт, Н. Я. О планировке посёлков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) / Н. Я. Мерперт // Рос. археология. 1995. № 3.
22. Отрощенко, В. В. К вопросу о памятниках новокумакского типа / В. В. Отрощенко // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
23. Пряхин, А. Д. Погребения с дисковидными псалиями эпохи средней бронзы евразийской лесостепи / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск, 1999.
24. Пряхин, А. Д. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры / А. Д. Пряхин, Н. Б. Моисеев, В. И. Беседин. Воронеж, 1998.
25. Синюк, А. Т. Бронзовый век бассейна Дона / А. Т. Синюк. Воронеж, 1996.
26. Ткачёв, В. В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы / В. В. Ткачёв // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
27. Черных, Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е. Н. Черных // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1970. № 172.
28. Черных, Е. Н. Древняя металлургия северной Евразии / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. М., 1989.

29. Черных, Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы / Е. Н. Черных. М., 1966.
30. Черных, Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР / Е. Н. Черных // Сов. археология. 1978. № 4.
31. Abay, E. Die Keramik der Frühbronzezeit in Anatolien mit "syrischen Affinitäten" / E. Abay. Münster, 1997.
32. Anfänge der Metalverwendung in Anatolien / hrsg. U. Yalcin // Anatolian Metal I. Bochum. Deutsches Bergbau-Museum, 2000. Der Anschnitt, Beiheft 13.
33. Bahadır Alkim U. İkiztepe I. Birinci ve ikinci dönem kazıları. The first and second seasons' excavations (1974–1975) / Alkim U. Bahadır, H. Alkim, Ö. Bilgi. Basimevi; Ankara, 1988.
34. Baykal-Seeher, A. Demircihöyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978 / A. Baykal-Seeher, Ju. Obladen-Kauder // Die Kleinfunde / hrsg. M. Korfmann. Mainz am Rhein, 1988. Band IV.
35. Bertemes, F. Das Frühbronzezeitliche Gräberfeld von Gemeinlebar: kulturhistorische und paläometallurgische Studien / F. Bertemes. Bonn, 1989.
36. Bertemes, F. Untersuchungen zur Funktion der Erdwerke der Michelsberger Kultur im Rahmen der kupferzeitlichen Zivilization / F. Bertemes // Die Kupferzeit als historische Epoche symposium Saarbrücken und Otrenhausen / hrsg. J. Lichardus. Bonn, 1991. T. I.
37. Burney, C. From Village to Empire. An Introduction to Near Eastern Archaeology / C. Burney. Oxford, 1977.
38. Craddock, P. T. Paradigms of metallurgical innovation in prehistoric Europe / P. T. Craddock // The beginnings of metallurgy. / ed. by A. Hauptmann, E. Pernicka, Th. Rehren, Ü. Yalcin. Bochum : Deutschen Bergbaumuseum Bochum, 1999. № 84. (Der Anschnitt: Beiheft: 9).
39. Djaparidze, O. Über die ethnokulturelle Situation in Georgien gegen Ende des 3. Jahrtausends v. Chr. / O. Djaparidze // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma, 1993.
40. Dubouloz, J. Le village fortifié de Berry-au-Bac (Aisne) et sa signification pour la fin du Néolithique dans la France du Nord / J. Dubouloz // Die Kupferzeit als historische Epoche symposium Saarbrücken und Otrenhausen / hrsg. J. Lichardus. Bonn, 1991. T. I.
41. Esin, U. Tülin tepe excavations 1972. Keban Project 1972 Activities / U. Esin. Ankara, 1976.
42. French, D. Aşvan Kale: The Third Millennium Pottery / D. French, S. Helms // Anatolian Studies. Y. of the British Institute of Archaeology at Ankara. 1973. Vol. XXIII.
43. Fugmann, E. H. Fouilles et recherches de la fondation Carlsberg 1931–1938. III. L'architecture des périodes pre-hellenistiques / E. H. Fugmann. Copenhagen, 1958.
44. Gerloff, S. The Early Bronze Age Daggers in Great Britain and a Reconstruction of the Wessex Culture / S. Gerloff. München, 1975.
45. Gerloff, S. Zu Fragen mittelmeerländischer Kontakte und absoluter Chronologie der Frühbronzezeit in Mittel- und Westeuropa / S. Gerloff // Prehistorische Zeitschrift. 1993. № 68, heft 1.
46. Grigoriev, S. A. Ancient Indo-Europeans / S. A. Grigoriev. Chelyabinsk, 2002.
47. Hood, S. Excavation in Chios 1938–1955. Prehistoric Emporio and Ayio Gala / S. Hood. Oxford, 1981.
48. Kempinski, A. The Middle Bronze Age / A. Kempinski // The Archaeology of Ancient Israel. New Haven; London, 1992.
49. Korfmann, M. Demircihöyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. Bl. Architektur, Stratigraphie und Befunde / M. Korfmann. Mainz am Rhein, 1983.
50. Kull, B. Die Mittelbronzezeitliche Siedlung / B. Kull // Demircinüyük. Bd. V / ed. by M. Korfmann. Mainz am Rhein, 1988.
51. Lloyd, S. An Early Bronze Age Shrine at Beycesultan / S. Lloyd, J. Mellaart // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. 1957. Vol. VII.
52. Lloyd, S. Beycesultan. Vol. 1 / S. Lloyd, J. Mellaart. London, 1962.
53. Lutz, J. Chalkolitische Kupferverhüttung in Murgul / J. Lutz, E. Pernicka, G. A. Wagner // Handwerk und Technologie in Alten Welt (Hrsg. R.-B. Wartke). Mainz, 1991.
54. Mellaart, J. Anatolia c. 2300–1750 BC / J. Mellaart // The Cambridge Ancient History. V. I, part 2 / eds. I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge, 1971.

55. Mellaart, J. *Anatolia c. 4000-2300 BC* / J. Mellaart // *The Cambridge Ancient History*. V. I, part 2 / eds. I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge, 1971.
56. Midgley, M. S. *TRB culture. The First Farmers of the North European Plain* / M. S. Midgley. Edinburgh, 1992.
57. Milojcic, V. *Samos. Bd. I. Die Prähistorische Siedlung unter dem Heraion* / V. Milojcic. Grabung 1953 und 1955. Bonn, 1961.
58. Müller-Karpe, A. *Anatolisches Metallhandwerk* / A. Müller-Karpe. Neunmünster, 1994.
59. Müller-Karpe, H. *Handbuch der Vorgeschichte* / H. Müller-Karpe. Kupferzeit. München, 1974. Bd. III.
60. Neugebauer, J.-W. *Bronzezeit in Österreich* / J.-W. Neugebauer. St.-Pölten-Wien, 1994.
61. Palmieri, A. *Excavations at Arslantepe (Malatya)* / A. Palmieri // *Anatolian Studies*. J. of the British Institute of Archaeology at Ankara. 1981. Vol. XXXI.
62. Palmieri, A. M. *From Arslantepe metalwork to arsenical copper technology in Eastern Anatolia* / A. M. Palmieri, K. Ser tok, E. Chernykh // *Between the Rivers and over the Mountains*. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata* / ed. M. Frangipane, H. Hauptmann, M. Liverani, P. Matthie, M. Mellink. Roma, 1993.
63. Parzinger, H. *Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittleren Taurus* / H. Parzinger. Mainz am Rhein, 1993.
64. Pigott, S. *Wagon, Chariot and Carriage* / S. Pigott. New York, 1992.
65. Pyankov, I. V. *Arkaim and the Indo-Iranian Var* / I. V. Pyankov // *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC* // J. of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man. Vol. 1 / eds. K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich Washington DC, 2002.
66. Rittershofer, K.-F. *Der Hortfund von Bühl und seine Beziehungen* / K.-F. Rittershofer // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 64. Mainz am Rhein, 1984.
67. Seeliger, T. C. *Archäometallurgische Untersuchungen in Nord- und Ostanatolien* / T. C. Seeliger [et al.] // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. 32 Jahrgang. Mainz, 1985.
68. Tylecote, R. F. *Chalcolithic metallurgy in the Eastern Mediterranean* / R. F. Tylecote // *Chalcolithic Cyprus and Western Asia* / ed. J. Reade // *British Museum Occasional Paper*. 1981. № 26.
69. Whittle, A. W. R. *Neolithic Europe: a survey* / A. W. R. Whittle. Cambridge, 1985.
70. Zdanovich, D. G. *Introduction by Russian Editor* / D. G. Zdanovich // *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC*. Vol. I / eds. K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich // J. of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man. Washington DC, 2002.

А. В. Епимахов

Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск

СИНТАШТИНСКАЯ РАДИОКАРБОННАЯ ХРОНОЛОГИЯ¹

В системе относительной хронологии бронзового века Урала синташтинские памятники занимают достаточно определенное положение, и, по сути, эта позиция не является предметом дискуссий. В качестве исключения можно упомянуть только отнесение их к средней либо поздней бронзе [5; 7; 12]. При этом разногласия носят, скорее, терминологический характер, поскольку мнения исследователей в содержательном плане весьма близки. Наиболее рельефно противоречия систем периодизации выступают в межрегиональных компаративных работах.

Представляется, что одним из инструментов синхронизации может служить ¹⁴C даты, конечно, при соблюдении ряда условий. Главными из них являются тщательность отбора и хранения образцов, точность культурной атрибуции, серийность датирования и прочее. К сожалению, первые чрезвычайно неудачные опыты такой работы на эпонимном комплексе [11] надолго отвратили археологов от использования метода. Между тем к настоящему времени существенно изменились технологии, повысились требования к объёму и качеству образца, накопление статистически значимых серий позволило в значительной степени сгладить и индивидуальные отклонения конкретных анализов. Конечно, применение статистических процедур, при которых утрачивается видение культурного об-

лика конкретного памятника, способно дать неожиданные и даже неадекватные результаты [8], но эта трудность вполне преодолима при полноценной публикации всех исходных материалов.

Синташтинские памятники в последние годы не только активно исследовались раскопками [1–4; 6], но и наиболее часто в сравнении с другими периодами бронзового века датировались радиоуглеродным методом [6; 10; 13–14]. Аналитика выполнялась в разных лабораториях (Киевской, Вильнюсской, Института географии, Аризонского и Оксфордского университетов). В количественном отношении синташтинская совокупность дат Южного Зауралья является наиболее массовой в рамках бронзового века Урала. Датированием оказались охвачены следующие памятники: поселение² и могильник Синташта (СМ, СБ³, СII); поселения Аркаим, Куйсак, Устье; могильники Кривое Озеро, Каменный Амбар-5.

Качество некоторых анализов таково, что в ходе обобщения от нескольких дат пришлось отказаться: не использовались заведомо ошибочные значения (за рамками бронзового века), а также те, в которых стандартное отклонение превышает 250 лет. Все даты были при-

² Сегодня трудно выяснить, какие именно материалы (синташтинские, алакульские или иные) были продатированы. Судя по другим памятникам, имеющиеся анализы (Ки-868 и Ки-869) относятся к послесинташтинскому времени.

³ Впрочем, в отношении этого памятника высказано сомнение по поводу его синхронности Синташтинскому комплексу [9].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 05-01-85113а/У).

ведены к единой форме и откалиброваны с использованием программы OxCal 3.10. В ходе последующего рассмотрения часть калиброванных интервалов сокращалась за счёт периферийных участков с низкой вероятностью (менее 5%). Адекватность процедуры нашла прямое подтверждение в ходе работы. Первоначально конвенционные значения обрабатывались в OxCal 3.9, при этом проводилось сужение интервалов по описанному принципу. С выходом в свет новой версии программы работа была проделана повторно. В абсолютном большинстве случаев отброшенные на первом этапе значения оказались за пределами интервалов. В дальнейшем мы ориентировались на значения с вероятностью 68,2%, хотя для последней по времени серии (14 дат), выполненной в Оксфорде, существенных отличий между калибровками по одной и двум сигмам нет.

В определении конкретных хронологических рамок культуры использованы две статистические процедуры. Во-первых, для дат, относящихся к одному комплексу, были выведены статистически обобщённые цифры (комбинированные даты), которые и были задействованы в дальнейшем анализе¹. Следующим этапом стало суммирование вероятностей полученных интервалов. В результате была получена фигура с явной правой асимметрией (рис. 1), пик значений пришёлся на 2040–1730 гг. до н. э. (при использовании вероятности 95,4% происходит столь существенное расширение рамок (2900–1500 гг. до н. э.), что смысл обсуждения результатов полностью утрачивается).

¹ Приходится только сожалеть о мизерности примеров серийного датирования образцов. Эта процедура позволяет существенно сузить статистический интервал, т. е. получить более «узкую» дату, погасив случайные отклонения.

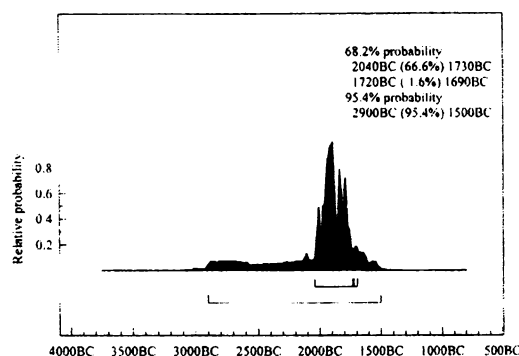

Рис. 1

На общем графике значений видно, что ранний «шлейф» создают даты Киевской и Вильнюсской лабораторий 1970-х — начала 1980-х гг. Для проверки этого визуального наблюдения был построен график суммы вероятностей для дат, полученных в последнее десятилетие (18 образцов). Фигура оказалась практически симметричной, то есть близка к нормальному распределению. Такая картина является отображением относительной однородности серии. Кроме того, интервал стал уже — 1970–1770 гг. до н. э. (при использовании двух сигм — 2030–1750 гг. до н. э.) — и фактически охватил два века (рис. 2).

При сопоставлении этого интервала с общей системой периодизации Северной Евразии можно констатировать отсутствие серьёзных противоречий: период первой четверти II тыс. до н. э. на основе калиброванной радиоуглеродной хронологии (объединяющей син-

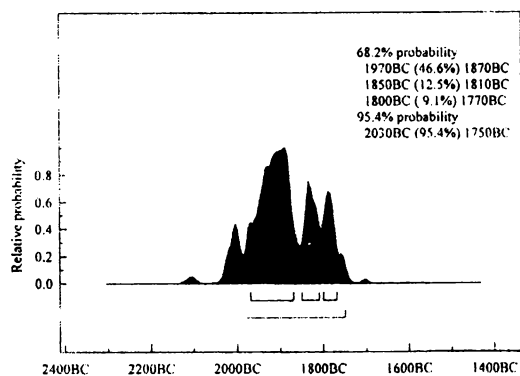

Рис. 2

таштинские, абашевские, петровские, раннесрубные, сейминско-турбинские древности) Е. Н. Черных с соавторами рассматривает в рамках первой фазы Евразийской металлургической провинции [12. С. 21]. Признавая адекватность и эвристическую ценность металлургической периодизации, полагаем, что она не является универсальной, особенно для генетически связанных культур и общностей.

Для синташтинских памятников мы считаем реальным сужение рамок по мере накопления качественных дат, уже сегодня можно предполагать относительную краткость функционирования феномена. Об этом говорят не столько радиоуглеродные датировки синташтинских и петровских древностей сами по себе (наличие очень значительного участка наложения), сколько их сочетание со стратиграфическими наблюдениями, согласно которым хронологический приоритет синташтинских памятников на Урале можно считать надёжно установленным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараг. могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.
2. Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2003.
3. Виноградов, Н. Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации / Н. Б. Виноградов // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. М., 2004.
4. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Ч. 1. Челябинск, 1992.
5. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск, 2002.
6. Зданович, Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Рос. археология. 1997. № 2.
7. Зданович, Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы автореф. дис. канд. ист. наук / Д. Г. Зданович. Екатеринбург, 2005.
8. Кияшко, А. В. Вопросы абсолютной хронологии эпохи средней бронзы степей Юго-Восточной Европы / А. В. Кияшко // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
9. Кузьминых, С. В. Проблемы эпохи раннего металла в трудах В. Ф. Генинга / С. В. Кузьминых // Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет : материалы Всерос. науч. конф., посв. 50-летию Удмурт. археол. эксп. и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга : сб. ст. Ижевск, 2004.
10. Лаврушин, Ю. А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Урала / Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999.
11. Телегин, Д. Я. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов (сообщение II Координационного совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975–1977 гг.) / Д. Я. Телегин, Э. В. Соботович, Н. Н. Ковалюх // Использование естественных наук в археологии. Киев, 1981.
12. Черных, Е. Н. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду / Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, С. В. Кузьминых // Рос. археология. 2002. № 1.
13. Anthony, D. W. Birth of the chariot / D. W. Anthony, N. B. Vinogradov // Archaeology. An Official Publication of the Archaeological Institute of America. 1995. Vol. 48, № 2.
14. Epimakhov, A. V. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia / A. V. Epimakhov, B. Hanks, C. Renfrew // Antiquity, in press.

П. А. Косинцев

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Многолетнее изучение материальной составляющей синташтинской культуры не привело к решению основных проблем её хозяйства. Причинами этого являются не отсутствие соответствующих методик или специалистов, не ограниченность источниковой базы, а сугубо субъективные факторы. «Яркость» погребального обряда этой культуры привела к тому, что основные усилия исследователей были направлены на его изучение, главным образом на описание погребальных комплексов и, отчасти, их интерпретацию². Материальной культуре синташты не повезло. Опубликованы только материалы поселения Синташта [11] и нет ни одной аналитической работы. Всё это привело, с одной стороны, к ущербу представлений самих исследователей о синташтинской культуре, а с другой — к появлению вала псевдонаучных и околону научных публикаций. Их появление вполне закономерно, так как «свято место пусто не бывает» — место отсутствующих научных данных заняли псевдонаучные и спекулятивные данные. Так, в 1996 г. из 57 публикаций, посвящённых синташтинской культуре, к научным можно отнести 12, а в 1997 —

из 41 — 10 [1]. Остальные — в лучшем случае научно-популярные. При этом при отсутствии достаточных научных данных и научно-популярные публикации оказываются околону научными.

Чтобы приведённое выше не показалось голословным, рассмотрим имеющиеся на сегодня данные о хозяйстве и, шире, материальной культуре синташты. Рассматриваться будут главным образом данные, полученные по результатам изучения поселений.

1. Система расселения — географическое положение поселений. Эта характеристика археологической культуры приобрела применительно к синташтинской культуре яркий эпитет — «Страна городов» [25]. Основой для её выделения послужили два критерия — компактное расположение поселений (Южное Зауралье, 400 км с севера на юг, 150 км с запада на восток) и их периодическое положение в 40–70 км друг от друга, в среднем через 25–30 км друг от друга [26]. Если первый критерий реальность, то второй — фикция. Так, расстояния между ближайшими поселениями, измеренные на карте, приведённой в статье Г. Б. Зданович и И. М. Батаниной [Там же. С. 55. Рис. 1] составляет (с севера на юг): 20, 80, 40, 50, 20, 50, 60, 10, 30, 10, 40, 40, 35, 10, 35 и 35 км. Разброс расстояний составляет от 10 до 80 км. Очевидно, что эти расстояния отражают систему расселения в исторической динамике и расстояния

¹ Работа выполнена по интеграционному проекту УрО РАН и СО РАН «Формы и проявления социокультурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы и раннего железного века».

² Ссылки на литературу не привожу, поскольку она широко известна, см., напр. [1].

в 10 км, скорее всего, разделяют разновременные поселения. Далее авторы, не приводя никаких доказательств в подтверждение регулярности расположения поселений, делают важный вывод о существовании хозяйственно-административных единиц, состоящих из центра и округа [26; 50]. С тех пор представления о подобной функциональной структуре поселений синташтинской культуры постоянно излагаются, но ни одного конкретного примера, доказывающего это, пока не приведено. В целом отсутствуют сводные данные о местоположении всех известных памятников синташтинской культуры, то есть не определён её ареал. Так, один из исследователей этой культуры пишет: «Страна городов» несколько меньше ареала синташтинской культуры, памятники которой, по-видимому, охватывают часть Оренбургских степей, Кустанайское Притоболье и Актюбинское Приуралье, возможно, другие прилегающие районы» [27]. В итоге до настоящего времени не проведён научный анализ данных о системе расселения населения синташтинской культуры, а имеются только умозрительные рассуждения на эту тему; не известен даже ареал этой культуры.

2. Функциональная структура поселений. Специально не изучалась. Имеются реконструкции самого общего плана [23].

3. Функциональная структура жилищ. Описание жилищ и их функциональная интерпретация выполнены только для одного поселения [11]. Для всей культуры дана интерпретация функциональной структуры жилищ в общем виде [13; 23].

4. Ресурсная база синташтинской культуры. Имеются отдельные работы по минеральной базе в общем [21; 49]

и отдельным рудопроявлениям [2; 20]. Имеются перечисления и общая характеристика потенциальной ресурсной базы, которую могло использовать население синташтинской культуры [8].

5. Гончарное производство. Описана технология изготовления керамики одного поселения [16; 18], одного могильника [17] и дана очень общая характеристика технологии изготовления керамики населением синташтинской культуры [19].

6. Металлургическое производство. Наиболее полно изученная на сегодняшний день отрасль хозяйства синташтинской культуры [обзор: 15], но и в ней остаётся ряд проблем, среди которых одной из важнейших является выявление конкретных источников руды для каждого поселения.

7. Прочие производства. Имеются единичные работы по ткачеству [10; 12] и обработке кости [42]. Вопросы использования камня затрагиваются в одной работе [22]. Другие производства не изучались.

8. Трассологические исследования. Проведено трассологическое изучение псалиев [42–43] и одного типа костяных орудий [41]; очень кратко опубликованы данные об орудиях горного дела и металлообработки с поселений Синташта и Аркаим [29].

9. Животноводство. Опубликовано относительно подробное описание костных останков из поселения Аркаим [32] и видовой состав костных останков из поселений Синташта [40], Устье [34] и Кузьминковское II [30]. Приведены данные о размерах костей домашних животных из поселения Аркаим и Синташты [30; 32] и возрастной состав лошадей, крупного и мелкого рогатого скота из поселений Аркаим и Кузьминковское II [Там же]. Показана принад-

лежность костей свиньи из поселений синташтинской культуры домашней форме [30–32; 45]. Охарактеризовано соотношение домашних животных на всех исследованных раскопками поселениях синташтинской культуры с «чистым» культурным слоем (Аркаим, Аландское, Берсуат, Куйсак) и дана их интерпретация [46]. Однако сделано это только по минимальному количеству особей, что методически некорректно. Проведено сравнение состава костных остатков из поселения синташтинской культуры Аркаим и «синташтинского» слоя поселения Устье с аналогичными данными из поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири [35]. Предложена гипотеза о формировании животноводства синташтинской культуры при участии абашевской культуры [30; 34]. Предпринята попытка реконструкции реального соотношения домашних животных в стаде у населения поселения Синташта на основе выявления загонов для скота и определения по аэрофотоснимкам, какие виды скота в них содержались [5]. Однако эта методика настолько оригинальна, что не позволяет провести даже приблизительную верификацию результатов, полученных автором. К сожалению, эти результаты без должного критического анализа были использованы для характеристики животноводства синташтинской культуры [13]. Несмотря на то, что доказана принадлежность останков свиньи из поселений синташтинской культуры домашней форме [30–32; 45], ряд исследователей продолжает относить их к дикому кабану [9; 28]. В целом, на настоящий момент, животноводство синташтинской культуры может быть охарактеризовано в самом общем виде и необходимы даль-

нейшие исследования по конкретизации его особенностей.

10. Земледелие. Целенаправленных исследований по поиску свидетельств земледелия не проводилось. Разовая отмывка образцов культурного слоя поселения Аркаим на карпологический анализ не выявила наличия культурных растений [38]. По палинологическим данным, в пойменных отложениях р. Утяганки в районе Аркаима выявлен слой с пылью культурных злаков, который авторы датируют возрастом 3800–3400 лет назад [37], то есть постсинташтинским временем. Таким образом, прямых доказательств существования сколько-нибудь развитого земледелия у населения синташтинской культуры нет. Вместе с тем сделано заключение о значительной роли злаков культурных растений в рационе синташтинского населения [4; 6–7; 9]. Оно основано на оригинальной методике анализа пригара на стенках сосудов из поселений (Аркаим, Аландское) и могильников (Большекараганский, Каменный Амбар V) синташтинской культуры, которая выявила наличие в его составе остатков злаков, отнесённых автором к культурным. Не рассматривая саму методику этого анализа, только отметим факты, которые заставляют усомниться в достоверности его результатов. Автор не приводит никаких данных об объектах, которые он изучал и на основании каких признаков давал им интерпретацию. На основании только визуального рассмотрения пригара в бинокулярную лупу и микроскоп делает вывод о его происхождении в результате приготовления мясных и молочных продуктов. Может быть, при варке мяса и кипячении молока структура пригара на стенках горшка будет разной. Но чтобы это показать, необходимы натурные

эксперименты, изложение результатов которых должно предшествовать столь серьёзным выводам. По мнению специалистов-карпологов (устное сообщение О. М. Короны), интерпретация мелких фрагментов зерновок злаков как принадлежащих культурным формам, весьма проблематична и нуждается в веских доказательствах. Поэтому вопрос о принадлежности остатков злаков из пригара сосудов к дикой или культурной формам остаётся открытым. Ещё одним, косвенным, доказательством наличия земледелия в хозяйстве синташтинской культуры послужил своеобразный микрорельеф в окрестностях поселения Аркаим. Это серии субпараллельных мелких канавок на днище долины р. Утяганки. Они были интерпретированы как остатки ирригационных систем, и на основании этого был сделан вывод о существовании у населения синташтинской культуры земледелия ирригационного типа [23; 50]. По мнению специалистов-геологов, это эрозионные борозды от временных водотоков [37]. В итоге, вопрос о наличии земледелия у населения синташтинской культуры остаётся открытым и преждевременно характеризовать хозяйство синташтинского населения как скотоводческо-земледельческое [23]. Для его решения необходимо провести целенаправленные поиски прямых доказательств наличия земледелия — макроостатков культурных растений.

11. Присваивающие отрасли экономики: охота, рыболовство, собирательство. Для всех изученных поселений синташтинской культуры сделаны определения костей диких млекопитающих [30; 32; 40; 46]. Для большей части поселений определён видовой состав остатков беспозвоночных, амфибий, рептилий, рыб и птиц, а также, частично, макро-

остатки дикорастущих растений [46]. Все эти данные однозначно свидетельствуют о небольшой роли присваивающего сектора в экономике синташтинской культуры [30; 32; 34; 46; 50]. Тем не менее специального анализа этого сектора экономики не проведено.

12. Хозяйственный цикл. Специальных исследований не проводилось. Рассмотрен только вопрос о сезоне строительства круглоплановых поселений [3].

13. Миграция населения и скота. Миграции населения рассматривались главным образом на основе археологических (основные работы: [14; 36; 47]) и, отчасти, антропологических данных [39; 44]. Проблема миграций (экспорта-импорта) домашнего скота была поставлена в работе Л. Л. Гайдученко [5], но приводимые автором доказательства не могут быть приняты без их дополнительного обоснования и разъяснения. В целом нужны специальные исследования с привлечением современных методик (в частности, изотопных) для определения направлений и масштабов миграций населения и скота.

14. Структура питания населения. Практически не изучена. Имеется одна работа, в которой приведены предварительные результаты изучения изотопов в костях человека и животных из двух могильников синташтинской культуры [48].

Приведённый краткий обзор показывает, что степень изученности хозяйства синташтинской культуры далека от полноты. Не решены многие важные проблемы, часть из которых даже не была сформулирована. Как уж отмечалось вначале, причины этого сугубо субъективные. Дело в том, что на протяжении всех лет исследования поселения Аркаим здесь проводился ряд комплексных естественнонаучных и

экспериментальных работ. Была разработана специальная программа, которая выполнялась и некоторое время после завершения раскопок [24]. Однако результаты её были опубликованы лишь частично в сборниках «Природные системы Южного Урала» (Челябинск, 1999) и «Археологический источник и моделирование древних технологий» (Челябинск, 2000), обобщающей статье Д. Г. Здановича (1999) и ряде других работ (смотри библиографию к данной статье). Публикация результатов уже проведённых исследований, вероятно, позволит прояснить ряд нерешённых проблем в изучении хозяйства синташтинской культуры, однако очевидно, что имеющиеся сегодня данные о её хозяйстве недостаточны для решения этих проблем на современном методическом уровне. Решение перечисленных проблем возможно на основании уже накопленных данных и использования новых методик. Наиболее вероятно это можно сделать при условии разработки и реализации специальной целевой программы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аркаим, 1987–1997 : библиогр. указ. / сост. Д. Г. Зданович, Е. И. Коган, Н. Н. Орлова. Челябинск, 1999.

2. Бушмакин, А. Ф. Еленовское меднотурмалиновое месторождение — вероятный источник руды для медеплавильного производства Аркаима / А. Ф. Бушмакин, В. В. Зайков // Уральский минералогический сборник. Вып. 7. Миасс, 1997.

3. Гайдученко, Л. Л. Календарные сроки начала строительства круглопланных укреплений поселений эпохи средней бронзы в Южном Зауралье / Л. Л. Гайдученко // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.

4. Гайдученко, Л. Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы / Л. Л. Гайдученко // Археоло-

гический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

5. Гайдученко, Л. Л. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях по направлению восток–запад в эпоху бронзы / Л. Л. Гайдученко // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 2. Челябинск, 1995.

6. Гайдученко, Л. Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника / Л. Л. Гайдученко // Аркаим: некрополь. Кн. 1. Челябинск, 2002.

7. Гайдученко, Л. Л. Новый источник получения массовой информации об особенностях питания населения древности / Л. Л. Гайдученко // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск, 2003.

8. Гайдученко, Л. Л. Особенности природопользования древнего населения «страны городов» Южного Урала и Зауралья / Л. Л. Гайдученко // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск, 1999.

9. Гайдученко, Л. Л. Пищевые пригари на сосудах из кургана 25 Большекараганского могильника / Л. Л. Гайдученко, Д. Г. Зданович // Аркаим: некрополь. Кн. 1. Челябинск, 2002.

10. Галиуллина, М. В. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим / М. В. Галиуллина // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

11. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Ч. 1. Челябинск, 1992.

12. Глушкова, Т. Н. Ткачество у петровцев (экспериментально-трассологический анализ) / Т. Н. Глушкова // Экспериментальная археология. Вып. 2. Тобольск, 1992.

13. Григорьев, С. А. Бронзовый век / С. А. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.

14. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск, 1999.

15. Григорьев, С. А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы / С. А. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья. Т. I : Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.

16. Григорьев, С. А. Экспериментальные работы по изготовлению керамики / С. А. Григорьев, И. А. Русанов // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.

17. Гутков, А. И. Исходное сырьё и формовочные массы керамики Большекараганского могильника / А. И. Гутков // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.

18. Гутков, А. И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим / А. И. Гутков // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

19. Гутков, А. И. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа / А. И. Гутков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 2. Челябинск, 1995.

20. Зайков, В. В. Воровская Яма — новый рудник бронзового века на Южном Урале / В. В. Зайков, Г. Б. Зданович, А. М. Юминов // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

21. Зайков, В. В. «Каменная летопись Аркаима и Страны городов» / В. В. Зайков // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

22. Зайков, В. В. Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии Аркаима / В. В. Зайков, С. Я. Зданович // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

23. Зданович, Г. Б. Аркаим: арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация / Г. Б. Зданович // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

24. Зданович, Г. Б. Заповедник Аркаим — перспективы исследования / Г. Б. Зданович, Л. Л. Гайдученко // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.

25. Зданович, Г. Б. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.

26. Зданович, Г. Б. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

27. Зданович, Д. Г. Аркаим: древность, модерн, постмодерн / Д. Г. Зданович // Аркаим, 1987–1997 библиогр. указ. Челябинск, 1999.

28. Зданович, Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Г. Зданович. Екатеринбург, 2005.

29. Зданович, С. Я. Орудия горного дела и металлообработки на поселениях бронзового века Урало-Ишимского региона / С. Я. Зданович // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.

30. Косинцев, П. А. Животноводство у населения Южного Урала в абашевское и синташтинское время / П. А. Косинцев // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул, 2002.

31. Косинцев, П. А. Животные в жертвенных комплексах могильника Большой Караганский (курганы 11, 20, 22, 24) / П. А. Косинцев. В печати.

32. Косинцев, П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим / П. А. Косинцев // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

33. Косинцев, П. А. Лошади Ботая и Синташты: сравнительная и морфометрическая характеристика // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2000.

34. Косинцев, П. А. Становление производящего хозяйства в Южном Зауралье / П. А. Косинцев // Горизонты антропологии. М., 2003.

35. Косинцев, П. А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири / П. А. Косинцев // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003.

36. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоарии? / Е. Е. Кузьмина. М., 1994.

37. Лаврушин, Ю. А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позд-

него плейстоцена и голоцена на восточном склоне Урала / Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999.

38. Лебедева, Е. Д. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы / Е. Д. Лебедева // XIII Уральское археологическое совещание. Уфа, 1996.

39. Рыкушина, Г. В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро / Г. В. Рыкушина // Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2003.

40. Смирнов, Н. Г. Ландшафтная интерпретация новых данных о фауне андроновских памятников Зауралья / Н. Г. Смирнов // Вопр. археологии Урала. 1975. Вып. 13.

41. Усачук, А. Н. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте / А. Н. Усачук, Р. А. Литвиненко // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

42. Усачук, А. Н. О технологии изготовления щитковых и желобчатых псалиев / А. Н. Усачук // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

43. Усачук, А. Н. Трасологический анализ псалиев могильника Кривое Озеро / А. Н. Усачук // Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2003.

44. Хохлов, А. А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потоповской культурной общности / А. А. Хохлов // Урало-Поволжская археологическая

студенческая конференция : тез. докл. Уфа, 1996.

45. Bolshakov, V. N. Ancient domestic pigs in the Urals (Russia) / V. N. Bolshakov, P. A. Kosintsev // J. of Mountain Ecology. 1995. № 3.

46. Gayduchenko, L. L. The biological remains from the fortified Settlements of the Country of Towns of the South Trans-Urals / L. L. Gayduchenko // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Vol. II. J. of Indo-European Studies Monograph Series 46. / eds. K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich Institute for the Study of Man. Washington DC, 2002.

47. Grigoriev, S. A. Ancient Indo-Europeans / S. A. Grigoriev. Chelyabinsk, 2002.

48. Privat, K. Preliminary report of palaeodietary analysis of human and faunal remains from Bolshekaragansky kurgan 25 / K. Privat // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.

49. Zaykov, V. V. Ancient copper mines and products from base and noble metals in Southern Urals / V. V. Zaykov, A. M. Yuminov, A. Ph. Bushmakina [et al.] // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Vol. II / eds. K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich. // J. of Indo-European Studies Monograph Series 46. Institute for the Study of Man. Washington DC, 2002.

50. Zdanovich, G. The "Country of Towns" of South Trans-Urals and some aspects of steppe assimilation in the Bronze Age / G. Zdanovich // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers Presented for the Symposium to be held 12-16 Jan., 2000. Vol. 2. Cambridge, 2000.

П. Ф. Кузнецов

Самарский государственный университет

ОЧЕРК К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Игнорирование известных обстоятельств не является аргументом в пользу собственной правоты.

Вольная интерпретация крылатой латыни.

Истоки и происхождение памятников синташтинского типа на сегодняшний день являются ключевыми проблемами для понимания процесса формирования новой исторической эпохи — эпохи поздней бронзы. В литературе представлен богатый спектр гипотез о происхождении Синташты. Первым, кто начал этот процесс был А. Д. Пряжин, который и исследовал, и публиковал синташтинские памятники как своеобразный дериват уральского абашева. Как позднюю стадию развития абашевской культуры рассматривали синташтинские памятники В. С. Горбунов, О. В. Кузьмина, Т. М. Потёмкина. Существенно более широкий спектр западных культур в синташтинских материалах видела Е. Е. Кузьмина. Она, совместно с К. Ф. Смирновым, происхождение новокумакских памятников (включая и синташтинские) связывала с полтавкинской, абашевской и многоваликовой культурами. О разнокультурности собственно синташтинцев писал и В. Ф. Генинг.

Исследование Потаповского могильника, сравнительный анализ его материалов и материалов Синташты придали новый импульс к обсуждению вопросов о происхождении и взаимо-

связи этих памятников. Н. К. Качалова предположила, что Потаповские курганы суть выражение миграционного импульса из Зауралья. Это впечатление было поддержано Г. Б. Здановичем, Н. Б. Виноградовым, В. В. Отрощенко во время их знакомства с потаповскими коллекциями. В процессе сравнительного анализа мы вместе с И. Б. Васильевым и А. П. Семёновой пришли к выводу о том, что потаповские материалы действительно находят наибольшее сходство с материалами Синташты, но они отнюдь не сводимы друг к другу. Другой, более широкий круг аналогий связывает эти памятники с памятниками уральского абашева и полтавки. И в гораздо меньшей степени синташтинско-потаповские материалы имеют сходство с многоваликовой, а тем более — с катакомбными культурами. Сходство с последними представлялось нам далеко опосредованным. Исходя из этих наблюдений мы предложили три варианта происхождения синташтинско-потаповских памятников. Но при этом нами было отдано предпочтение варианту самостоятельного формирования потаповских и синташтинских памятников на месте — в Поволжье и Зауралье. Они представлялись как результат взаимодействия абашевской и полтавкинской культур. Кажется, мы впервые

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект № 05-01-26100 а/В).

подняли проблему территориального происхождения собственно Синташты. Раскрытию механизма формирования синташтинского феномена была посвящена моя работа по моделированию миграционных процессов в Волго-Урале. И здесь ключевая роль отводилась полтавкинским племенам, которые в процессе распространения на восток адаптировали достижения носителей абашевской культуры и трансформировались в новое культурное образование.

Пожалуй, первым, кто высказал серьёзные сомнения в наличии существенного абашевского компонента, был Н. Б. Виноградов. Он видел истоки синташты в материалах ямно-полтавкинских памятников Оренбуржья. Должен заметить, что на момент представления этой гипотезы я был готов разделить мнение автора, но сейчас к этому предположению имеются серьёзные возражения хронологического характера. В. В. Отрощенко продолжил разработку гипотезы о распространении синташтинской культуры на запад. Обрушившись с резкой критикой в наш адрес, В. В. Отрощенко оставил без внимания ключевые наблюдения, противоречащие гипотезе о восточной миграции, но главное — он опустил проблему культурного пласта, собственно предшествующего синташте в Зауралье. К чести исследователя следует заметить, что в 2001 г., на Первых Городцовских чтениях, он признал ошибочность своего тезиса о распространении синташтинской культуры в Поволжье и локализовал её в Зауралье. Тем самым В. В. Отрощенко косвенно согласился с нашим утверждением о культурном своеобразии и о территориальной локализации потаповских и синташтинских материалов. О миграции в Зауралье полтавкинско-катакомбных племён писали

Г. Б. Зданович и Д. Г. Зданович. Здесь, по версии авторов, мигранты встретились с абашевским населением и носителями культур ботайско-терского круга, что и привело к формированию синташты.

Таковы были основные позиции специалистов-бронзоведов начиная от середины 1970-х гг. и вплоть до середины 1990-х. За прошедшее время получены некоторые принципиально новые факты и в то же время выдвинут ряд оригинальных и сверхсмелых гипотез касательно проблем происхождения синташтинского феномена. Остановимся прежде на фактах.

Серии радиоуглеродных дат показали, что синташта и потаповка существенного хронологического приоритета по отношению друг к другу не имеют. Пределы допуска радиоуглеродных дат позволяют даже говорить об их абсолютной синхронности. Второе важное наблюдение на основе радиоуглерода — глубокая хронологическая позиция полтавкинской культуры (включая и так называемые позднейшие памятники Оренбуржья). Её ранние памятники, в которых и усматривается наибольшая культурная близость с синташтой, оказались на полтысячелетия глубже времени происхождения синташты. Задолго до появления радиоуглеродных дат столь глубокая древность полтавки предполагалась В. С. Бочкарёвым. Непосредственно предшествующие по хронологии позднесполтавкинские памятники намного «скромнее» в плане культурных соответствий с синташтой. Но даже они примерно на 100–200 лет «расходятся» во времени. То есть хронологических несоответствий в преемственности здесь оказалось намного больше, чем представлялось ранее, до появления датировок.

Другая фактическая сторона проблемы — это отсутствие в Южном Зауралье выраженного культурного пласта, предшествующего синташте. Представление априори о сплошной заселённости Волго-Уралья, кажется, опровергается многолетними полевыми исследованиями. И к тому есть объективные причины. Современный юг Челябинской области имеет намного более контрастный и более резкий континентальный климат, чем окружающие северные и западные земли. Особенности каменистой маловодной степи Зауральского пенеппена всегда были более экстремальными, чем окружающие степные и лесостепные ландшафты, поэтому для освоения этих территорий необходима существенная и принципиально новая мотивация. Очевидно, она отсутствовала и в среде культуры абашевской, и в среде ямно-полтавкинских культур.

В связи со всем вышеизложенным, вероятно, пришло время отказаться от гипотезы о происхождении синташтинцев на территории Зауралья. Также мне приходится отказываться и от собственной модели дальнедистанционной миграции полтавкинских племён как главного импульса в происхождении синташты на месте основного распространения её памятников. Сейчас есть объективные причины к утверждению о том, что синташтинский феномен является пришлым в Зауралье. Это предположение находит подтверждение и в русле концепции о Волго-Уральском очаге культурогенеза эпохи поздней бронзы. По своим системообразующим признакам его границы соответствуют территории от Средней Волги на западе и до западных склонов Урала на востоке. Синташтинский феномен является прямым результатом его развития, а соответственно, характеризуется как

начальная фаза эпохи поздней бронзы. Синташтинские памятники не относятся ко времени эпохи средней бронзы, как это утверждается, без должных обоснований и дискуссий, в некоторых современных работах.

Территориальные особенности Волго-Уральского очага культурогенеза, особенности материальной культуры позволяют видеть в культуре абашевской особого триггера к возникновению синташты. Но есть ряд факторов, которые в настоящее время объективно препятствуют данному утверждению. Безусловно, это проблема её хронологического приоритета. Н. Б. Виноградов, А. В. Епимахов, О. Д. Мочалов высказывают сомнения в более древней хронологической позиции абашева по отношению к синташте. Но весомых доказательств их синхронности в своих работах они не приводят. И здесь уместно напомнить о более древней, чем все синташтинские, дате из Пепкинского кургана. Кроме того, есть важное открытие по керамике Мало-Кизильского селища, сделанное А. В. Епимаховым. Он установил, что керамический комплекс этого абашевского памятника является монокультурным. При этом в керамике явно прослеживаются признаки более ранних культур: ботайско-суртандинской и, добавлю от себя, вольско-дбищенской. При этом столь явные следы пережиточного энеолита в синташтинском керамическом комплексе просто отсутствуют. В результате мы имеем единичные, но очень яркие свидетельства хронологического приоритета абашева по отношению к синташте. Безусловно, этих свидетельств ещё не вполне достаточно, но база для осторожного оптимизма уже есть. В контексте данной проблемы дополнительную аргументацию мы видим и в результатах обработ-

ки металла абашевской культуры, проведённого О. В. Кузьминой. Абашевский металл отличается существенно большим архаизмом, чем металл синташтинский.

Таким образом, сходство материальной культуры уральского абашева и синташты (которое никогда и никем всерьёз не оспаривалось), их хронологическая последовательность позволяют предполагать происхождение синташтинцев в Приуральяе. Но какие ещё составляющие культурогенеза участвовали в этом процессе? Сейчас есть основания говорить о сейминско-турбинских племенах, как о своеобразном катализаторе процесса культурообразования. Но видеть в них один из компонентов сложения собственно синташтинского феномена возможным не представляется. Это своеобразная культура — антипод синташты. Кажется, их противостояние и определило специфику начала эпохи поздней бронзы. То есть мы неизменно возвращаемся к вопросу о юго-западном компоненте в синташтинских материалах. Если абашевская культура более поздняя, чем полтавкинская, то должны быть и памятники, в которых представлена некоторая преемственность. К сожалению, достоверные материалы мне неизвестны. Их отсутствие, в комплексе с рядом других обстоятельств, даёт объективную возможность для появления гипотез о происхождении синташты в результате трансформации более западных культур эпохи средней бронзы.

И гипотезы не заставили себя ждать. Происхождение синташты из круга катакомбных культур постулировали Н. М. Малов совместно с В. В. Филипченко, А. В. Епимахов, В. В. Ткачёв. Но никто детальной проработкой данного предположения не занимался. Собственно, и аргументы против этой гипотезы до-

статочно очевидны. Сама катакомбная триада (катакомба, курильница и шнур в орнаментике) на территории к востоку от Волги в системе погребального обряда просто отсутствует. Отсутствуют и собственно катакомбы. Есть лишь вариации подбойных захоронений, которые не обязательно связаны только с катакомбным миром. В катакомбном обряде нет явных свидетельств использования лошади. Было ли коневодство в среде катакомбников? Достоверные данные об этом просто отсутствуют. Очевидно, насколько это существенный аргумент против определяющего влияния катакомбного мира на происхождение Синташты. И в этой связи необходимо отметить, что коневодство было распространено в среде полтавкинских и абашевских племён. А такая специфическая отрасль, как свиноводство, нашла своё прямое выражение в материалах только синташтинских и абашевских памятников. Специфика скотоводческого хозяйства вышеназванных культур детально проработана исследованиями П. А. Косинцева. Возвращаясь в культурное русло, возможно даже сравнить триады абашевскую и синташтинскую. Для первой характерным является сочетание миниатюрных сосудов, браслетов и бляшек-розеток, для второй — миниатюрные сосуды, браслеты и воинская атрибутика широчайшего спектра. Как видно из приводимого ряда, сходство синташты с абашево намного больше, чем с катакомбной триадой. Кроме того, собственно катакомбная керамика есть в донских погребальных комплексах, именуемых как власово-филатовские или как раннепокровские. И в этих же комплексах есть несомненное сходство с потаповско-синташтинскими материалами. Помимо этого, катакомбные культуры существуют вплоть

до распространения покровско-срубных племён на территории Подонья и Предкавказья. Об этом свидетельствуют и радиоуглеродные даты. То есть мир катакомбный и мир синташтинский существуют параллельно и вполне независимо на различных территориях. Вопрос об их взаимодействии — это специальная тема для исследования. Но к происхождению синташты непосредственного отношения она уже не имеет.

Ещё более оригинальной была гипотеза Н. И. Шишлиной и Ф. Т. Хиеберта о происхождении синташты из земледельческих оазисов Средней Азии. Реальных основ для существования и перспектив дальнейшей разработки я здесь не вижу. Полагаю, что тезисность её изложения освобождает специалистов от необходимости детального рассмотрения. Но наиболее впечатляющей на сегодняшний день остаётся гипотеза С. А. Григорьева о переднеазиатских истоках синташты. Представленная впервые десять лет назад, она, во-первых: не получила развёрнутой системы доказательств; во-вторых, не имеет строгой причинно-следственной выводимости; и в-третьих: не имеет никаких исторических аналогий для обоснования необходимости таких глобальных перемещений групп населения с юга на север. С. А. Григорьевым не представлены детальные прорисовки сравниваемых вещей или сводные таблицы культурной номенклатуры дальних регионов, глядя на которые можно было бы попытаться понять логику автора. При этом хочу особо подчеркнуть, что С. А. Григорьев является одним из ведущих специалистов в области истории металлургии. Но какое отношение имеют выводы о соотношении химических элементов в меди к дальним миграциям? Безусловно, яркие памятники синташты

позволяют выдвигать оригинальные гипотезы, но у каждого предположения должны быть объективные основания, доступные для восприятия любому исследователю. А именно это специфическое и неотъемлемое свойство науки, как сожалению, в работах С. А. Григорьева о происхождении синташтинских памятников просто отсутствует.

Достаточно внимания синташтинскому феномену уделяет в своих недавних публикациях Г. Г. Пятых. Он делает весьма подробный историографический обзор синташтинско-потаповской проблематики, приводит обширный иллюстративный материал при сравнении керамики потаповской и катакомбной. Один из главных выводов автора — происхождение потаповки из сочетания катакомбного и абашевского компонентов, и уже затем следует формирование синташтинского поликультурного явления в Зауралье. Прежде всего необходимо отметить, что признаки сходства потаповской и катакомбной керамики присутствуют в некоторых орнаментальных мотивах. Данные мотивы имеют широкое географическое распространение и характеризуют достаточно внушительный спектр культур рубежа средней и поздней бронзы. Кроме того, все приводимые аналогии характеризуют позднекатакомбные памятники к западу от Волги. Вполне вероятно, что они синхронны синташтинско-потаповским. И тогда строгий западный вектор культурного распространения, предлагаемый Г. Г. Пятых, вполне допустимо заменить на вектор восточный. Тем более в потаповских памятниках присутствует керамика, имеющая примесь талька, как серьёзный индикатор влияния уральских традиций гончарства. Важно, что Г. Г. Пятых в понятие катакомбных влияний включает и памятни-

ки позднего этапа эпохи средней бронзы Поволжья. Для него они есть особая катакомбная культура, для Н. К. Качаловой, И. Б. Васильева, А. П. Семёновой и для меня — культура позднеполтавкинская. В недавней работе А. В. Кияшко этот же круг памятников именуется как волго-донская культура, происхождением своим связанная с культурой полтавкинской. Замечательно высказался А. М. Хазанов в том плане, что о терминах не спорят, о них договариваются. И в контексте рассматриваемой проблемы происхождения потаповского феномена это как раз случай, когда мы можем говорить о совпадении точек зрения специалистов, имеющих диаметрально противоположные взгляды в терминологической оценке хронологически предшествующего культурного явления.

Возвращаясь к исследованиям Г. Г. Пятых, отмечу, что они построены во многом на анализе керамического материала с привлечением наших с О. Д. Мочаловым разработок по сравнению потаповской и синташтинской керамики. В контексте терминологических реалий с учётом только признаков форм и орнаментов сосудов, нам не удалось строго формально типологически вывести ни синташтинскую, ни потаповскую культуры, но при этом мы постарались максимально полно представить равнозначность и несоподчинённость памятников типа Потаповки и Синташты. Как то, так и другое явления имеют общие корни. При этом их эволюционное развитие было различным. Различной была и территория распространения. Но если Синташта и Потаповка являются ключевыми понятиями в модели культурогенеза и при этом имеют достаточно яркие пространственно-типологические характеристики, то вполне возможно

поставить вопрос об использовании термина «культура». В. С. Бочкарёв отмечал, что модель Д. Кларка включает в себя археологическую культуру как ключевое звено пространственно-типологических понятий. В связи с этим представляется вполне логичной постановка вопроса о выделении потаповской и синташтинской культур. И здесь необходима дальнейшая детальная типология не только керамических серий, но и всех других категорий, характеризующих археологические культуры.

Таким образом, на сегодняшний день наименее противоречивой мне представляется модель формирования синташтинско-потаповского культурного феномена в пределах лесостепного Волго-Уральского междуречья. Она в наибольшей степени соотносима с моделью культурогенеза эпохи поздней бронзы. В ней достаточно отчётливо видны истоки главных культурных компонентов и некоторых ярких специфических признаков. Из абашевского культурного круга выводимы такие компоненты синташты, как: стационарные поселения с признаками укреплений; оформление подкурганного ритуального комплекса; вытянутое на спине положение погребённых; типы наиболее массовых и наиболее сложных разновидностей металлических изделий; черешковые наконечники стрел; ритуальные костяные предметы; миниатюрная посуда; керамика с внутренним ребром и внешним желобком; геометризм в орнаментации. Из круга позднеполтавкинских памятников культурообразующими признаками могут быть названы такие как: положение на левом боку; жертвенники животных; сосуды вертикальных пропорций с внешним ребром-уступом; сосуды горизонтальных пропорций с округлым туловом; «ёлочная» орнаментация;

«шагающая» гребёнка. Вышеперечисленные признаки присутствуют в качестве взаимосвязанных. Они и образуют неразрывное целое при характеристике всей культуры. Каждый из этих признаков по отдельности возможно найти и в других культурах северной половины Евразии (что и происходит и ещё долго будет происходить за пределами системообразующего восприятия археологических фактов). Но как комплекс первоисточника для формирования нового культурного явления эти признаки присутствуют лишь в двух вышеназванных культурах. Отдельно замечу, что во многих моделях, реконструирующих происхождение конкретных культурных явлений, недостаток собственно

археологической информации часто заменяется реконструкциями и теориями из области лингвистики, социологии, общей культурологии. При этом вполне очевидно обратное: модель, созданная только на основе археологических фактов, по завершении процедуры собственно археологической должна сравниваться на сходство-различие с моделями, существующими в других науках.

И в заключение следует особенно выделить такой ключевой признак синташтинских и потаповских древностей, как дисковидные псалии. При всём типологическом разнообразии они имеют два экземпляра-прототипа. И оба они обнаружены на абашевских поселениях: Баланбашском и Сурушском.

Е. Е. Кузьмина

Российский институт культурологии, Москва

СИНТАШТИНСКИЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ И ИХ ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ

Открытие Синташты явилось мировой сенсацией, так как здесь были найдены колесницы и кони, что было сразу же связано с происхождением индоиранских народов [6; 33; 40].

В мировой науке значение открытия колесниц обычно связывают с именами В. Ф. Генинга и Д. Энтони, но справедливость требует подчеркнуть, что подлинным открывателем конных колесниц Азиатских степей был Г. Б. Зданович. Только его тщательные раскопки могильников Берлик и Кенес позволили впервые выявить колесо со спицами. Им же были сделаны находки псалиев на поселениях петровского типа также в Северном Казахстане [14].

С тех пор колесничные сюжеты не сходят со страниц международных изданий, причём жаркие споры идут между сторонниками переднеазиатского приоритета коней, колесниц и псалиев и степного, подтверждающего гипотезу северной прародины ариев.

Прежде чем могут быть получены ответы на эти вопросы, необходимо понять само явление. Очень часто к синташтинским памятникам применяют слово «феномен», которое в аспекте научной таксономии ничего не значит. Предлагалось вполне научное наименование «тип памятников», в последнее время всё чаще звучит термин «синташтинская культура». Однако, насколько мне известно, развёрнутой аргументации этого определения предложено не было.

В отечественной науке принято определение археологической культуры: открытая статистически устойчивая совокупность различных типов памятников, занимающих определённую сплошную (иногда изменяющуюся во времени) территорию, обладающих объективно существующим единством взаимосвязанных типов, длительно и единообразно развивающихся во времени и ограниченно варьирующих в пространстве, существенно отличающих эту систему от других систем (И. С. Каменецкий, В. Б. Ковалевская). (В американской археологии, сложившейся на основе археолого-этнографического изучения культуры отдельных племён американских индейцев, широко используется термин «традиция». В нём акцент ставится на сохранении и трансляции от поколения к поколению в пределах племени некоторой суммы культурных признаков, обусловленных экологической средой, но остающейся неизменной на протяжении жизни этноса.)

Синташтинские памятники не удовлетворяют этим признакам. Их границы включают в себя не только компактную территорию так называемой «Страны городов», но простираются значительно шире, охватывая часть Западного и Северного Казахстана, где В. В. Ткачёвым исследованы великолепные могильники [34–36], но пока не зафиксированы укрепленные поселения.

Сам характер сооружений «Страны городов» остаётся пока не ясен. Видимо, нет оснований сомневаться в предположении С. А. Григорьева о производственном — медеплавильном — назначении выявленных на Аркаиме помещений. Прежде всего производственный, а не бытовой характер этого памятника подтверждается и тонкостью культурного слоя и, главное, малочисленностью керамики [13], которая так обильно представлена в могильниках. Оценка Аркаима как производственного комплекса *par excellence* объясняет и то, что он имел мощную оборонительную систему, поскольку там хранилось и создавалось главное богатство эпохи — медь. Вместе с тем Аркаим был убежищем. Фортификационный и «деловой» характер памятника отнюдь не исключает, а наоборот, обязательно предполагает его культовый характер, поскольку каждый производственный процесс в древнем обществе сопровождался сложными ритуалами. Более того, бог Тваштар арийской религии — творец (безупречная индоевропейская этимология) — был изобретателем ремесла, и вслед за ним земные цари выступали как искусные ремесленники. В связи с этим важны находки во многих погребениях каменных инструментов, которые могли быть полифункциональны и употребляться и для выжимания ритуального напитка, и для заточки металлического оружия. Главное же, в этих могилах положены тёсла и долота, что с несомненностью доказывает, что погребённый был не только воином, но и мастером-строителем колесниц. Эта характеристика неизменно прилагается к царю. Особый интерес представляют находки в Северном Казахстане в воинском погребении могильника Бестамак кусков руды и шлаков [16], зафиксированных также в ряде

других памятников. Это свидетельствует об отсутствии в обществе строгой социально-производственной дифференциации и широком спектре занятий, что возвращает к поставленному вопросу о «народе-воине» и проблеме выделенного ремесла на памятниках.

Вместе с тем сам характер другого синхронного поселения Устье, исследованного Н. Б. Виноградовым [3], по-видимому, несколько отличен от Аркаима. Таким образом, то, что известно в настоящее время о синташтинских поселениях, не позволяет пока рассматривать их как надёжный признак выделенной и устоявшейся археологической культуры.

Ещё сложнее обстоит дело с могильниками. Их объединяет поджурганый обряд, наличие грунтовой ямы, часто с деревянными конструкциями и ритуальными жертвоприношениями животных. Но вся совокупность этих признаков характеризует абсолютное большинство степных и лесостепных культур Восточной Европы, хотя есть все основания соглашаться с А. В. Епимаховым о преобладании катакомбных черт [12].

Что касается определяющих диагностических признаков культуры: позы погребённого и ориентировки могилы, то они неустойчивы и различаются не только в пределах могильника, но часто даже кургана.

Главный же культурный признак — керамика демонстрирует сочетание в одном погребении сосудов, лишённых стандартизации и имеющих не только разные пропорции, но, главное, разную технологию изготовления и существенно отличные принципы орнаментации. Представляется, что попытка О. В. Кузьминой свести всё разнообразие керамических типов синташтинских сосудов к

абашевским недостаточно убедительно и правы исследователи, писавшие о сочетании в одном комплексе сосудов, которые отчётливо восходят как к лесостепным абашевским, так и к степным прототипам. В этом отношении новейшие материалы не пошатнули высказанного нами с К. Ф. Смирновым убеждения, что Синташта отражает синтез разного по своей культурной принадлежности населения. По-видимому, это тот крайне редкий в археологии случай, когда мы наблюдаем не сложившуюся культуру, а сам процесс её формирования из разнородных компонентов, что особенно отчётливо прослеживается в различных традициях погребального обряда и гончарства.

Если это так, то из этого следует несколько принципиально важных выводов:

I. Синташта представляет собой не сложившуюся археологическую культуру, а тип памятников в момент формирования новой культуры в результате синтеза разнокультурных компонентов.

II. В качестве таковых рассматривались культуры: 1. Абашево, которую А. Парпола вслед за А. Д. Пряхиным признал арийской. 2. Полтавкинская, которая в концепции Н. К. Качаловой рассматривалась как наследница ямной, в свою очередь, выступавшей в построениях многих исследователей вслед за Н. Я. Мерпертом как индоевропейская или греко-армяно-индоиранская (J. Mallory), или уже протоиндоиранская (И. М. Дьяконов, Э. А. Грантовский и др.). 3. Катакомбная, для которой также предлагалась арийская атрибуция (Э. А. Берзин; Л. С. Клейн) и её дериват — культура многоваликовой керамики, для которой украинские исследователи сейчас предлагают другой путь форми-

рования и другую языковую принадлежность (В. В. Отрощенко).

Есть и альтернативное предположение: Синташта — не закономерное порождение степей, а результат миграции группы иранцев из Малой Азии вместе с domesticiрованными там лошадьми и изобретёнными там колесницами через Бактрию и Маргиану, где, по мнению В. И. Сарияниди, произошли арии [30; 32]. Эту концепцию сейчас отстаивает Вяч. Вс. Иванов [15], хотя В. И. Сарияниди категорически открещивается от родства гигантских городов Маргианы с их дворцами и храмами, кварталами гончаров, изготавливающих великолепную керамику на круге, принципиально не имеющую ни малейшего сходства с лепными горшками Синташты, что служит для любого историка культуры решающим аргументом [7; 17–18; 21; 63–64].

Следует подчеркнуть, что взгляды Вяч. Вс. Иванова под воздействием новых фактов лингвистического и археологического характера постоянно подвергаются существенной трансформации. Первоначально Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов локализовали прародину индоевропейцев в Закавказье в ареале Грузии и озера Ван. Позже прародина была смещена в Малую Азию, откуда греки мигрировали на запад, а иранцы на восток, индийцы же прошли через Иран в Индостан, остальные индоевропейцы были обречены пройти через непроходимые пустыни Закаспия и Узбой в Северный Прикаспий, а последними тем же маршрутом из Ирана прошествовали несчастные саки и скифы в VIII в.

Я многие годы проработала в пустынях Северного Прикаспия во время экспедиции на Эмбе [20] и затем — в Закаспии и в подгорной полосе Копет-Дага

и Она Мургабе, участвовала в долгих маршрутах с А. М. Мандельштамом и А. А. Марущенко. Мной также были изучены случайные сборы с Мангышлака и Приаралья и коллекции экспедиций П. С. Рыкова, А. Н. Мелентьева, В. Д. Белецкого и И. Б. Васильева со товарищи. Это даёт мне право сполной ответственностью свидетельствовать, что в сборах дальше 3 км от границы оазиса гончарная керамика полностью отсутствует. Земледельцы боялись пустыни, не знали её, и их передвижения осуществлялись лишь на короткие дистанции в пределах освоенных территорий или по водным артериям. Вывод, что массовых миграций ни северных индоевропейцев, ни индоиранцев с юга на север через Среднюю Азию не существовало, можно считать доказанным. (Это не исключает проникновения отдельных предметов и даже технических приёмов в III тыс. до н. э., что документируют находки фрагментов керамики Шах-Тепе в Джебеле, литейных форм топоров иранского типа в Лявлякане [2].) Но регулярные связи севера и юга установились только с момента освоения ранних трасс будущего Шёлкового пути, проложенных только в начале II тыс. до н. э. Доказательства их существования: находка лазурита в Синташте, зеркала бактрийского типа в Красном Знамени, возможно, подражания некоторым керамическим формам. Основное направление движения шло на протяжении II тыс. до н. э. с севера на юг (о чём сказано ниже).

Во всяком случае анализ всего комплекса материалов памятников синташтинского типа не даёт никаких оснований для предположения об индоевропейской миграции через Среднюю Азию.

В последнее десятилетие получила широкое признание гипотеза С. А. Ста-

ростина и московской новой лингвистической школы о южном происхождении ностратических языков и концепция И. М. Дьяконова [9; 11] о переднеазиатской прародине прапротоиндоевропейцев, мигрировавших в Европу через Балканы в VI–V тыс. до н. э. Дальнейшую историю протоиндоевропейцев И. М. Дьяконов связывает с Европой, а индоиранцев уверенно помещает в степях.

Главный на сегодня специалист по индоевропейской проблеме Дж. Мэллори без колебаний локализует индоевропейцев в Европе, индоиранцев — в степях, считая, что андроновская культура со II тыс. до н. э. является наилучшим кандидатом в индоиранцы.

Под влиянием критики другой крупнейший индоевропеист К. Ренфрю с лёгкостью отказался от своего допущения о миграции индийцев в Индию (вариант В), а иранцев в Иран из Передней Азии и признал вероятной индоевропейскую атрибуцию синташты и андрона.

Вновь приведённые аргументы заставили Вяч. Вс. Иванова (2001) отказаться от основного положения своей концепции — миграции не через Закаспий. Теперь он принял основной тезис большинства индоевропеистов о расселении через Балканы большинства индревропейцев, отказавшись от теории М. Гимбутас о восточном их происхождении из Закаспия.

Страсти вокруг Синташты побудили его высказать предположение, что её создателями были или носители языка енисейской группы (что аргументируется ссылкой на устаревшую и давно оспоренную гипотезу А. П. Дульзона), или тохары (что противоречит гипотезам большинства индоевропеистов и археологов, связывающих их с афанасьевцами (анализ см.: [54; 67]), финно-

уграми или иранцами, или, наконец, всеми вместе [15; 49].

Пытаясь отстоять последний бастион своей концепции, Вяч. Вс. Иванов настаивает на миграции создателей Синташты из Митанни, где тренинг лошадей был впервые выработан индоариями [15], но самих синташтинцев он считает пришедшими из Митанни иранцами. Отмечаются финно-угорско-иранские связи в Приуралье. Аргументом в пользу иранской атрибуции синташтинцев является гипотеза В. И. Сарияниди об ираноязычной принадлежности создателей земледельческой культуры Маргианы. По Вяч. Вс. Иванову, в то время как часть носителей иранского предскифского языка двинулась через Кавказ в Волго-Донские степи, другая группа восточных иранцев согдийско-аланской подгруппы мигрировала из Сирии в Аркаим и Синташту через Иранское плоскогорье на восток вместе с носителями западно-иранских языков, а также нуристанских и дардских. Некоторые из этих иранских племён приходят в Маргиану [Там же. С. 56]. Главным аргументом этой гипотезы Вяч. Вс. Иванов считает включение синташты в ареал древневосточных культур, основу экономики которых составляло земледелие, базировавшееся на искусственном орошении полей. Далее автор ссылается на наличие городов с многотысячным населением, домов типа мегарона, на лестницы, ведущие на второй этаж, на плиты, служившие печами, и колодцы для хранения пищи, наконец, на переднеазиатское и кавказское происхождение типов каменных топоров и всего комплекса металлургии и металлических изделий, якобы имеющих истоки на Ближнем Востоке и в Майкопе (при этом он ссылается на мнения уральских археологов, недоста-

точно или вовсе не подтверждённые полевой документацией и часто являющиеся плодом построения искусственных моделей. Убедительная критика ряда этих тезисов дана А. В. Епимаховым [12]).

По мнению В. И. Сарияниди и Вяч. Вс. Иванова, маргианскую гипотезу подтверждают данные о спорадическом появлении лошади в Маргиане и Бактрии в первой четверти II тыс. до н. э. Для того чтобы оценить иранскую атрибуцию Синташты, по-видимому, необходимо рассмотреть три вопроса:

1. Современное состояние проблемы происхождения коневодства и культуры коня, в том числе в Средней Азии и Иране.
2. Место и время происхождения колесниц.
3. Время распада индоиранской общности и пути миграции индоиранцев.

Конь и колесница. До недавнего времени абсолютно господствовала концепция доместикации коня в европейской степи, высказанная В. И. Громовой, В. И. Бибиковой и В. И. Цалкиным. Она была надёжно подтверждена исследованиями Н. Бенеке о едином — степном — центре доместикации лошадей в Европе, несмотря на ряд регионов обитания дикого коня в Европе. Спор исследователей шёл о времени доместикации и способах раннего использования лошади. Старая гипотеза В. И. Даниленко о появлении воинов-всадников в эпоху неолита-энеолита, поддержанная Д. Энтони, была отвергнута. Утвердилась точка зрения Ш. Бекони о первоначальном использовании доместицированных коней как мясной пищи [62].

Было также оспорено предположение об особом Казахстанском центре доместикации (П. А. Косинцев). Но не поколебленным осталось признание степи как древнейшего центра знакомства с этим животным и, главное,

сложения его культа, неизвестного в других регионах Старого Света [22; 53].

Недавно С. Becker [42] и N. Benecke [43] высказали предположение о независимом центре доместикации лошади в 2600–2300 до н. э. в Анатолии.

Но следует подчеркнуть, что изучение проблемы транспорта в торговом центре Митанни в Нагаре привело J. Oates [58–59] к выводу, что там лошадь была практически не известна, главным транспортным средством был большой сирийский осёл, а элитным упряжным животным — кунга — гибрид осла и самки онагра. Последний же не поддаётся доместикации, и многочисленные утверждения в коневодческой литературе о его использовании неверны. Пересмотр изображений эквидов в искусстве убеждает, что многие образы, интерпретировавшиеся как лошадь, в действительности воспроизводят большого осла или кунгу. Упоминания лошади в переднеазиатских письменных памятниках известны с конца III тыс. до н. э., но вплоть до прихода ариев в Митанни крайне малочисленны. В первой четверти II тыс. до н. э. в текстах появляются упоминания колесниц и коней, которых приводят из района Восточной Анатолии — Хабура [39].

Следует отметить, что, судя по изображениям, всадник сидел на крупе коня, как на осле, а запрягали лошадь при помощи наносного ремня, что было малоэффективно. Интересно, что бронзовые дисковидные псалии с шипами, которые, как предполагалось, служили на Древнем Востоке для запряжки коней в колесницы, употреблялись для запряжки в повозки ослов и найдены при их скелетах [45] (так что моё предположение о том, что эти псалии представляют имитацию костяных степных [19], очевидно, неверно).

По распространённой гипотезе в конце III — начале II тыс. до н. э. происходит выделение анатолийских языков, и их носители приходят в Анатолию из Европы, приводя с собой лошадёй и колесницы [26; 57].

Таким образом, на современном этапе вопрос о приоритете Анатолии, как в доместикации коней, так и в изобретении колесниц, остаётся открытым. Если принимать калиброванные даты, то приоритет за Уралом. Справедливое замечание M. Littauer и J. Crouwel [52] о недостоверной реконструкции колесниц Синташты и Кривого Озера не имеет решающего значения, так как для полной реконструкции нет данных, поскольку колесницы, вероятно, ставили в разобранном виде (как в ведической Индии) и даже помещали не все части экипажа, так же, как иногда фальшивые псалии.

Особую тему представляет история появления коня и колесницы в Средней Азии. Здесь колёсный транспорт появился из Месопотамии в конце IV тыс. до н. э. В III тыс. до н. э. сложился свой самостоятельный тип повозки с низкими бортами, а в качестве упряжных животных, наряду с быками, стали использовать двугорбых верблюдов [23]. В ареал распространения дикого предка лошади Бактрия и Маргиана не входили. Древнейшие свидетельства появления здесь коня и колесницы отражают находки в богатом погребении Зардча-Халиф — булавки с изображением лошади и фрагменты роговых псалиев [1], датирующихся по аналогии двум гончарным сосудам и украшениям типа Гиссар III — первой четвертью II тыс. до н. э. Аналогичный псалий найден на синхронном поселении Джаркутан [66]. Изображение лошади на булавке в известной мере сопоставимо с образами коней на сейминско-турбинских бронзах. Что каса-

ются круглых псалиев с шипами с валиком вокруг центрального отверстия, то они относятся к тому варианту I типа по моей классификации, который представлен в Синташте, Каменном Амбаре и Кривом Озере [51. Fig. 2]. Эти аналогии не оставляют сомнения в исходной территории миграции — с Урала в Среднюю Азию.

Таково же происхождение лошадей, а главное — их культура в Маргиане, где открыто ритуальное захоронение жеребёнка без головы в некрополе Гонура [31. Табл. 12: 7] и в Бактрии, где расчищено погребение лошади на поселении Дашлы 19. О культе коня свидетельствуют происходящие из грабительских раскопок ритуальные бронзовые топоры с изображением коня или верблюда [41; 61 и др.].

В пользу северного степного происхождения конных колесниц в Южной Азии свидетельствует распространение на северо-западе Индийского субконтинента изображений на петроглифах конных колесниц. Их особенность составляет то, что они представлены не в профиль, как было принято изображать экипажи в переднеазиатском искусстве, а в фас, как бы лежащими. Эта стилистическая трактовка специфична для андроновских изображений колёсного транспорта [27; 38]. Особенно существенно открытие петроглифов на караванных путях из Средней Азии в Индию, в верховьях Инда в Тхоре [50], и в Годара I [60], поскольку они аналогичны изображениям в Саймалы-Таш и Тамгалы. Дата последних уточнена по археологическим комплексам, приуроченным к петроглифам [24; 29], и установлена их андроновская принадлежность.

Надеюсь, что проведённый анализ двух, но диагностически очень важных категорий культуры синташтинцев —

коней и колесниц — позволит сделать вывод о том, что нет оснований вывести культуру Синташты из Митанни и вести синташтинцев через непроходимые среднеазиатские пустыни и переправлять через Узбой, впадавший в ту эпоху в Каспийское море.

Категории материальной культуры Синташты. Мне представляется, что другая категория синташтинского комплекса также не оставляет места для разночтений относительно траектории миграции. Я имею в виду металлургию и металлообработку. С. А. Григорьевым, по-моему, было убедительно доказано, что способы выплавки металла были ещё очень примитивны и архаичны. Что касается репертуара изделий металлостов, то типологический анализ металлических артефактов, осуществлённый О. А. Кузьминой, не оставляет сомнения в том, что металлические изделия синташты — то есть важнейший показатель её культуры — не могут быть признаны импортом ни из Митанни, ни из Маргианы, металлопроизводство которой принципиально отлично от степного и целиком принадлежит Индо-Переднеазиатскому региону, что было установлено ещё Р. Amiet.

Важнейшим аргументом против гипотезы прихода синташтинцев с юга мне представляется характер гончарства. При реконструкции миграций именно массовый керамический материал является решающим аргументом. В III-II тыс. до н. э. в Старом Свете сложилось две принципиально различные зоны гончарства: северная евразийская и южная индо-переднеазиатская. В первой горшки руками лепили женщины для своей семьи, украшали их штампованными геометрическими орнаментами и обжигали в кострах; во второй — мужчины-ремесленники изготавливали

на рынок разнотипные сосуды, которые украшали расписными узорами или (при массовом рыночном производстве) оставляли без декора и обжигали в горнах [4–5; 7; 17–18; 21]. Синташтинская посуда принадлежит к северной евразийской зоне, что исключает возможность южного происхождения этого комплекса. Огромный археологический материал свидетельствует о том, что при колонизации из более передовой зоны в более отсталую колонизаторы приносят с собой на новое место свои передовые технологии, в частности — гончарный круг. Напротив, при расселении из зоны более примитивного культурно-хозяйственного типа в зону более передового пришельцы заимствуют культуру аборигенов, при элитарной миграции используя труд подчинённых ремесленников.

Примеры колонизации: ассирийские колонии в Передней Азии, хараппские — в Индии и Афганистане (Шортугай), античные — в Причерноморье, русские — в Сибири. Примеры заимствования гончарной посуды пришельцами: использование труда местных ремесленников пришлыми ариями в Индии, иранцами в Ахеменидском Иране. Особенно интересны вновь выявленные материалы на юге Средней Азии, где в погребальных комплексах принесённая андроновская посуда сначала сосуществует с местной гончарной, а затем появляется лепная, подражающая гончарной при сохранении андроновского обряда. Эти примеры впервые позволяют на археологическом материале проследить процесс сначала арианизации, а затем иранизации Средней Азии. Кстати, следует отметить, что высказывавшееся мной вслед за Ж. Дюмезилем и Вяч. Вс. Ивановым мнение о трёхчастном обществе индоиранцев в степях не

точно: система трёх варн, по-видимому, окончательно оформилась только в результате элитарной миграции в Средней Азии, Иране и Индии.

Существеннейшей в настоящий момент задачей для исследователей Синташты представляется создание банка данных о керамике, её классификация с учётом технологии производства, форм и орнаментов и затем сопоставительный анализ с керамикой соседних культур.

Представляется, что коллектив специалистов, изучающих Синташту, накопил большой материал, но сейчас целесообразно создание творческих коллективов, которые по единой программе провели бы анализ не отдельных памятников, а отдельных категорий культуры, так как только такой комплексный анализ позволит достоверно установить компоненты, участвующие в формировании памятников синташтинского типа.

Проблема языка Синташты. Поскольку, как говорилось, Синташта в моём представлении является не культурой, а конгломератом, то это заставляет говорить, что синташтинский период был эпохой билингвизма и, может быть, даже взаимодействия нескольких языков (и в этом отношении Вяч. Вс. Иванов [15] прав). Однако нет оснований предполагать участие в этом диалоге культур самодийцев, поскольку к эпохе Синташты эта общность уже распалась и находилась в глубинах Сибири. Что касается тохар, то нет никаких данных предполагать их соседство с синташтинцами, тем более что, по мнению большинства учёных, в эпоху Синташты они уже находились далеко в Сибири и Синьцзяне [37; 54; 67]. Соседство синташтинцев с угро-финнами несомненно, поскольку прародина последних локализовалась по обе стороны

Уральского хребта, но заимствования несут в основном односторонний характер и отражают влияние не только иранского, но и индоарийского языков [25; 48]. В культурном комплексе Синташты участие местного субстрата не прослеживается, вопреки попытке Г. Б. Здановича его выявить.

Основным из взаимодействующих языков Вяч. Вс. Иванов считает иранский [15]. С этим выводом крайне сложно согласиться. Время распада общности индоиранских диалектов чётко фиксируется только с XIV в. до н. э., когда в трактате митаннийца Киккули употреблены индоиранские слова, принадлежность которых к иранскому или индоарийскому языку долго была дискуссионна. Всё же большинство исследователей (в том числе Вяч. Вс. Иванов) склоняется к тому, что это язык индоарийский [44; 55–56].

Но если так, то как пришельцы из Митанни могли превратиться в процессе миграции в Маргиане и Синташте в иранцев?

Что касается гипотезы В. И. Сарияниди об ираноязычности земледельческого населения Маргианы, то она встретила очень серьёзные возражения со стороны большой группы специалистов (ВДИ, 1989) и, прежде всего, главы французских иранистов Ж. Фуссмана. Оппоненты В. И. Сарияниди отмечали, что уровень и весь облик городской культуры Маргианы и образы искусства, особенно глиптики (Э. А. Антонова, Y.-P. Francfort), не соответствуют более примитивной культуре иранцев, а иранские авестийские культы и храмы, которые реконструирует исследователь, появляются намного позже — только в сасанидскую эпоху (Ж. Фуссман).

Предположение Вяч. Вс. Иванова о миграции иранцев на территорию нынеш-

него Ирана из Митанни также вызывает возражения. Как было установлено И. М. Дьяконовым [10] и Э. А. Грантовским [8], ещё в конце II тыс. до н. э. и топонимика, и ономастика различных областей Ирана была не иранской: в ассирийских анналах зафиксированы имена и названия, свидетельствующие о том, что весь запад страны занимали гутии, касситы, эламиты, луллубеи и другие неиндоевропейские народы.

Только с IX в. до н. э. на территории Ирана постепенно появляются иранские имена. Эти бесспорные исторические факты позволяют категорически отвергнуть гипотезу J. Deshayes о заселении этой территории иранцами на рубеже III–II тыс. до н. э. и предположение многих западных исследователей, прежде всего С. Yang [68] и R. Dyson [46–47], о связи распространения серо-чёрной расписной гончарной керамики с расселением иранцев в эпоху железного века I (XIII–XII вв. до н. э.). Наиболее обоснованными представляются работы Э. А. Грантовского и М. Н. Погребовой (1977) о происхождении западных иранцев с территории срубной культуры через Кавказ, где их присутствие демонстрируют курганы со срубными погребениями коней, в Иран, где маркером новой культуры выступают погребения лошадей в Хасанлу, Бабаджане и др.

Что касается восточных иранцев, то по гипотезе И. М. Дьяконова [10], развиваемой мной, отмечается массивное продвижение на юг Средней Азии носителей культуры валиковой керамики в XIII–XII вв. до н. э., которые продвигаются в Афганистан (Тилля-Тепе) и дальше в Сеистан и Белуджистан и занимают всю территорию расселения иранских племён.

Именно на основе культуры валиковой керамики в степях формируется культура сако-скифов.

Важно подчеркнуть, что новейшие сравнительные исследования Ригведы и Авесты подтвердили огромную близость обоих памятников — и лексическую, и тематическую, что позволяет рассматривать их как вариант единого текста [65 и др.].

Это предполагает очень длительное сосуществование индоариев и иранцев и не даёт никаких оснований предполагать иранскую принадлежность Синташты. Синташта отражает взаимодействие нескольких индоевропейских диалектов, в котором победителем выходит протоиндоиранский. Ему предстоит пройти ещё тысячелетнее развитие прежде, чем сформируются восточноиранские языки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобомуллоев, С. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаифы / С. Бобомуллоев // Изв. АН Таджикистана. 1993. № 3.

2. Виноградов, А. В. Литейные формы из Лявлякана / А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина // Сов. археология. 1970. № 2.

3. Виноградов, Н. Б. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов // Вестн. Челяб. гос. пед. ин-та. Вып. 1. Челябинск, 1995.

4. Воеводский, М. В. К изучению гончарной техники / М. В. Воеводский // Сов. археология. 1936. Т. 1.

5. Воеводский, М. В. К истории гончарной техники народов СССР / М. В. Воеводский // Этнография. 1930. № 4.

6. Генинг, В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён / В. Ф. Генинг // Сов. археология. 1977. № 4.

7. Грантовский, Э. А. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы / Э. А. Грантовский // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

8. Грантовский, Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов / Э. А. Грантовский. М., 1988.

9. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. М., 1990.

10. Дьяконов, И. М. История Мидии / И. М. Дьяконов. М.; Л., 1956.

11. Дьяконов, И. М. Прародина индоевропейцев (по поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?») / И. М. Дьяконов // Вестн. древ. истории. 1995. № 1.

12. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск, 2002.

13. Зданович, Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья / Г. Б. Зданович // Рос. археология. 1997. № 2.

14. Зданович, Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации) / Г. Б. Зданович. Свердловск, 1988.

15. Иванов, Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока / Вяч. Вс. Иванов // У истоков цивилизации: сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004.

16. Калиева, С. С. Могильник у поселения Бестамак / С. С. Калиева, Г. В. Колбин, В. Н. Логвин // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.

17. Кузьмина, Е. Е. Гончарное производство у племён андроновской культурной общности / Е. Е. Кузьмина // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

18. Кузьмина, Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е. Е. Кузьмина. Фрунзе, 1986. *

19. Кузьмина, Е. Е. Ещё раз о дисковидных псалиях евразийских степей / Е. Е. Кузьмина // Краткие сообщения Института археологии СССР. 1980. Вып. 161.

20. Кузьмина, Е. Е. Могильник Заман-Баба / Е. Е. Кузьмина // Сов. этнография. 1958. № 2.

21. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоарии? / Е. Е. Кузьмина. М., 1994.

22. Кузьмина, Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого Света / Е. Е. Кузьмина // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

23. Кузьмина, Е. Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпо-

ху энеолита и бронзы / Е. Е. Кузьмина // Вестн. древ. истории. 1980. № 4.

24. Марьяшев, А. Н. Наскальные изображения Семиречья / А. Н. Марьяшев, А. А. Горячев. Алматы, 1998.

25. Напольских, В. В. Введение в историческую уралоистику / В. В. Напольских. Ижевск, 1997.

26. Нефёдкин, А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.) / А. К. Нефёдкин. СПб., 2001.

27. Новоженев, В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии / В. А. Новоженев. Алматы, 1994.

28. Погребова, М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке / М. Н. Погребова. М., 1977.

29. Рогожинский, А. Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы Тамгалы / А. Е. Рогожинский // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001.

30. Сарияниди, В. И. Древности страны Маргуш / В. И. Сарияниди. Ашхабад, 1990.

31. Сарияниди, В. И. Некрополь Гонур-депе и иранское язычество / В. И. Сарияниди. М., 2001.

32. Сарияниди, В. И. Первые индоиранцы в Центральной Азии / В. И. Сарияниди // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей материалы конф. Челябинск, 1999.

33. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. М., 1977.

34. Ткачёв, В. В. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде / В. В. Ткачёв // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1996.

35. Ткачёв, В. В. К проблеме происхождения петровской культуры / В. В. Ткачёв // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998.

36. Ткачёв, В. В. О соотношении петровских и синташтинских погребальных комплексов в степном Приуралье / В. В. Ткачёв // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.

37. Худяков, Ю. С. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана / Ю. С. Худяков, С. А. Комиссаров. Новосибирск, 2002.

38. Шер, А. Я. Петроглифы Средней и Центральной Азии / А. Я. Шер. М., 1980.

39. Янковская, Н. Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы / Н. Б. Янковская // Вестн. древ. истории. 1956. № 1.

40. Anthony, D. W. Birth of the chariot / D. W. Anthony, N. B. Vinogradov // Archaeology. 1995. Vol. 48, № 2.

41. Bactria an ancient oasis civilization from the sands of Afganistan / eds. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia, 1988.

42. Becker, C. Zur Problematik früher pferdenachweise im östlichen Mittelmeergebiet / C. Becker // Die Indogermanen und das Pferd: Festschrift für Bernfried Schlerath. (Archaeolingua. Bd. 4). Budapest, 1994.

43. Benecke, N. Die frühbronzezeitlichen pferde von Kirdareli-Kanligecit, Thrakien, Türkei / N. Benecke // Eurasia Antiqua. 2002. № 8.

44. Burrow, T. The Proto-Indoaryans / T. Burrow // J. of Royal Asiatic Society. 1973. № 2.

45. Clutton-Brock, J. Horse power: A history of the horse and the donkey in human societies / J. Clutton-Brock. I., 1992.

46. Dyson, R. Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu / R. Dyson // J. of Near Eastern Studies. 1965. Vol. 24, № 3.

47. Dyson, R. Survey of excavations in Iran during 1965–1966. Dircha Tepe / R. Dyson // Iran. 1967. № 5.

48. Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations / eds. C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio. Helsinki, 2001.

49. Ivanov, Vyach. Towards a possible linguistic interpretation of the Arkaim-Sintashta discoveries / Vyach. Ivanov // Complex societies of central Eurasia from the 3rd to the 1st millennium BC. Vol. 1. Washington, DC, 2002.

50. Jettmar, K. Non-Buddist tradition in petroglyphs of the Indus valley / K. Jettmar // South Asian Archaeology 1983. Part 2. Naples, 1985.

51. Kuzmina, E. E. The first migration wave of Indo-Iranians to the south / E. E. Kuzmina // J. of Indo-European Studies. 2001. Vol. 29, № 1–2.

52. Littauer, M. The origin and diffusion of the cross-bar wheel / M. Littauer, J. Crouwel // *Antiquity*. 1977. Vol. 51, № 202.
53. Mallory, J. P. The ritual treatment of the horse in the Early Kurgan Tradition / J. P. Mallory // *J. of Indo-European Studies*. 1981. Vol. 9, № 3–4.
54. Mallory, J. P. The Tarim mummies: Ancient China and mystery of the earliest peoples from the West / J. P. Mallory, V. H. Mair. London, 2000.
55. Mayrhofer, M. Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? / M. Mayrhofer. Wien, 1974.
56. Mayrhofer, M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien / M. Mayrhofer. Wiesbaden, 1966.
57. Moorey, P. R. The emergence of the light horse-drawn chariot in the New East. 2000–1500 B.C. / P. R. Moorey // *World Archaeology*. 1986. Vol. 18, part. 2.
58. Oates, J. A note on the early evidence for horse and riding of equids in Western Asia / J. Oates // *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge, 2003.
59. Oates, J. Equid figurines and chariot models / J. Oates // *Excavations at Tell Brak*. Vol. 2. Cambridge, 2001.
60. Olivieri, L. M. The rock-carvings of Gogdara I (Swat) / L. M. Olivieri // *East and West*. 1998. Vol. 48, № 1–2.
61. Pittman, H. *Art of the Bronze Age* / H. Pittman. New-York, 1984.
62. *Prehistoric steppe adaptation and the horse* / eds. M. Levin, C. Renfrew, K. Boyle. Cambridge, 2003.
63. Rau, W. *Weben und Flechten im Vedischen Indien* / W. Rau. Wiesbaden, 1972.
64. Rau, W. *Zur Vedischen Altertumskunde* / W. Rau. Wiesbaden, 1983.
65. Skjaervo, P. O. The Avesta as source for the early history of the Iranians / P. O. Skjaervo // *The Indo-Iranians of ancient South Asia*. Berlin, 1995.
66. Teufer, M. *Em Scheibenknebel aus Dzar-kutan (Suduzbekistan)* / M. Teufer // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1999. № 31.
67. *The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia* / ed. by V. H. Mair. Washington, DC, 1998. Vol. 1–2.
68. Yang, C. T. The comparative ceramic chronology for Western Iran, 1500–500 B.C. / Y. C. Yang // *Iran*. 1965. № 3.

О. Д. Мочалов

Самарский государственный педагогический университет
Поволжский филиал Института российской истории РАН, Самара

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ¹

В силу больших интерпретационных возможностей керамического инвентаря проблема формирования керамического комплекса памятников синташтинского круга характеризуется особой актуальностью. Несмотря на то, что керамике памятников данного типа, в отличие от погребального обряда и укрепленных поселений, посвящено не так уж много специальных работ, означенное направление уже имеет свою историографию.

В 1970-х гг. в публикации материалов Новокумакского могильника были намечены аналогии керамики в западных степных и лесостепных культурах — катакомбной, КМК и полтавкинской [17]. По сути это положило начало поиску западных прототипов синташтинской керамики, позднее продолженному в работах большинства исследователей: Г. Б. Здановича, Д. Г. Здановича, Т. С. Малутиной, Н. Б. Виноградова, И. Б. Васильева, П. Ф. Кузнецова, А. П. Семёновой, В. С. Горбунова, А. Д. Пряхина, О. В. Кузьминой, Т. М. Потёмкиной, В. В. Ткачёва, М. В. Халяпина. Из данного направления целесообразно выделить сторонников степного импульса, связанного с влиянием полтавкинских и катакомбных традиций и сторонников абашевского происхождения синташтинской кера-

мики. Некоторые авторы склонны видеть в синташтинской керамике черты как степных культур, так и лесной/лесостепной абашевской культуры. Особое историографическое направление связано с точкой зрения о наличии в синташтинской керамике и местной зауральской, и западной основ. В. Н. Логвин считает, что орнаментальные традиции энеолитической терсекско-ботайской общности культур геометрической керамики Зауралья и Северного Казахстана оказали влияние на синташтинский орнамент, а формы сосудов имеют западное происхождение [13. С. 88–95]. В то же время другой исследователь энеолитической керамики региона В. С. Мосин не фиксирует прямого влияния местных культур позднего энеолита [14]. Особой точки зрения придерживается С. А. Григорьев, выделивший прототипы некоторых синташтинских типов в Закавказье и в Передней Азии [7]. Таким образом, в подходе к решению проблемы наметились две противоположные тенденции, с одной стороны, связывать происхождение синташтинской керамики с конкретной культурой, в основном, с абашевской (В. С. Горбунов, О. В. Кузьмина), с другой стороны — с традициями абсолютно различных и порой не связанных культур. В свете последнего замечания следует отметить попытку связать некоторые синташтинские

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-26100 а/В).

типы с ямной культурой. Таким образом, в качестве истоков синташтинских керамических традиций рассматриваются почти все известные культуры Доно-Урало-Иртышского междуречья, не говоря уже о более дальних территориях. В то же время в большинстве случаев данные положения не подкреплены иллюстрациями реальных керамических аналогий или приводимые аналогии не выглядят таковыми.

Нет чёткости и в представлении о хронологическом соотношении сравниваемых культур. Это усугубляется стремлением выделить в синташте, и без того занимающей узкую хронологическую нишу, как минимум два этапа. Но и здесь необходимо оговориться о некоторой условности выделения керамики с более ранними (культур среднего бронзового века) и более поздними чертами (культур поздней бронзы). Фиксируется тенденция планиграфически разного расположения керамики раннеалакульского/раннесрубного облика и классической синташтинской посуды в погребальных памятниках. Однако различны ли они хронологически или отражают социальные или культурные особенности? Данный подход, безусловно, имеет основания, базирующиеся на определённом типологическом отличии, как между комплексами, так и внутри них. Естественно, речь о формировании основы комплекса и о ранних контактах, в этом случае, может вестись только относительно первого этапа, поэтому керамика «поздней синташты» в данной работе не рассматривалась.

В статье намеренно затрагиваются наиболее дискуссионные вопросы сложения синташтинских керамических комплексов, требующие, на мой взгляд, дополнительного внимания исследователей. Это проблема дальних связей,

истоков технологических традиций, которые в литературе пока получили минимальное освещение. В то же время намеренно не рассматриваются или рассматриваются вскользь полтавкинские, абашевские истоки синташты, которые признаны большинством исследователей. Вызывает вопросы только значимость вклада этих культур в становление новой группы памятников.

Морфология форм синташтинской керамики свидетельствует, с одной стороны, о тенденции к стандартизации её производства. Это подтверждает наличие преобладающего типа сосудов с ребром или максимальным расширением в верхней части профиля и отогнутым венчиком. С другой стороны, особенности морфологии говорят о значительной функциональной специализации, так как типы разнообразны и имеются индивидуальные формы.

Имеющиеся данные о технологии синташтинского керамического производства [9. С. 132–135] свидетельствуют о значительной роли восточных уралосибирских и североказахстанских традиций формовки сосудов и примесей. Это подтверждает преобладание рецептов с примесью талька, известных с энеолита [14]. Керамика с тальковой примесью известна в степном Приуралье уже в памятниках ранней — средней бронзы (Ефимовский IV, курган 1; Изобильное I [1. С. 174]. Для Зауралья не характерна искусственная примесь раковины, типичная для восточноевропейских культур энеолита — средней бронзы и, в частности, для керамики потаповского типа Заволжья [18. С. 173–186]. Важно, что в синташтинских памятниках Приуралья примесь раковины фиксируется значительно чаще. Использование текстиля, форм-основ для изготовления керамики также скорее относится к зау-

ральской, западносибирской, североказахстанской и поволжской традициям. Хотя данные о характере использования текстиля и форм-основ в энеолите означенных территорий порой лакунары и дискуссионны, тем не менее в настоящее время иные источники формирования этих традиций достоверно не известны [3. С. 82–83; 6. С. 98–99; 23. С. 93–110]. Одни из самых ранних сосудов со следами шаблона отмечены в памятниках гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла И. Г. Глушковым в междуречье Иртыша и Демьянки (Рыбный Сор, Тух Сигат IV) [6. С. 98–99]. Керамика хвалынской энеолитической культуры Поволжья часто изготавливалась с помощью форм-основ [2. С. 29]. Сосуды, сделанные на форме-основе присутствуют в некоторых ямных и ямно-полтавкинских памятниках Приуралья (Тамар-Уткуль VIII, курган 1, погребения 1, 2, Петровка I /1, с. 1) и Поволжья (Екатериновка) [19. С. 90]), которые, по замечанию Н. П. Салугиной, видимо, отражают традиции разных групп населения [14. С. 24–27]. Таким образом, в эпоху энеолита — ранней бронзы сосуды, сделанные на форме-основе и форме-ёмкости, фиксируются от Поволжья до Западной Сибири. По мере дальнейшего изучения технологии гончарства не исключено и расширение ареалов посуды, изготовленной на форме-основе. Решение этого вопроса возможно только по мере расширения технологического анализа керамики. В синташтинских памятниках керамика, сделанная на форме-основе, составляет 96 % от общего числа сосудов [9. С. 132–135]. Лощение как внутренней, так и внешней поверхности сосудов на влажной основе также характерно для синташты, энеолитических зауральских и позднейших комплексов Приуралья. Данные положения

подтверждает и факт традиции ремонта сосуда металлическими скобками. По данным А. И. Гуткова, проанализировавшего эти сосуды с эпохи энеолита, данная традиция характерна для зауральского и северо-прикаспийского регионов, а следовательно, также имеет местную основу [8. С. 170–187]. По сути в эпоху бронзы ремонт сосудов металлическими сквозными скобками являлся хронологическим индикатором конца среднего — начала позднего бронзового века. Таким образом, не имеет смысла выводить многие технологические, наиболее консервативные традиции синташты из каких либо отдалённых западных и юго-западных территорий. Истоки свои они находят в Южном Зауралье и соседних территориях.

В отличие от технологии, внешние особенности керамики, на мой взгляд, свидетельствуют о пересечении традиций степных культур пограничья Европы и Азии (от Дона до Тобола) с южным импульсом, который отразился в морфологии и орнаментике некоторых сосудов [15. С. 54–76; 16. С. 123–135]. Прямых аналогов южной керамике почти нет, однако наличие кубковидных форм на поддоне, особых орнаментов и деталей оформления, не характерных для восточноевропейских и сибирских культур, указывает на связь с культурами средней бронзы Кавказа и Средней Азии (рис. 1; 2). Для лесной зоны кубковидные формы на поддоне не характерны, они имели широчайшее распространение на южных территориях. Самые многочисленные свидетельства этих связей относятся к развитому этапу позднего бронзового века [4. С. 71–74; 5; 12; 24. С. 262–263], но начались они, безусловно, раньше. Кроме форм кубковидных сосудов были заимствованы, а затем модифи-

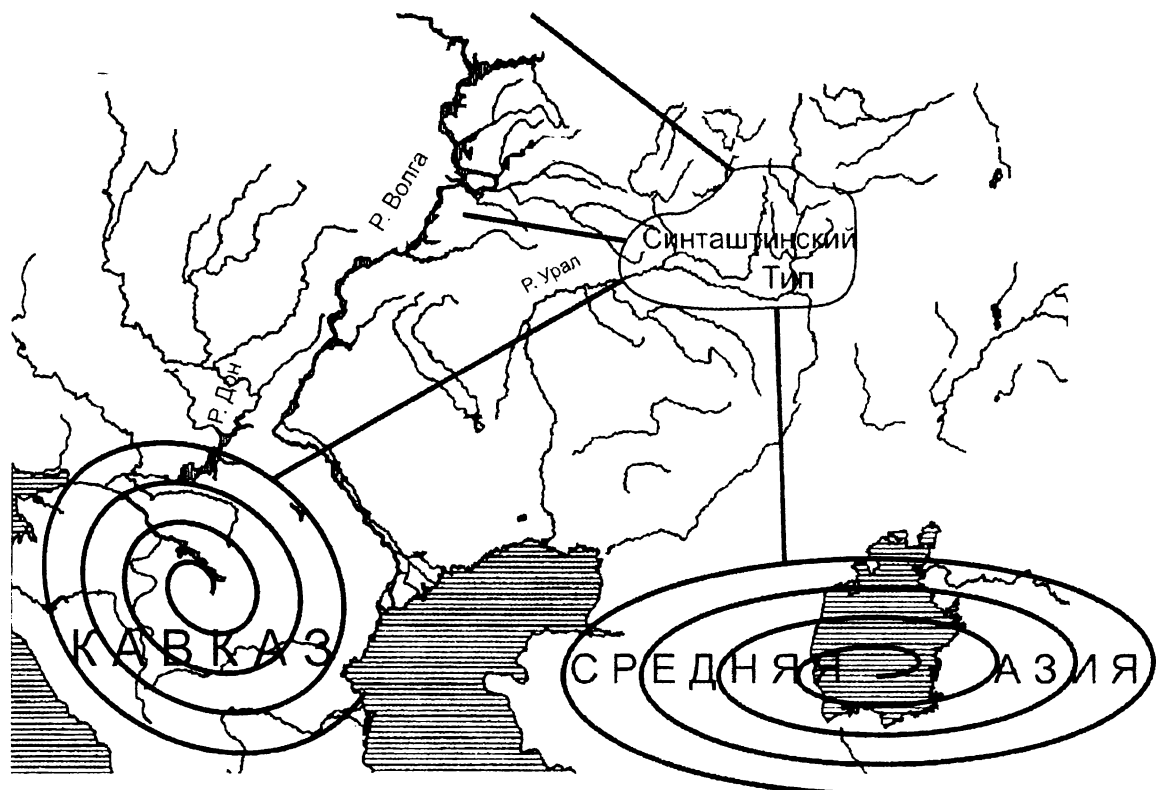

Рис. 1. Основные направления связей, отражённые в формах и некоторых орнаментах керамики. Спирали — источники влияния форм

цированы рельефные орнаменты в виде имитации рядов ручек на горловине (триалетская культура Южного Кавказа), шишечки на тулове (северокавказская общность) (рис. 3) и ряд менее значительных орнаментов культур Кавказа. Очень близки и формы неорнаментированных миниатюрных острорёберных сосудов, известные на Кавказе с позднемайкопского времени, а также в Передней Азии. Однако эта форма — абашевская, и изучение её не входит в задачи статьи. В указанных случаях о миграциях крупных коллективов — носителей традиций — речи идти не может. Нет в нашем распоряжении и надёжных антропологических доказательств. Южные импульсы скорее имели характер инфильтрации, подражания, проникновения отдельных индивидов или небольших групп. Причём направление влияний, при

преобладании южных более прогрессивных импульсов, не исключает и обратного, менее ощутимого влияния из степей на юг, получившего развитие в позднем бронзовом веке (находки алакульской, срубной и фёдоровской посуды в Средней Азии). От дальних южных территорий Южный Урал был отделён массивами скотоводческого населения степей, что сыграло определённую роль в видоизменении источников заимствований, их адаптации к местным нуждам и функциям.

Что касается культур лесной и севера лесостепной зон (абашевских, фатьяновской и др.), то их влияние, отразившееся в отдельных орнаментальных сюжетах (шахматный орнамент — фатьяново — абашево — синташта) и формах (миниатюрные острорёберные, колоколовидные — абашево) представляется вторичным и обусловлено оно, в первую

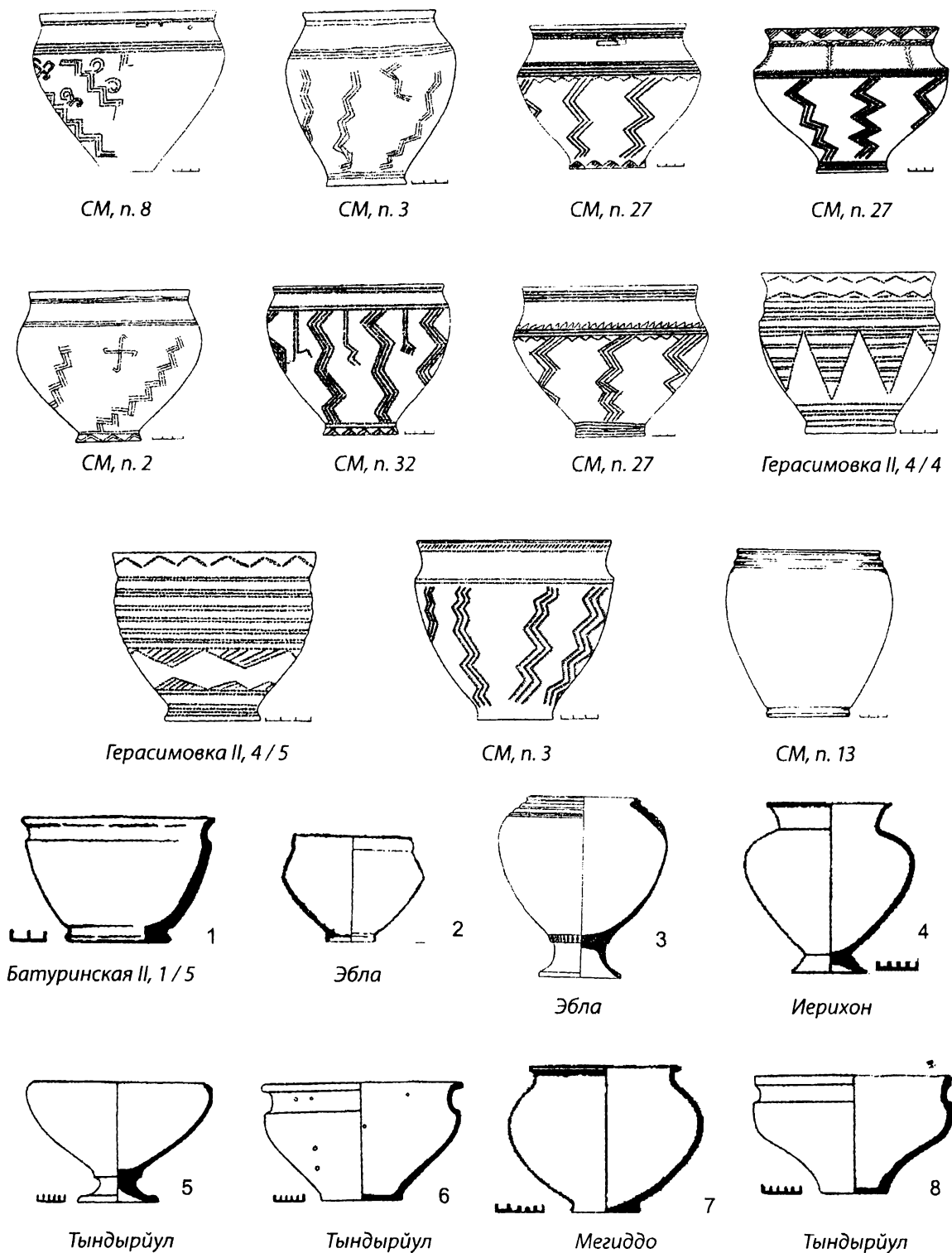
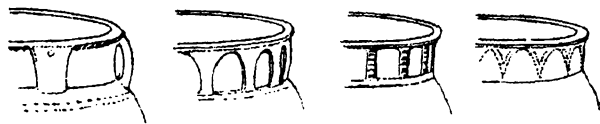

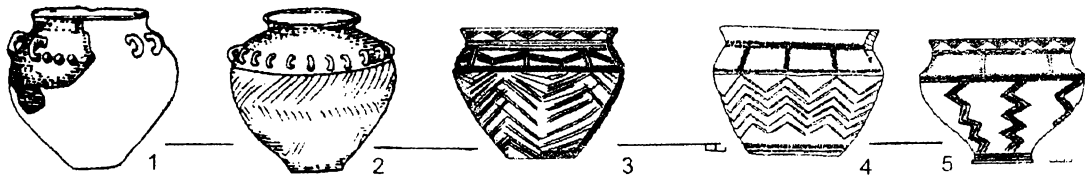
Рис. 2

очередь, хронологической близостью и проникновением населения с северо-западных земель. Колоколовидная посуда едва ли может считаться эксклюзивно абашевским признаком. Обильная

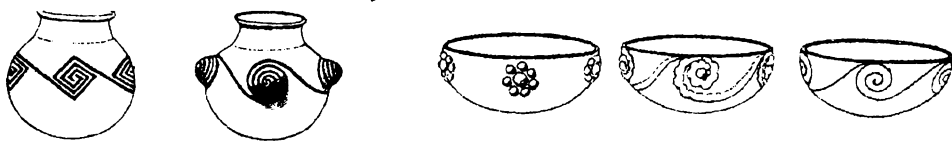
примесь раковины, типичная для абашевской керамики, не характерна для сосудов синташтинских памятников Зауралья. Собственно абашевских (а не с отдельными абашевскими чертами) со-

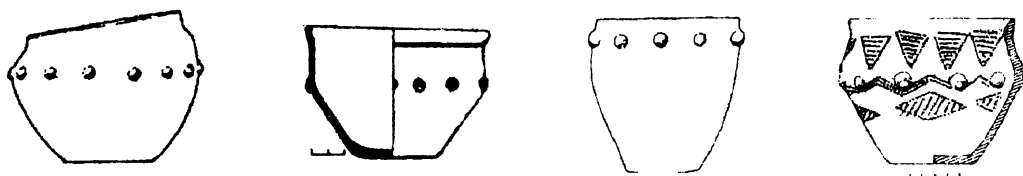
Этнографический пример происхождения орнамента из модификации ручек (керамика Пуэбло)

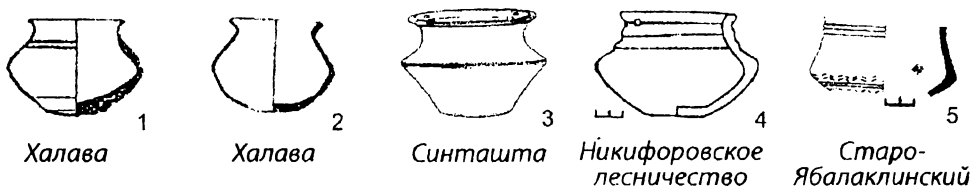
Возможное происхождение синташтинского орнамента из модификации ручек триалетских сосудов. 1-2 — триалетская культура; 3, 5 — Синташтинский могильник; 4 — Новокумакский могильник

Этнографические примеры модификации шишечек на сосудах в орнаментальные мотивы (керамика Пуэбло)

Нежинская II, 4/2 (Центральное Предкавказье) Алмазово (Волго-Донская степь) Синташта С I, п. 12 (Южное Зауралье) Синташта С I, п. 12 (Южное Зауралье)

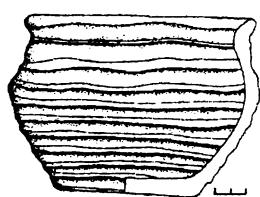

Неорнаментированные миниатюрные острорёберные сосуды Синташтинских (3), абашевских (4, 5) памятников и дальних южных территорий (1, 2)

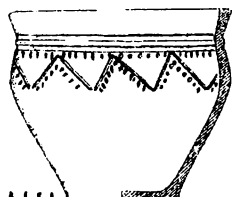
Рис. 3

судов в синташтинских памятниках не такужмного. В основном это уже видоизменённые миниатюрные острорёберные сосудики (рис. 4). В единичных случаях встречается керамика с уплощённым дном. По моим наблюдениям, абашевские признаки на керамике потаповского типа Поволжья выражены не менее ярко,

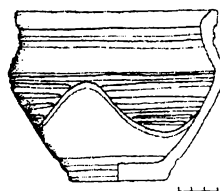
чем в синташтинской. И это не удивительно, так как потаповские памятники географически занимают промежуточное положение между всеми культурами абашевской общности, а синташтинские граничат только с Приуральской абашевской культурой. Поздняя абашевская керамика приобретает синташтинские

Кривое Озеро,
к. 10, п. 5, с 3

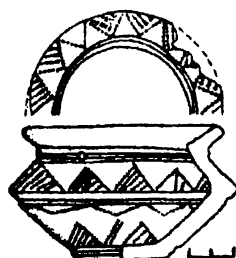
Синташта, СМ,
п. 5

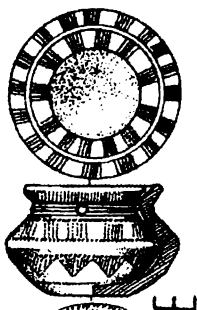
Каменный Амбар V,
к. 10, п. 13, с. 3

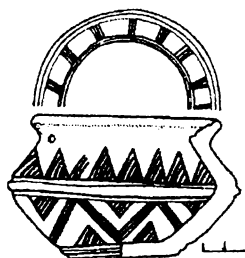
Синташта,
С II, п. 1, с. 2

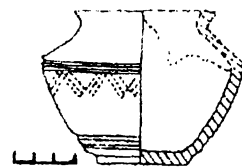
Кривое Озеро,
к. 10, п. 3, с. 2

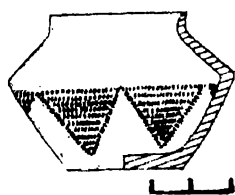
Синташта, С I, п. 1

Каменный Амбар V,
к. 10, п. 5, с. 2

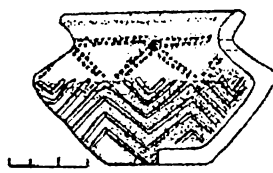
Танаберген II, к. 7, п. 21

Синташта, С III,
насыпь

Каменный Амбар V,
к. 2, п. 12, с. 8

Большекараганский,
к. 25, п. 10

Большекараганский,
к. 11, п. 7

Рис. 4

черты, что свидетельствует, скорее, об усиленном влиянии синташты на абашево, а не наоборот. Проявляется это в таких специфических не свойственных для абашева признаках, как примесь талька (Юкалекулево, курган 4, погребение 2; Ибрагимово III), сосудах, отремонтированных металлическими скобками (Никифоровское лесничество, погребение 5; Красногорский III, курган 9; Нурдавлево, курган 2). Абашевская керамика утрачивает классический облик: постепенно исчезает колоколовидность, беднеет орнаментация, формы становятся более

асимметричными, реже встречается внутреннее ребро, увеличивается число сосудов с ребром в верхней трети профиля и четко выделенным дном. В лесосотепном Приуралье, на «абашевской территории», известны и типично синташтинско-потаповские сосуды (Ахмерово II; Альмухаметово I; Никифоровское лесничество, погребение 8; Нурдавлево, курган 2). Как в Приуралье, так и в Зауралье появляются комплексы с синкретической абашевско-синташтинской посудой (Белозёрка I; Баишево IV, VIII; Ибрагимово III; Нурдавлево, Красногорский III).

Дискуссионен и характер связей с катакомбными культурами, особенно в части о сильном позднекатакомбном влиянии на синташтинскую керамику. Сторонники данной точки зрения пока не продемонстрировали всего спектра аналогий. Неясность главным образом вносит терминологическая путаница: какие памятники считать катакомбными, какие полтавкинскими, смешанными или особыми волго-донскими «блочными». Эта путаница определённо вызвана тем, что мы имеем дело с процессами интенсивного смешения традиций разных этно-социальных групп, одним из центров которого оказалось Волго-Донское междуречье. Вообще исследователи культур всех ландшафтных зон Восточной Европы и Кавказа отмечают изменение и расширение культурных ареалов во второй половине среднего бронзового века. В этом случае речь о жёстких культурных стереотипах идти уже не может, поэтому не совсем ясно, почему именно катакомбные, а не южные кавказские, предкавказские культуры, позднеполтавкинские группы рассматриваются в качестве первичного очага появления соответствующих типов керамики. Работы, доказывающие, что катакомбные культуры были очагом появления керамических инноваций, мне не встречались. Ведущая форма синташты — керамика с ребром в верхней трети профиля, отогнутым венчиком, небольшим дном — имеет совершенно «некатакомбную» географию распространения.

Применительно к сложению синташтинских памятников речь также идёт о «позднекатакомбной» приуральской группе с сосудами, имеющими уступ в верхней части, широкое тулово, короткую шею, орнаментированную в основном треугольными вариациями в верхней части или «ёлкой» по туло-

ву, или сосудами реповидной формы [22. С. 37–66]. Данные типы керамики, кроме реповидных сосудов, имели крайне широкое распространение в среднем бронзовом веке, они культурно нейтральны. «Ёлочная» керамика с широким туловом известна от Северного Кавказа до лесных районов и встречается по всей степной и лесостепной полосе в различных культурах. Керамика с расширенным туловом, орнаментированная треугольниками в верхней части, распространена не менее широко, нет её только в лесной зоне. Её катакомбные аналогии нельзя назвать прямыми, они отличаются по технике орнаментации (более рельефны), пропорциями фигур.

Культурные влияния совершенно по-разному могли отражаться в категориях инвентаря. Если мы говорим о влиянии металла, погребального обряда, это не значит, что керамические или иные традиции должны строго им соответствовать. Керамика, сопоставляемая с катакомбной, находит аналогии в полтавкинской культуре и в близких ей памятниках погребений с «ёлочной» керамикой, что признаётся и некоторыми исследователями катакомбных древностей [10; 20]. Типично катакомбные сосуды на Южном Урале реально исчисляются двумя-тремя экземплярами. Даже априорно признавая всю «мощь» катакомбного воздействия, речь можно вести об отдельных признаках. Классических катакомбных форм — курильниц, воронок, ритуальных миниатюрных биконических, кувшинообразных раструбовидных, донецких кубков на поддоне, с концентрическими кругами и завитками, кроме отдельных реповидных форм, не представленных, кстати, в синташтинских памятниках, на Южном Урале нет. Эти формы и орнаменты отражают не только чужеродные функции, но и

иное эстетическое восприятие, представление о пропорциях, а следовательно, не были адаптированы в местной среде. С уверенностью можно говорить о совершенно естественном проникновении некоторых катакомбных, в первую очередь более мобильных орнаментальных традиций, которые серьёзного влияния на облик синташтинских сосудов не оказали. Это вполне объяснимо, так как катакомбные племена в это время уже сами подвергались ассимилятивным процессам, и, прежде чем достичь Южного Урала, они должны были донести свою культуру через массивы скотоводческих племён других культур (полтавкинской — волго-донской).

Сосуды, орнаментированные «ёлкой» и геометрическими фигурами, находят ближайшие аналогии в среднедонской катакомбной культуре развитого этапа (рис. 5). Этот факт в той же мере может свидетельствовать о влиянии синташты и потаповки на западные районы. Вопрос только в хронологическом приоритете, который, к сожалению, пока детально установить сложно. Близки и некоторые орнаменты из полукругов, фестонов, характерные для культур Доно-Донецкого региона. Проблема связи со Среднедонской катакомбной культурой требует дальнейшей разработки. Пока мы ограничиваемся констатацией орнаментальной близости, структуры композиций, учитывая, что техника нанесения орнамента, стиль и формы сосудов очень различны.

Сложные геометрические и меандровые фигуры, уточки, пирамидки, скорее всего, имеют местные пережиточноэнеолитические корни [14. С. 81–104] (рис. 6). Дальние средиземноморские, балканские аналогии в качестве источников едва ли могут рассматриваться. Видимо, механизм их передачи близок передаче технологических традиций. Доживали

ли энеолитические племена до конца средней бронзы? Не известно. Некоторые, возможно, да. Но неизвестна и иная посредническая культура, через которую эти традиции могли бы передаваться. Абашевская керамика всем набором технологических (талък, форма-основа) и орнаментальных (уточка, пирамидки) признаков не обладает. Сосуды с энеолитоидным орнаментом известны в Синташтинском могильнике (СII, погребение 1, Каменный Амбар V, курган 2, погребение 17; Большекараганский, курган 25, погребение 18) и в Приуралье (в могильнике Танаберген II, курган 7). Известны и единичные случаи нахождения круглодонных форм (Большекараганский, курган 25, погребение 4; Кривое Озеро, курган 10, погребение 5).

Таким образом, проведённый статистический и содержательный анализ синташтинской и потаповской керамики показал, что керамические комплексы различных могильников культурно не монолитны и часто неоднородны [11. С. 266–273]. Это подтверждается тем, что степень близости керамики отдельных памятников синташты и потаповки между собой бывает выше, чем степень близости внутри этих групп. Существенны отличия и керамики Приуралья и Зауралья. Каждый памятник отражает особенности своего происхождения, возможно, особую хронологическую позицию, а следовательно, керамика может демонстрировать различную степень влияния других культур. Общие черты комплексов, видимо, и выработались в результате процессов культурогенеза.

Таким образом, синташтинский керамический комплекс формировался в результате процессов сложного взаимодействия населения. Судя по разнообразию типов, некоторые традиции уже могли быть привнесены в смешанном состоя-

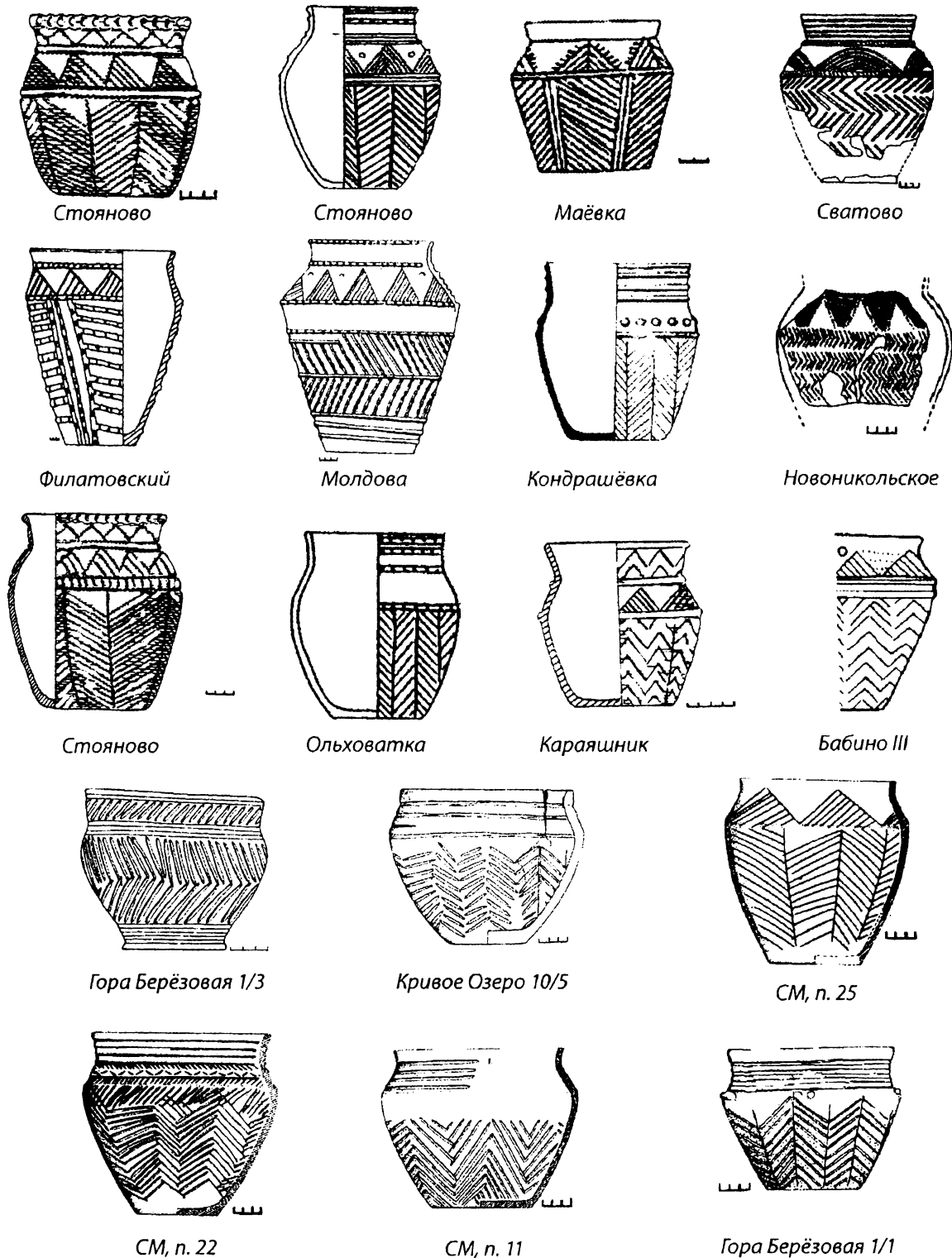
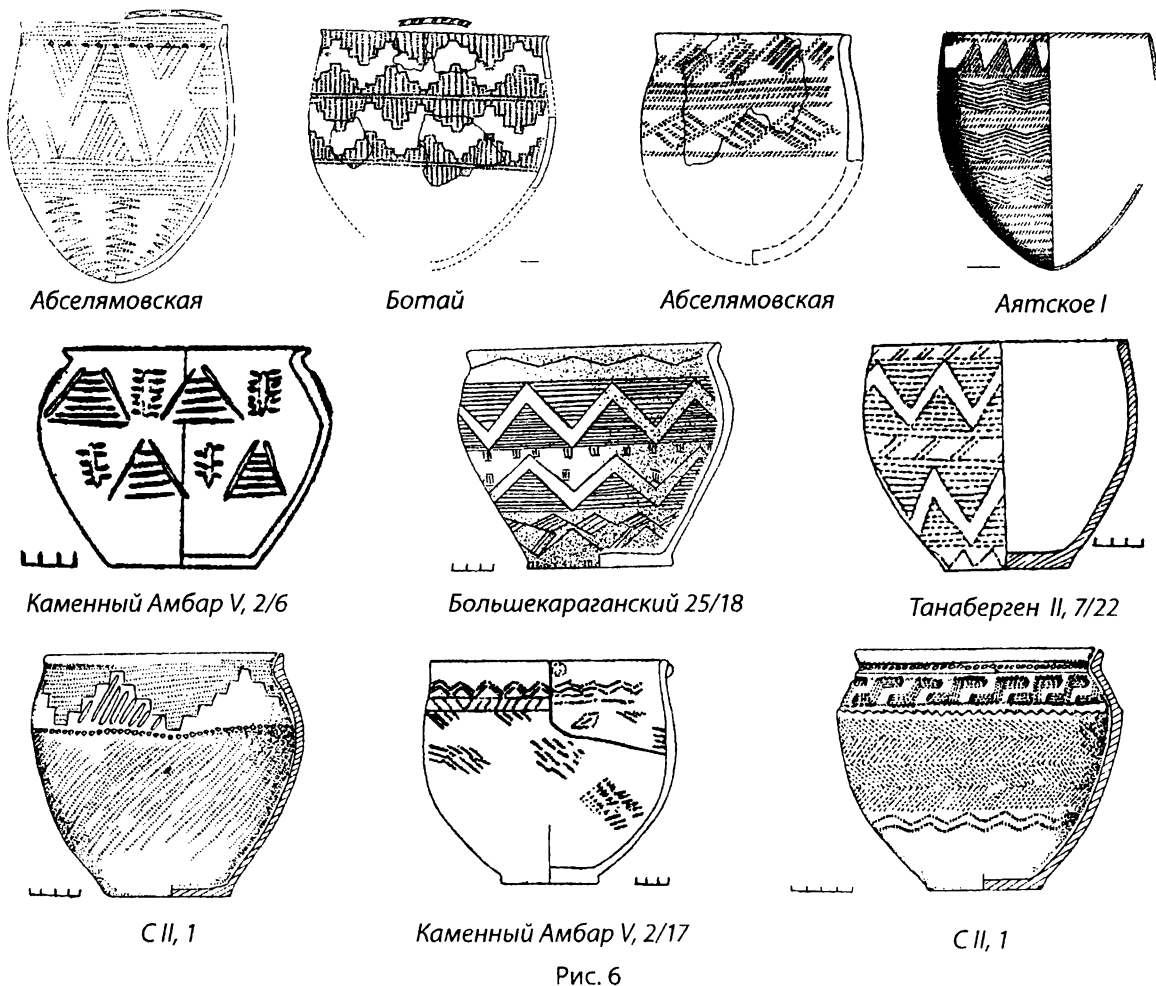

Рис. 5

нии. Традиции состава примесей и формообразования в целом могли складываться на местной основе, не выходящей за границы сопредельных с Южным Уралом территорий. Но, к сожалению, окончательные

выводы в отношении технологии делать преждевременно, поскольку керамика не всех сравниваемых с синташтой культур изучена технологически. Местными являются и некоторые орнаментальные

традиции. Однако формы сосудов, многие орнаментальные мотивы и сам принцип построения декора, видимо, с местным населением не связаны. Значительное влияние на формы сосудов и часть орнаментов оказали связи с Кавказом и Средней Азией на юге, которые, возможно, и были катализатором изменений. Важное значение имело проникновение на восток, до Зауралья, населения степей Дно-Уральского региона, в первую очередь, относящееся к памятникам полтавкинской культуры, предкавказских культур и близким им типам, во вторую очередь — катакомбное, само испытывавшее влияние Волго-Уралья. Соседство с абашевским населением привело к заимствованию ряда черт лесных культур, однако в итоге, значительным стало и влияние синташты на южноуральское абашево. Об-

щая тенденция не исключала особых вариантов формирования некоторых синташтинских комплексов и типов сосудов. Внешнее сходство с керамикой восточноевропейских культур не всегда могло быть обусловлено только этнической близостью, но и одинаковыми функциями сосудов, используемых в обществах с идентичными или очень близкими хозяйственно-культурными типами.

Представляется, что данные процессы характерны и для потаповских керамических комплексов, которые были исторически тесно связаны с Южным Уралом, отражая постоянный процесс взаимодействия родственного населения. Однако в их сложении южные связи фиксируются слабее, чем в синташты, а доно-волго-уральский компонент представлен более ярко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богданов, С. В. Эпоха меди степного Приуралья / С. В. Богданов. Екатеринбург, 2004.
2. Васильева, И. Н. О технологии изготовления керамики I Хвалынского могильника / И. Н. Васильева // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.
3. Виноградов, Н. Б. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана / Н. Б. Виноградов, М. А. Мухина // Древности среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
4. Виноградов, Н. Б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: материалы конф. Саратов, 1995.
5. Виноградова, Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы / Н. М. Виноградова. М., 2004.
6. Глушков, И. Г. Керамика как археологический источник / И. Г. Глушков. Новосибирск, 1996.
7. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск, 1999.
8. Гутков, А. И. О традиции ремонта глиняной посуды / А. И. Гутков // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.
9. Гутков, А. И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим / А. И. Гутков // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
10. Кияшко, А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира / А. В. Кияшко. Волгоград, 2002.
11. Кузнецов, П. Ф. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов / П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
12. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоарии? / Е. Е. Кузьмина. М., 1994.
13. Логвин, В. Н. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей / В. Н. Логвин // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.
14. Мосин, В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья / В. С. Мосин. Челябинск, 2003.
15. Мочалов, О. Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (к постановке проблемы) / О. Д. Мочалов // Историко-археологические изыскания: сб. тр. молодых учёных. Вып. 1. Самара, 1996.
16. Мочалов, О. Д. Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале / О. Д. Мочалов // Рос. археология. 2004. № 2.
17. Салугина, Н. П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья / Н. П. Салугина // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург, 1999.
18. Салугина, Н. П. Технологическое исследование керамики потаповского могильника / Н. П. Салугина // Васильев И. Б. [и др.] Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара, 1994.
19. Салугина, Н. П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья / Н. П. Салугина // Рос. археология. 2005. № 3.
20. Смирнов, А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / А. М. Смирнов. М., 1996.
21. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. М., 1977.
22. Ткачёв, В. В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы / В. В. Ткачёв // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
23. Чернай, И. Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита — бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана / И. Л. Чернай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
24. Щетенко, А. Я. Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы Евразийских степей / А. Я. Щетенко // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: материалы конф. Ижевск, 2000.

Д. В. Нелин

Челябинский институт (филиал)

Российского государственного торгово-экономического университета, Челябинск

О РОЛИ ВОЕННЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователями неоднократно отмечался высокий уровень военизованности синташтинских древностей. Не касаясь всех аспектов происхождения синташтинской культуры, необходимо отметить, что её комплекс вооружения не может быть выведен из южноуральского древнеявного ни на типологическом, ни на комплексном уровне. Для последнего характерно преобладание оружия ближнего боя, причём представленного в основном полифункциональными типами (орудия труда — оружие), войско составляли пешие воины. В синташтинском комплексе доминирует оружие дистанционного боя (лук), практически все предметы вооружения (за исключением ножей-кинжалов, ножей и тёсел) представлены специализированными типами, в организации войска значительную роль играли воины-колесничие. Ряд параллелей позволяет говорить о том, что формирование синташтинского комплекса вооружения может быть связано с культурами средней бронзы циркумпонтийской зоны, входящими в катакомбную культурно-историческую общность (КИО).

Высокая значимость лука и стрел документировается многочисленными погребениями мастеров по изготовлению стрел, имеющими нерядовой характер [4; 5. С. 308–312; 6]. Хотя типичными для катакомбных культур считаются камен-

ные наконечники стрел с выемкой в основании, социумы могли включать в свой состав целые коллективы выходцев из лесной зоны, сохранивших традиции изготовления наконечников с черешковым насадом [6], который характерен и для синташтинских наконечников стрел. Появление новых типов бронзового оружия (наконечников копий, топоров, ножей-кинжалов) скорее всего отражает общность развития металлообработки на заключительном этапе функционирования ЦМП. Находки наиболее ранних в степной зоне булав, как округлых, так и четырёхъявными, сделаны в памятниках катакомбной КИО, в собственно ямных погребениях они не зафиксированы. Известные восточнее Урала и относимые к синташтинскому времени каменные полированные топоры кабардино-пятигорского типа находят свои ближайшие аналоги в культурах северокавказской КИО, при этом показательное отсутствие топоров этого типа на промежуточных территориях. В катакомбной КИО были известны и двухколёсные повозки с цельными колёсами [8], которые могли являться прототипами лёгких колесниц. Примечательны в связи с этим и факты находок обмоток рукоятей плетей в Южном Зауралье и катакомбном погребении Среднего Подонья [7. С. 54. Рис. 21: 7].

Исходя из пришлового характера синташтинской культуры на Южном Урале, кото-

рый не отрицается практически ни одним исследователем, предлагаем следующие причины высокой роли военного дела.

Миграции, безусловно, приводили к достаточно жёстким и агрессивным формам взаимодействия между народами, что, в свою очередь, выдвигало военную сферу жизни общества на первый план. Представители военной страты могли выполнять во время передвижения самые разнообразные функции — разведка маршрутов передвижения, непосредственная охрана мигрантов, установление доминирующего положения по отношению к местному населению, интересы которого нарушались при появлении переселенцев.

Военная сила могла быть необходима племенам эпохи бронзы для вытеснения из Южного Зауралья, а затем и из Северного Казахстана постботайско-терсекско-суртандинского населения. Это население имело в своём арсенале лук и стрелы [1; 3. С. 48], освоило лошадь под верховую езду, обладало значительными навыками коллективной охоты [2. С. 81–82] и могло быть весьма серьёзным противником. Однако признать постэнеолитическое население основным противником племён эпохи бронзы не позволяют следующие обстоятельства. Рубеж III–II тыс. до н. э. характеризуется упадком энеолитических культур, сегментацией общества, разрушением экономических и социальных связей [1. С. 156]. На этом фоне военизированность синташтинской культуры выглядит явно избыточной для подавления сопротивления немногочисленного и разрозненного постэнеолитического населения южно-зауральских и казахстанских степей.

Вместе с тем производство основных типов синташтинского оружия и возникновение специфического комплекса

вооружения связано со временем осёдлого существования в Южном Зауралье, когда миграционные факторы, способствовавшие военизации общества, уже не действовали.

В дальнейшем высокий уровень военизированности мог поддерживаться благодаря действию следующих факторов:

— необходимость противостояния группам сейминско-турбинского населения;

— военная напряжённость в Южном Зауралье, вызванная отношениями вражды между обитателями отдельных городищ. Причина такой вражды нам видится в конкуренции за использование природных, в первую очередь рудных ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зайберт, В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В. Ф. Зайберт. Петропавловск, 1993.
2. Зданович, Г. Б. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало-Казахстанских степях / Г. Б. Зданович, В. Ф. Зайберт // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
3. Калиева, С. С. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры / С. С. Калиева, В. Н. Логвин. Кустанай, 1997.
4. Николова, А. В. Погребение «мастера» с Никопольщины / А. В. Николова, Е. П. Бунятян // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.
5. Синюк, А. Т. Бронзовый век бассейна Дона / А. Т. Синюк. Воронеж, 1996.
6. Синюк, А. Т. Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в степном Придонье / А. Т. Синюк // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
7. Синюк, А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона / А. Т. Синюк. Воронеж, 1983.
8. Чередниченко, Н. Н. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) / Н. Н. Чередниченко, С. Ж. Пустовалов // Сов. археология. 1991. № 4.

В. В. Ткачёв

Орский гуманитарно-технологический институт, Орск

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАШТИНСКОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА¹

Выделение новокумакского культурно-хронологического горизонта с самого начала стимулировало поиск исходных составляющих для культурных образований рубежа эпох средней и поздней бронзы Урало-Казахстанского региона. Тезис об определяющей роли западного импульса, сформулированный и обоснованный К. Ф. Смирновым и Е. Е. Кузьминой [44], надолго предопределил основную парадигму исследования новокумакско-синташтинских древностей и лёг в основу устойчивой историографической традиции. Главным аргументом явилась констатация наличия признаков абашевской, полтавкинской, катакомбной и многоваликовой (КМК) культур в материальном комплексе.

Расширение источниковедческой базы в 1980–1990-е гг. потребовало внесения корректив в устоявшуюся концепцию культурогенеза ПБВ. Однако большинство гипотез, претендовавших на роль альтернативных, сводилось к абсолютизации роли уже обозначенных субстратных составляющих. Наиболее показательными в этом плане являются попытки обосновать приоритет абашевской культуры в генезисе синташтинской, хотя точки зрения исследователей нередко расходятся по ряду принципиальных моментов [14–15; 28–30; 41].

В качестве генетической основы синташтинских древностей нередко рассматривается приуральская группа

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-01299а).

памятников древнейшей культуры. Обоснованию этого тезиса посвящены отдельные сюжеты в работах Н. Л. Моргуновой [37], В. Н. Логвина [31]. Первоначально к этому мнению склонялся Н. Б. Виноградов [10]. «Глубоким фоном ямных традиций» определяется, по мнению Г. Б. Здановича [21], облик культуры так называемой «Страны городов» на стадии формирования. Происхождение в Среднем Поволжье памятников потаповского типа, родственных синташтинским, самарские археологи связывают с трансформацией части полтавкинского и абашевского населения, при воздействии и ассимиляции потомков шнуровых культур, оставивших памятники вольско-лбищенского типа [6].

Следует отметить, что практически все исследователи настаивают на многокомпонентном характере синташтинского культурогенеза. В ряде случаев данный подход, восходящий ещё к начальной стадии осмысления новокумакско-синташтинского культурно-хронологического горизонта, реализуется в гипертрофированном виде. Так, например, Г. Б. Зданович полагает, что перечень культурных образований, участвующих в формировании стереотипов «Страны городов», должен включать в себя ивановские, токские, турганикские, суртандинские, терсекско-ботайские энеолитические памятники Волго-Уралья и Урало-Казахстанского региона, а также ташковскую и вишнёвскую (кротовскую) культуры,

относящиеся к раннебронзовой эпохе Зауралья и Северного Казахстана [21].

Отчётливые позднекатакомбные черты, отмечаемые исследователями в синташтинском материальном комплексе и погребальной практике, послужили основанием для предположения о ведущей роли степных скотоводческих групп, продвинувшихся в Зауралье и вступивших во взаимодействие с пережиточным энеолитическим терсекско-суртандинским населением [7–9; 19–20].

Пожалуй, самой радикальной следует признать гипотезу о передневосточных корнях синташтинской культуры. Первоначально в поле зрения исследователей попали лишь параллели в домостроительных традициях и планиграфических стандартах поселенческих структур [26], а С. А. Григорьев в цикле работ выступил с развёрнутой концепцией, стержнем которой является тезис о прямой стремительной миграции населения с территории Сиро-Палестины [16–18].

К сожалению, приходится констатировать, что выводы исследователей нередко базируются на фоновых характеристиках и не предваряются детальной проработкой источников.

Безусловно, решение столь масштабной и сложной задачи, как происхождение археологической культуры, тем более такой неординарной, требует системного подхода. Однако достаточно эффективной процедурой представляется и анализ отдельных фракций культуры, особенно если речь идёт о системе погребальной обрядности материальном комплексе.

С целью выяснения исходных составляющих синташтинского культурного комплекса были проанализированы погребальная обрядность, гончарные традиции, военное снаряжение и производственные орудия, одежда и гарнитур украшений.

Следует отметить, что отдельные стереотипы в системе синташтинской погребальной обрядности присутствуют исключительно в памятниках приуральской группы либо представлены в них более рельефно. Особенно показательны в этом плане локализация синташтинских некрополей и традиция совершения впускных захоронений. Географически ареалы распространения синташтинских и позднекатакомбных памятников Приуралья практически совпадают, при этом часто погребения обеих культурных групп находятся в одних и тех же могильниках и даже курганах, включая случаи прямой стратиграфии. Впускной характер подавляющей части синташтинских захоронений в степном Приуралье позволяет включить этот признак в совокупность прочих элементов погребального обряда при сопоставлении с позднекатакомбными стереотипами, учитывая доминирование такого рода погребений в финально-катакомбных памятниках Приуралья.

Воздействие катакомбных и в определённой мере северокавказских планиграфических канонов проявилось в кольцевой планировке синташтинских некрополей. Весьма вероятными представляются и позднекатакомбные истоки конструктивных особенностей синташтинских могил. Наиболее яркой иллюстрацией этому являются синташтинские подбои и катакомбы, которые практически идентичны финально-катакомбным. Однако реализация принципа камерности могла иметь альтернативный характер за счёт переноса входной ямы и погребальной камеры из горизонтальной плоскости в вертикальную (ямы с заплечиками, канавками в стенках, деревянные камеры и пр.). В частности, в позднекатакомбных па-

мятников Волго-Донского региона выделяется серия погребений в ямах с глубоко опущенными в материк заплечиками [22], аналогичных синташтинским. Вообще, большинство финально-катакомбных захоронений совершено в ямах, в том числе в степном Приуралье.

Практически неотличим от катакомбного характер жертвоприношений в синташтинских усыпальницах. Это касается видового состава, а также принципа отбора и размещения частей туши животного. Обычно череп и кости конечностей, как и в катакомбных захоронениях, размещались во входной яме подбоя или на перекрытии ямы, что семантически тождественно. В катакомбных памятниках можно обнаружить и прототип интересному ритуалу захоронения животных, что можно расценивать как персонифицированную жертву конкретному божеству [2].

Не менее показательны в аспекте поиска истоков синташтинской погребальной обрядности способы ингумации. Основной способ труположения в синташтинских захоронениях (адорация) соответствует уже канонам позднего бронзового века, однако выживание этого стандарта через ряд промежуточных позиций происходило, по всей видимости, ещё в недрах катакомбной системы погребальной обрядности. Правомерность такого предположения подтверждает наличие в синташтинских некрополях особых видов погребений (вторичных, частичных, расчленённых, совместных), которые практически тождественны позднекатакомбным.

Очень близки комбинации предметов в катакомбных и синташтинских захоронениях. Это справедливо для комплексов, содержащих предметы вооружения, производственный инстру-

ментарий. Хотя в чистом виде типичные для катакомбной погребальной обрядности так называемые погребения мастеров или ремесленников в синташтинских памятниках неизвестны, однако можно выделить серию погребальных комплексов, содержащих песты, ступы, молоты, руду, шлаки и другие предметы, связанные с металлургией и металлообработкой. Здесь уместно напомнить о том, что погребения литейщиков широко представлены в катакомбных памятниках.

Ещё одной интересной категорией производственных орудий в синташтинских захоронениях являются оселки. Примечательно, что они, по мнению Э. С. Шарафутдиновой [49], маркируют финально-катакомбные погребения в Нижнем Поволжье. Выразительные параллели в инвентарных наборах из элитных синташтинских и позднекатакомбных захоронений отмечает В. В. Рогудеев [42].

Более чем вероятной представляется преемственность традиции использования колёсного транспорта в погребальной обрядности. При этом появились данные об использовании катакомбным населением в погребальных церемониях двухколёсных повозок [47], схожих с некоторыми синташтинскими [11]. При этом А. Е. Епимахов [20] справедливо обратил внимание на обычай закапывать колёса в дно могил, отмеченный в катакомбных и синташтинских памятниках.

В целом можно констатировать, что синташтинская система погребальной обрядности наследует традиции степного скотоводческого населения, представленного на заключительном этапе среднего бронзового века свитой культурных образований позднекатакомбного круга.

Погребальный инвентарь из синташтинских памятников демонстрирует несколько иную картину. Зримые проявления гончарных традиций субстратных культурных составляющих в синташтинском керамическом комплексе, исключительное морфологическое разнообразие и неординарность орнаментальных композиций нередко являются причиной скептического отношения исследователей к самой возможности создания «работающей» типологии наиболее массовой категории находок.

Классификация представительной коллекции керамики из синташтинских могильников по морфологическим характеристикам позволила выделить 8 отделов, 18 типов и 40 подтипов, наметить направленность эволюции и определить генетические корни синташтинских гончарных традиций. Подробный анализ полученной информации будет приведён в специальной работе, здесь же уместно ограничиться лишь предварительными выводами в рамках рассматриваемой проблемы.

Формы синташтинской керамики в основном воспроизводят в несколько переработанном виде свои абашевские прототипы. Однако трансформация исходных абашевских форм, вероятно, происходила под влиянием катакомбных гончарных традиций. Уже на «классическом» этапе с выходом абашевской культуры в Южное Приуралье, где она вступает во взаимодействие со степным скотоводческим населением, все формы гончарных изделий и орнаментация претерпевают значительные изменения [28].

Наибольшее распространение в синташтинских памятниках получили сосуды с ребристым профилем. Их генезис традиционно связывается с воздействием бабинской культуры (КМК) [44].

Но сосуды со сглаженным ребром появляются уже в поздних абашевских памятниках Приуралья [28], в том числе и в степных районах, что, видимо, связано с заимствованием этой формы из катакомбной среды. В синташтинском керамическом комплексе присутствие такой посуды обусловлено преемственностью синташтинских и абашевских гончарных традиций. При этом отчётливо прослеживается эволюция исходной формы, приведшая к исчезновению внутреннего ребра на отгибе венчика, являвшегося диагностирующим признаком абашевской и ранней синташтинской посуды.

Синташтинские горшковидные сосуды с плавным профилем следует расценивать как результат трансформации «классического» абашевского колоколовидного горшка. Причём в самых поздних абашевских памятниках Приуралья этот тип уже претерпел изменения и практически приобрёл тот вид, который мы наблюдаем в синташтинском керамическом комплексе. Заметим также, что по формальным признакам с данным типом сосудов сближаются короткошейные горшки со слабо профилированным туловом, известные во всех культурах катакомбного круга от Подонцовья и Предкавказья до Волго-Уралья. Ещё более отчётливо катакомбные черты просматриваются в плавно профилированных короткошейных синташтинских сосудах с раздутым туловом и выраженной придонной частью, находящие самые близкие аналогии в памятниках позднекатакомбной культурной группы Приуралья.

Ещё одним достаточно своеобразным типом синташтинской керамики являются кубкообразные сосуды. Появляются они только в самых поздних абашевских памятниках Приуралья. Таким образом,

кубкообразные сосуды не входили в число традиционных форм, составляющих ядро абашевского керамического комплекса, следовательно, нужно предполагать, что их происхождение обусловлено воздействием чужеродной традиции гончарного производства. Исходя из констатируемой направленности культурных контактов, на наш взгляд, наиболее приемлемым источником заимствований является катакомбная общность. Особый интерес представляют находки кубков в памятниках позднекатакомбной культурной группы в степном Приуралье. Синташтинские банки также являются производными от аналогичных гончарных изделий из позднеабашевских памятников в регионе. Показательно, что в этот период в абашевской культуре Южного Урала, также как и в памятниках позднекатакомбной культурной группы, известны только закрытые формы, иногда с выделенной придонной частью. Из абашевской культуры Приуралья практически в неизменном виде переходят в синташтинскую и миски. Вероятно, с позднекатакомбными культурными традициями нужно связывать происхождение синташтинских блюд, использовавшихся в качестве жаровен.

Основная масса элементов абашевского орнамента известна и на синташтинской керамике. Близки мотивы, их зональная приуроченность и композиционное построение. Определённые сходства обнаруживаются в технике нанесения орнамента и стилистических особенностях. В целом в синташтинском орнаменте реализуются тенденции, которые зарождаются в недрах абашевской культуры Приуралья. Тем не менее дифференцирующие детали просматриваются достаточно рельефно, что связано с воздействием позднекатакомбных традиций.

Уже в позднеабашевское время чаши перестают играть роль ведущей формы посуды, а их место занимают горшки, на которых сосредоточена основная масса семантически значимых элементов орнамента [28]. В синташтинской культуре чаши вовсе выходят из употребления, а их функция культурного индикатора окончательно закрепляется за горшками с ребристым профилем. Миниатюрные острорёберные сосудики, также как и в поздней абашевской культуре, уже не являются основными носителями диагностирующих элементов орнамента. В обеих культурах украшаются банки, довольно нарядно украшены горшки с плавным профилем. Орнамент на синташтинских кубкообразных сосудах и мисках становится ещё более простым и монотонным, чем в абашевских памятниках. В то же время сохраняется традиция нанесения орнамента на дно сосудов, срез венчика и его внутреннюю поверхность, особенно на сосудах с внутренним ребром на отгибе венчика, являвшегося обязательным атрибутом ранней синташтинской посуды.

Примечательно, что синташтинский орнамент, наряду с ярко выраженным субстратом, связанным с развитием абашевского декора, демонстрирует присутствие включений, восходящих к позднекатакомбным орнаментальным традициям. При этом они органично переплетаются с традиционными абашевскими. С позднекатакомбными традициями следует связывать появление на синташтинской посуде «ёлочных» узоров, фестонов, волнистых линий с горизонтальной штриховкой, известных уже в поздних абашевских памятниках Приуралья, и паркетного орнамента, характерных и для посуды из погребений позднекатакомбной культурной группы в регионе. Не менее выразительными

в этом плане представляются элементы, созданные на основе спиральных завитков, обрамлённых бахромой из заштрихованных треугольников. В предшествующее время самые яркие образцы спиральных элементов, несомненно, представлены в донецкой катакомбной и северокавказской культурах, однако непосредственно в предсинташтинское время такие мотивы известны на реповидных манычских сосудах в Северном Предкавказье, причём нередко они выполнены в рельефной технике наклепными валиками. Однако спиральные завитки в синташтинском декоре обрамляются бахромой из заштрихованных треугольников, что является характерным приёмом в абашевской орнаментальной традиции. То же самое можно сказать об особом расположении геометрических элементов в мотивах в «зеркальном отражении», по принципу аппликации создающих «белый узор». Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что рельефная орнаментация является одной из наиболее примечательных черт синташтинской керамики. Заметим, что наклепные валики и шишечки появляются впервые в поздних абашевских памятниках Приуралья. Безусловно, эта новация заимствована из катакомбной среды.

Таким образом, синташтинское гончарство наследует абашевские и позднекатакомбные традиции керамического производства.

Достаточно отчётливо прослеживается преемственность абашевского и синташтинского комплекса вооружения, как, впрочем, и основного набора производственных орудий. Однако, как и в ситуации с керамикой, в большинстве случаев в синташтинских памятниках исходные типы модифицируются, но, как правило, уже под воздействием

совершенно иного импульса — из среды носителей турбинских металлургических традиций.

Наконечники копий и дротиков в синташтинских захоронениях известны двух типов. Наиболее распространёнными являются наконечники с короткой разомкнутой закрытой сверху втулкой и длинным листовидным пером с ромбическим стержнем. Прототипом для такого рода изделий являлись абашевские наконечники копий верхнекизильского типа. Но их пропорции и конструктивные особенности строения пера соответствуют сейминско-турбинским стандартам, хотя развиваются в рамках традиционной технологии, так как втулка оформлялась путём расковки стержня, а не посредством литья с использованием сердечника. Другой тип наконечников представлен пока единственным экземпляром, обнаруженным в синташтинском погребении 1 кургана Ново-Петровка [45]. Он изготовлен из пластины, имеет листовидное перо без ребра жёсткости и разомкнутую открытую сверху втулку. В абашевских памятниках такие предметы имеют пропорции, близкие к верхнекизильским, то есть длинную втулку и короткое перо. Следует отметить наличие на некоторых изделиях нераскованного участка стержня в основании пера. Эта конструктивная особенность характерна для катакомбной металлообработки. Аналогичное оформление отмечено, в частности, на оригинальном орудии из катакомбного погребения 3 в кургане 1 Сторожевского могильника в Нижнем Поволжье [33]. Ещё один наконечник копья, характеризующийся близкими технологическими признаками, обнаружен недавно в позднекатакомбном кенотафе Илекшар 5/3 в степном Приуралье.

Плоские топоры-тёсла отчасти наследуют традиции приуральской абашевской культуры, что проявляется в параллельности граней и притупленности пятки на некоторых изделиях. Но в ещё большей степени синташтинские тёсла близки изделиям, получившим распространение в степных культурах предшествующего времени, так как основная масса предметов имеет расширяющиеся к лезвию грани, что придаёт им вытянутую трапециевидную форму, иногда присутствует характерный скос лезвия. Причём в конце СБВ они известны только в катакомбных и северокавказской культурах [23]. Втульчатый топор-тёсло предполагает аналогичный турбинским кельтам способ крепления к коленчатой рукояти. Но опять же, изготовлен интересующий нас предмет по архаичной, менее совершенной, но традиционной технологии. По сути дела, данный тип формируется за счёт модификации плоского тесла под воздействием турбинского импульса. Правомерность такой трактовки подтверждается находками кованых кельтов-тёсел в Решном и Сейме, причём исследователи отмечают, что такая технология чужда сейминско-турбинской металлообработке [48]. Но сам тип зарождается ещё в поздней абашевской культуре Приуралья, о чём вполне определённо свидетельствует присутствие аналогичного предмета в составе клада у Долгой горы [30].

Самой массовой категорией находок в синташтинских памятниках являются ножи. Не вызывает сомнения, что синташтинские ножи, как с намечающимся перекрестием, в большинстве случаев имеющие ромбическое окончание черенка, так и орудия без перекрестия с прямым черенком восходят к своим абашевским прототипам. Принципиаль-

ное значение имеет то обстоятельство, что абашевские ножи формируются и эволюционируют под влиянием катакомбных и турбинских металлообрабатывающих традиций, что убедительно показала О. В. Кузьмина [Там же]. Более того, в Потаповском могильнике в Среднем Поволжье обнаружены ножи [6], сопоставимые с изделиями разряда НК-4 по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых [48]. Это позволило П. Ф. Кузнецову предположить, что своим происхождением данные орудия непосредственно связаны с сейминско-турбинскими бронзами [27]. Турбинские черты прослеживаются и на плоских серповидных абашевских ножах, которые в несколько модифицированном виде наследуются синташтинским населением.

В синташтинском погребении 1 кургана 24 Большекараганского могильника обнаружено бронзовое долото с кованой втулкой [3]. Аналогичный предмет, но с более широкой рабочей частью входит в состав Верхнекизильского клада приуральской абашевской культуры. Типологически с долотами сближаются втульчатые крюки, но окончание стержня на таких предметах расковано в большей степени, а конец загнут. Есть они и в абашевских памятниках Приуралья, например, на поселении Тюбяк [14–15]. Но происхождение такого рода орудий в абашевской культуре, несомненно, связано с катакомбной средой, где они представляют собой диагностирующую категорию инвентаря [23]. Ещё одним видом изделий, перешедших в синташтинский материальный комплекс из абашевской культуры, являются бронзовые крюки, иногда снабжённые петлёй для крепления и бородком на остром конце. Многочисленные шилья и иглы в синташтинских памятниках отнюдь не уникальны

и встречаются во всех культурах бронзового века. На некоторых экземплярах один конец притуплен, а ряд находок связан с костяными муфточками, причём иногда шильца фиксируются *in situ* внутри костяных цилиндров. Это предполагает использование данных предметов в качестве стрекал (орудий для понукания лошади), что является наследием катакомбного мира [40].

Весьма любопытную серию в синташтинских памятниках составляют кремневые наконечники стрел. Наиболее выразительны черешковые наконечники. Типологически близкие наконечники получили распространение в абашевских и сейминско-турбинских памятниках, причём, согласно специально проведённому О. В. Кузьминой исследованию, зарождаются они в абашевской культуре и служат эталоном для остальных типологически сопоставимых изделий в других культурных образованиях [29]. Тем не менее синташтинские черешковые наконечники, наследуя общую морфологию и ряд технологических особенностей (трансмедиальная ретушь), претерпевают изменения: треугольный черешок заменяется трапецевидным, а линзовидное сечение пера — ромбическим [30]. Есть в синташтинских комплексах листовидные наконечники с округлым насадом. Этот тип в большей степени представлен в памятниках вольско-лбищенской культурной группы. И. Б. Васильев даже предложил называть такие изделия наконечниками вольско-лбищенского типа [5]. Значительную коллекцию составляют в синташтинских памятниках наконечники с прямым или усечённым основанием. Этот тип получил развитие, по всей видимости, благодаря турбинскому воздействию. Подавляющее большинство наконечников стрел в сейминско-тур-

бинских некрополях составляют изделия с прямым основанием. Достаточно разнообразны, хотя и немногочисленны в синташтинских памятниках костяные наконечники стрел. Все они черешковые, имеют ромбическое, шестигранное или линзовидное сечение пера, часто снабжённого свисающими шипами с обеих сторон или только с одной. Все перечисленные виды наконечников известны в абашевских памятниках Южного Урала [13], что недвусмысленно указывает на истоки данных типов в абашевских древностях региона. Самым эффектным типом наконечников стрел в синташтинских памятниках являются бронзовые черешковые наконечники с орнаментированной нервюрой по середине пера. Формирование данного типа, безусловно, происходило под влиянием турбинских традиций металлообработки. Синташтинские наконечники стрел и некоторые сейминско-турбинские вильчатые наконечники копий демонстрируют полное тождество оформления ребра жёсткости (нервюры), способов проковки и заточки пера.

Каменные орудия в синташтинских памятниках довольно разнообразны, как по функциональному назначению, так и по типологии. Булавы делятся на две разновидности. Основную массу синташтинских булав составляют изделия округлой в плане формы. Можно разделить данный вид булав на шаровидные и грушевидные. Изделия другого типа отличает наличие выступов. Для абашевского и турбинского комплексов булавы не характерны, зато в северокавказской и катакомбных культурах мы обнаруживаем совершенно идентичные типы булав, в том числе и в памятниках заключительного этапа СБВ. В синташтинском могильнике Каменный Амбар V обнаружена шестиконечная булава [25],

аналогии которой имеются на поселениях Лбище на Самарской Луке и Малокизильском селище [4; 43].

Синташтинские каменные топоры известны в погребальных и бытовых памятниках, а также представлены случайными находками [38; 46]. Их можно разделить на две неравные в количественном отношении группы: клиновидные и проушные. Практически полное типологическое тождество некоторым находкам проушных топоров из синташтинских памятников демонстрируют северокавказские топоры так называемого кабардино-пятигорского типа [38], что и определяет вероятный источник заимствования синташтинским населением традиции их изготовления. Производственные каменные орудия в синташтинских памятниках представлены пестами, ступами, наковальнями, абразивами, лощилами, шлифованными гальками. Такого рода предметы обычны для поселенческих памятников различных культур предсинташтинского времени, но, как уже отмечалось выше, традиция их помещения в погребения присутствует лишь в культурах катакомбного круга. Специфические брусковидные оселки с выемками или желобком для крепления, известные в синташтинских памятниках, маркируют именно финально-катакомбные комплексы.

Самой яркой и наиболее информативной категорией изделий из кости и рога являются псалии, составляющие в синташтинских памятниках довольно внушительную коллекцию. Однако представляется проблематичным возводить традицию изготовления наиболее архаичного типа щитковых дисковидных псалиев с одним центральным отверстием к абашевской культуре. Более перспективным представляется

поиск культурной среды, в которой могла зародиться колесничная традиция, в позднекатакомбных древностях. Помимо косвенных свидетельств, вероятно, следует обратить внимание на фрагмент дисковидного псалия с монолитными шипами с утёса Степана Разина к югу от Саратова, откуда происходит выразительная коллекция позднекатакомбной керамики [34].

Помимо псалиев, с колесничной запряжкой, вероятно, связаны также находки в синташтинских комплексах с псалиями костяных проколов и муфточек. Относительно происхождения такого рода изделий важно заметить, что костяные колечки являются распространённой категорией находок в катакомбных памятниках, но особенно показательны, что они, например, присутствуют в Калмыкии в финально-катакомбных погребениях с фаянсовыми рожковыми бусами [36]. В качестве наверший жезлов или стрекал иногда рассматриваются лопаточковидные костяные изделия [39], находки которых известны в синташтинских погребениях. Судя по находкам аналогичных орудий в Пепкинском кургане, относящемся, по мнению О. В. Кузьминой, ко времени Турбинского могильника [30], эти изделия в модифицированном виде переходят из абашевской культуры.

В синташтинском могильнике Каменный Амбар V в Зауралье найдены костяные и роговые детали сложного составного лука: окончания кибити и центральная накладка с ложами для древка стрелы [25]. Но для определения направленности культурных контактов синташтинского населения большое значение имеют находки костяных панцирных пластин с отверстиями по краям, совершенно идентичных

деталюм оборонительных доспехов, в большом количестве обнаруженных в сейминско-турбинском могильнике Ростовка IV в Западной Сибири [35]. Показательно в этом плане то, что в Ростовкинском некрополе присутствуют наконечник копья с кованой втулкой и нож уже синташтинских типов, изготовленные из металла группы ТК [48], что ещё раз подтверждает частичную синхронность синташтинских и некоторых сейминско-турбинских памятников и наличие контактов между двумя группами населения.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что синташтинский комплекс вооружения и набор производственных орудий формируются преимущественно на основе приуральских абашевских. Однако заметное влияние на их облик оказало воздействие из среды степного позднекатакомбного населения, принёсшего некоторые северокавказские традиции, и турбинских популяций лесной зоны. Турбинские компоненты на этапе формирования синташтинского культурного комплекса проявлялись в основном в виде технологических новаций, приводивших к модификации абашевских типов изделий. На развитом этапе синташтинской культуры имели место и непосредственные контакты двух групп населения.

Синташтинский костюм в наибольшей степени соответствует стандартам, выработанным в среде скотоводческого населения степей Северной Евразии, однако значительный вклад в формирование «этнографического» облика Синташты внесли и носители лесной абашевской культуры. Применительно к археологическим реалиям Южного Урала на рубеже эпох средней и поздней бронзы, наибольший интерес в плане генезиса синташтинского традицион-

ного костюма представляет катакомбная общность, унаследовавшая стереотипы древнеямной. Следует также отметить, что катакомбный гарнитур украшений изобилует северокавказскими импортами и подражаниями им, что предполагает и заимствование способов их использования в costume.

Локализация отдельных видов украшений в синташтинских захоронениях демонстрирует практически полную сопоставимость с аккумулятивными схемами размещения украшений в катакомбных захоронениях [12]. Примечательно, что аналогично распределяются украшения в погребениях северокавказской культуры [24]. Из абашевского костюма, кстати, перенявшего в переработанном виде некоторые катакомбные стереотипы [29], в синташтинскую культуру переходит традиция шитья мелким бисером, пронизями и бляшками, впрочем, известная и в катакомбном мире. Под влиянием абашевских ювелирных традиций, вероятно, формируется весьма специфичный тип украшения — сложный составной наконик в виде комбинации орнаментированных накладок, обоймочек и пластинчатых подвесок, скреплённых низками бисера или пронизок. С накоником связан и головной убор в виде расшитой шапочки или ленты со свисающими подвесками. Расшитые бронзовыми украшениями длинные кожаные ленты, характерные для абашевской культуры [29], вероятно, и стали прообразами «шумящих» составных накоников, вошедших в моду в синташтинское время и ставших своеобразной «визитной карточкой» синташтинской, а затем и алакульской культуры. Именно с абашевской культурой следует связывать традицию украшения рук браслетами, перстнями и кольцами. Использование подвесок в

синташтинской культуре практически ничем не отличается от того, как эти принадлежности костюма реконструируются в катакомбных и абашевских погребениях. Традиционный костюм и гарнитур украшений, сформировавшиеся в синташтинское время, фактически в неизменном виде переходят в алакульскую культуру. Модифицируются только типы украшений, что является одним из оснований для хронологических построений.

Из подвесных украшений наиболее представительную группу составляют желобчатые подвески в полтора оборота. Абсолютное типологическое сходство такие изделия имеют с абашевскими подвесками. Вероятно, из абашевской культуры переходят в синташтинскую желобчатые височные подвески в виде колечка, круглые в сечении серьги или подвески с несомкнутыми приострѣнными концами. Безусловно, к абашевским ювелирным традициям восходит бóльшая часть нашивных металлических украшений. Полное тождество демонстрируют бляшки-полугорошины, плоские бляшки ромбической формы, бисер, гладкие пронизи различной длины, длинные пронизи из свёрнутой пластины с рифлёной поверхностью или из спирально завитой проволоки. Совершенно определѣнно с абашевской культурой можно связывать генезис браслетов, колечек и перстней. То же самое можно сказать о браслетах, хотя в синташтинских памятниках присутствует только один их тип — широкожелобчатые.

Если металлические украшения отчётливо демонстрируют преемственность синташтинских и абашевских ювелирных традиций, то остальные составляющие синташтинского гарнитура связаны с совершенно иной куль-

турной средой. Особенно показательны в этом плане украшения из фаянса, камня и кости. Фигурные, цилиндрические и бородавчатые бусы, гладкие и ребѣрчатые пронизи, нарезной бисер, в массовом порядке представленные в синташтинских памятниках, вне всякого сомнения, отражают юго-западный импульс в процессе генезиса синташтинского культурного комплекса. Заметим, что фаянсовые украшения вообще не известны в абашевской культуре, как, впрочем, и в памятниках сейминско-турбинского круга. Каменные и костяные бусы и пронизи в синташтинских памятниках воспроизводят типы фаянсовых изделий. Поиски аналогий не вызывают особых трудностей. Это культуры катакомбной общности. Если говорить о генетических истоках столь яркой составляющей синташтинского гарнитура украшений, то реальную сопоставимость демонстрируют лишь финально-катакомбные памятники. Наибольшие типологические схождения мы обнаруживаем в самых поздних комплексах маньчского типа на Нижнем Дону, в Предкавказье и Северо-Западном Прикаспии, а также в среднедонских катакомбных погребальных комплексах. В связи с этим следует согласиться с Р. А. Литвиненко, обратившим внимание на то, что наиболее ранних типов длинных бородавчатых пронизей, характерных для позднекатакомбных комплексов и ранних бабинских (КМК), в синташтинской культуре нет, что является одним из аргументов в пользу обоснования хронологического приоритета указанного круга памятников по отношению к Синташте [31].

В синташтинском погребении Танаберген II, 7/23 найдены уникальные фаянсовые нашивные бляшки в виде рельефной восьмиконечной звезды.

Полные аналогии этим предметам отсутствуют. В определённой мере они напоминают бронзовые абашевские бляшки-розетки. Однако наибольшую стилистическую близость художественного решения они демонстрируют с некоторыми изображениями на металлических медальонах северокавказской культуры. Ещё одним направлением поиска аналогий являются памятники бронзового века Средней Азии. В Сапаллитепе на юге Узбекистана обнаружены оригинальные терракотовые предметы, интерпретируемые как печати, на которых зафиксированы аналогичные изображения многоконечной звезды с характерным строением лепестков, отходящих от выпуклой округлой сердцевины [1]. Эти наблюдения представляют значительный интерес в связи с перспективой наметить ещё одну линию синхронизации для синташтинской культуры, если учесть близкую хронологическую позицию сапаллинской культуры, датируемой в настоящее время рубежом III–II тыс. до н. э.

В традиционном синташтинском костюме и гарнитуре украшений органично сочетаются каноны абашевской культуры и позднекатакомбных культурных образований, вобравших в себя стереотипы северокавказской культуры. Между тем в синташтинской среде были выработаны совершенно оригинальные виды украшений, например, сложные составные наконечники. В этом плане синташтинские ювелиры стали законодателями новой моды на «шумящие» украшения. Практически все стереотипы, зародившиеся в синташтинское время, будут унаследованы алакульской культурой Урало-Казахстанского региона, что отчётливо проявляется уже на петровском этапе.

Таким образом, материалы синташтинских погребальных памятников позволяют связать генезис основного комплекса стереотипов этого яркого культурного явления с кругом восточноевропейских культур, прежде всего с катакомбной и абашевской. Культурные трансформации стимулировались воздействием из среды носителей сейминско-турбинских металлургических традиций. Конечно, в процесс культурогенеза могли быть вовлечены и группы автохтонного постэнеолитического населения Урало-Казахстанского региона, однако они не оставили скольконибудь зримого следа, поскольку ни один культуурообразующий признак в синташтинских памятниках не может быть увязан с этой культурной средой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аскарлов, А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана / А. А. Аскарлов. Ташкент, 1977.
2. Берестенев, С. И. Межреспубликанская научная конференция «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины» (Харьков, 1–3 марта 1995 г.) / С. И. Берестенев, А. П. Мартемьянов, С. Б. Сорочан // Рос. археология. 1996. № 4.
3. Боталов, С. Г. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) / С. Г. Боталов, С. А. Григорьев, Г. Б. Зданович // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 1996.
4. Васильев, И. Б. Поселение Лбище на Самарской Луке / И. Б. Васильев, Г. И. Матвеева, Б. Г. Тихонов // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
5. Васильев, И. Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья / И. Б. Васильев // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.

6. Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара, 1994.
7. Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2003.
8. Виноградов, Н. Б. Парадоксы Синташты / Н. Б. Виноградов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
9. Виноградов, Н. Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий / Н. Б. Виноградов // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.
10. Виноградов, Н. Б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов // Конвергенция и дивергенция в развитии культуры эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: материалы конф. Саратов, 1995.
11. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Ч. 1. Челябинск, 1992.
12. Гей, А. Н. Новотиторовская культура / А. Н. Гей. М., 2000.
13. Горбунов, В. С. Абашевская культура Южного Приуралья / В. С. Горбунов. Уфа, 1986.
14. Горбунов, В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В. С. Горбунов. Уфа, 1992.
15. Горбунов, В. С. Могильник бронзового века Ветлянка IV / В. С. Горбунов // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
16. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск, 1999.
17. Григорьев, С. А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы / С. А. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
18. Григорьев, С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. / С. А. Григорьев // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
19. Епимахов, А. В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Епимахов. Новосибирск, 1998.
20. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск, 2002.
21. Зданович, Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Рос. археология. 1997. № 2.
22. Кияшко, А. В. Волго-донские погребения эпохи средней бронзы в ямах с заплечиками / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999.
23. Кореневский, С. Н. Наследство каменнобронзового периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области / С. Н. Кореневский // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
24. Кореневский, С. Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья / С. Н. Кореневский. М., 1990.
25. Костюков, В. П. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье / В. П. Костюков, А. В. Епимахов, Д. В. Нелин // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.
26. Крижевская, Л. Я. Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье / Л. Я. Крижевская // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. XII Уральское археологическое совещание: тез. докл. конф. Екатеринбург, 1993.
27. Кузнецов, П. Ф. Свидетельства контактов в потапово-синташтинских и сейминско-турбинских памятниках начала поздней бронзы / П. Ф. Кузнецов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения И. В. Сеницына. Саратов, 2000.
28. Кузьмина, О. В. Керамика абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Вестник археологии Поволжья. Вып. I. Самара, 1999.
29. Кузьмина, О. В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье / О. В. Кузьмина. Самара, 1992.

30. Кузьмина, О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) : археол. изыскания. Вып. 63. СПб., 2000.

31. Литвиненко, Р. А. К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК / Р. А. Литвиненко // Комплексные общества Центральной Евразии в III–II тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей материалы междунар. конф. Челябинск, 1999.

32. Логвин, В. Н. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей / В. Н. Логвин // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.

33. Ляхов, С. В. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) / С. В. Ляхов // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. I. Саратов, 1996.

34. Малов, Н. М. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья / Н. М. Малов, В. В. Филиппченко // Археол. вести. 1995. № 4.

35. Матющенко, В. И. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска / В. И. Матющенко, Г. В. Сеницына. Томск, 1988.

36. Мимоход, Р. А. Погребения финала средней — поздней бронзы могильника Островной / Р. А. Мимоход // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.

37. Моргунова, Н. Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья / Н. Л. Моргунова // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. конф. Оренбург, 2001.

38. Нелин, Д. В. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы / Д. В. Нелин // Историко-археологические изыскания : сб. тр. молодых учёных. Вып. 1. Самара, 1996.

39. Отрощенко, В. В. О культурно-типологических группах погребений Потаповского могильника / В. В. Отрощенко // Рос. археология. 1998. № 1.

40. Отрощенко, В. В. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти / В. В. Отрощенко, Л. А. Черных // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов н/Д, 1998.

41. Потёмкина, Т. М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона / Т. М. Потёмкина // Сов. археология. 1990. № 1.

42. Рогудеев, В. В. Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре / В. В. Рогудеев // Археологические записки. Вып. I. Ростов н/Д, 2000.

43. Сальников, К. В. Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников. М., 1967.

44. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. М., 1977.

45. Сунгатов, Ф. А. Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 г. / Ф. А. Сунгатов, Ф. Ф. Сафин // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995.

46. Ткачёв, В. В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы / В. В. Ткачёв // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.

47. Чередниченко, Н. Н. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) / Н. Н. Чередниченко, С. Ж. Пустовалов // Сов. археология. 1991. № 4.

48. Черных, Е. Н. Древняя металлургия Северной Евразии / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. М., 1989.

49. Шарафутдинова, Э. С. К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье / Э. С. Шарафутдинова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

М. В. Халяпин
Институт степи УрО РАН, Оренбург

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ АБАШЕВСКИХ И СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(историографический аспект)

История изучения памятников абашевской культуры насчитывает уже достаточно продолжительный период. Раскопки памятников и находки ряда бронзовых предметов, в том числе и украшений, известные в Волго-Уралье по работам конца XIX — начала XX в., удалось правильно атрибутировать только позднее, когда после раскопок в 1925 г. Абашевского могильника стало ясно, что речь идёт о выделении новой самобытной археологической культуры [34].

Предположение о наличии памятников абашевской культуры на Южном Урале было высказано уже в 1928 г., когда был опубликован, именно как абашевский, Верхне-Кизыльский клад [47]. Позднее на Южном Урале была исследована представительная серия погребальных и поселенческих абашевских памятников, в результате чего постепенно удалось очертить ареал их распространения. В специальных обобщающих работах была дана характеристика материалов абашевской культуры на Южном Урале [5–7; 20–25; 30–33; 45 и др.].

По мере изучения различных групп абашевских памятников в Доно-Волго-Уральском регионе и выявления представительной серии синташтинских памятников в Южном Зауралье и Приуралье, потаповских — в Среднем Поволжье, назрела необходимость опреде-

ления их культурно-хронологического соотношения и культурного статуса. Естественным ответом исследователей явилось появление нескольких точек зрения по этим проблемам. В аспекте представляемой работы мы обратимся к вопросам культурно-хронологического соотношения абашевских и синташтинских памятников, тем более что взгляды специалистов на данную дискуссионную проблему расходятся, а зачастую оказываются прямо противоположными и взаимоисключающими друг друга. Отметим, что, начиная с А. Д. Пряхина, некоторые специалисты уже традиционно рассматривают абашевские и синташтинские памятники в рамках абашевской культурно-исторической общности [10; 30].

Оценка роли абашевской культуры и её вклада в культурогенетические процессы бронзового века в Волго-Уральском регионе в последние годы подверглась существенному пересмотру [2–4; 11–12; 15; 18; 27]. Исследователями был поставлен под сомнение «давно приобретенный аксиоматический характер тезис» [14. С. 133] об участии населения абашевской культуры в культурогенезе позднего бронзового века. Их взгляды эволюционируют от отказа в участии в данных процессах средневожских абашевцев в сторону всё большего скепсиса в оценке вклада абашевской культуры в целом. По мнению П. Ф. Кузнецова,

«парадоксально туманной выглядит роль абашевской культуры в процессе культурогенеза эпохи поздней бронзы» [18. С. 88].

При выяснении культурно-хронологического соотношения абашевских и синташтинских памятников первостепенную роль играют вопросы относительной и абсолютной хронологии абашевской культуры, так как именно это самый слабо обеспеченный источниками аспект проблемы, а следовательно, и самый уязвимый для критики.

В настоящее время можно считать восточную границу уральской абашевской (баланбашской) культуры достаточно надёжно установленной по материалам памятников Южного Зауралья [14; 28; 33]. Ещё К. В. Сальниковым на материалах I Береговского поселения было установлено хронологическое соотношение абашевской и срубной культуры, при котором первая занимала нижнюю стратиграфическую позицию [33. С. 104–106]. Эти важные наблюдения К. В. Сальникова, фактически подготовившие почву для отнесения абашевской и срубной культур к различным этапам бронзового века, соответственно среднему и позднему, и шедшие вразрез с господствовавшими в то время представлениями о прямо противоположном хронологическом соотношении абашевской и срубной культур, позднее блестяще подтвердились на серии исследованных в Южном Приуралье бытовых и погребальных памятников [5–8; 26; 29; 42; 44 и др.].

На сегодняшний день основные точки зрения на хронологическое соотношение абашевских и синташтинских памятников отражают несколько тенденций:

1. Полная синхронизация абашевских, по крайней мере уральских, па-

мятников с синташтинскими [3–4; 11–13; 15 и др.]. Доказывая хронологическое единство уральских абашевских (баланбашских) и синташтинских памятников, А. В. Епимахов отмечает то обстоятельство, что на Южном Урале баланбашское и синташтинское население занимало различные экологические ниши, и справедливо связывает это с различиями в хозяйстве [12. С. 74]. При таком сценарии исследователи рассматривают различные варианты абашевско-синташтинских контактов и их проявлений в погребально-поминальной обрядности и материальной культуре.

2. Абсолютный хронологический приоритет абашевской культуры над синташтинскими древностями [20–22; 24–25; 35–36]. В этом случае абашевские и синташтинские памятники разграничиваются ещё и стадийно, так как первые фактически закрывают эпоху средней бронзы, а вторые начинают поздний период эпохи бронзы [35]. По образному выражению О. В. Кузьминой, «синташтинская культура стоит на плечах абашевской» [20].

На примере анализа системы погребально-поминальной обрядности и материальной культуры выявляются разнообразные проявления абашевских культурных традиций в синташтинской среде, хотя есть дискуссионные точки зрения и положения.

Далеко не ведущей, по мнению О. Д. Мочалова, была роль уральской абашевской культуры в сложении синташтинских памятников. На основании сравнительного анализа керамических коллекций культурных образований конца эпохи средней — начала поздней бронзы Волго-Уралья исследователь указывает, что посуда с абашевскими чертами в синташтинских памятниках

составляет 10 %, а в потаповских — 12 %, полагая, что в таком случае нельзя вести речь о прямой генетической преемственности между населением абашевской и синташтинской культур [27. С. 94–96].

Детальное исследование синташтинских памятников Степного Приуралья было предпринято В. В. Ткачёвым [37]. Автор отметил, что именно в облике материальной культуры приуральских синташтинских памятников и присутствует большинство абашевских черт, тогда как в погребально-поминальной обрядности доминирует наследие катакомбных традиций [Там же. С. 13–17].

3. Частичная синхронизация поздних абашевских и синташтинских памятников не отрицается рядом исследователей [1–2; 9; 28 и др.]. И в этом случае хронологический приоритет абашевских культурных традиций позволяет полагать их участие в сложении культурного комплекса синташтинских памятников.

На сегодняшний день, по нашему мнению, есть все основания полагать абсолютный или частичный приоритет абашевских древностей над синташтинскими. Об этом свидетельствуют материалы раскопок бескурганного (грунтового) могильника у горы Берёзовой близ с. Буланово Октябрьского района Оренбургской области [26; 40; 42; 44]. Данные прямой вертикальной стратиграфии однозначно свидетельствуют о хронологическом приоритете захоронений уральской абашевской культуры на площади некрополя. Абашевская ограда из камня оказалась прорезана двумя впускными синташтинскими погребениями, для совершения которых при устройстве погребальных камер пришлось разобрать каменные плиты ограды. По всей видимости, строители

синташтинских захоронений во время совершения погребального ритуала уже не видели заплывшей и задернованной к тому времени ограды. Немаловажным является и то обстоятельство, что все исследованные в Степном Приуралье погребальные и поселенческие комплексы уральской абашевской культуры относятся к позднеабашевскому времени, практически к её самому финалу, маркируя перемещение абашевцев в степь, в непривычную для них экологическую нишу [26; 35–36; 40–44]. В Степном Приуралье при картографировании погребальных и бытовых памятников конца среднего бронзового века выявляется зависимость, выраженная в приуроченности позднеабашевских памятников к природно-ландшафтной подзоне северной степи, а позднекатакомбных — к южной.

Все исследованные в некрополе у горы Берёзовой погребальные комплексы (16) подразделяются на три хронологических горизонта, связанных с населением уральской абашевской, синташтинской и срубной культур. Наиболее яркой и самой представительной является группа погребений, совершённых в позднейший период существования синташтинской культуры. Захоронения сопровождалась обильной мясной напутственной и жертвенной пищей, лепной глиняной посудой, орудиями и украшениями из бронзы, камня и кости. Среди прочих в могильнике у горы Берёзовой исследовано захоронение литейщика. Впервые для территории Степного Приуралья были обнаружены уникальные предметы: бронзовые ножи-пилочки в костяных рукоятках, ножи сейминско-турбинских форм и т. д. Палеоантропологические и вещевые материалы памятника свидетельствуют о контактах синташ-

тинского населения с носителями сейминско-турбинских культурных традиций [40; 42; 44].

Нерешённой остаётся проблема абсолютного датирования абашевских памятников, для которых практически отсутствуют радиоуглеродные даты. Известны две неудачные попытки радиоуглеродного датирования материалов Нижне-Чуракаевского [33. С. 108] и Ташлинского [18. С. 88] могильников. Единственной пока достоверной радиоуглеродной датой является дата из погребения 2 Пепкинского кургана, в калиброванных значениях относимая к XXI–XX вв. до н. э. [16. С. 86–88; 19. С. 179]. Нужно иметь в виду, что Пепкинский курган с коллективным захоронением убитых абашевцев относится исследователями к позднему периоду абашевской культуры Среднего Поволжья [1–2].

В свете вышеизложенного считаем, что важную роль играет радиоуглеродное датирование не только синташтинских и потаповских древностей, а также предшествующих, синхронных и последующих памятников сопредельных регионов [17; 19; 38–39; 46 и др.], которое косвенным образом влияет на определение места и собственно абашевских древностей в системе абсолютной хронологии бронзового века Евразии. В связи с этим интерес представляют радиоуглеродные даты, полученные из трёх захоронений могильника у горы Берёзовой [26. С. 270, 272. Табл. 1]. В калиброванных значениях они позволяют датировать синташтинские погребения некрополя концом III — началом II тыс. до н. э.

Таким образом, с учётом калиброванных дат, уральская абашевская культура, предположительно, может быть датирована XXII–XX вв. до н. э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беседин, В. И. О хронологии Пепкинского кургана / В. И. Беседин // Рос. археология. 1995. № 3.
2. Большов, С. В. Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) / С. В. Большов // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VIII. Йошкар-Ола, 2003.
3. Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2003.
4. Виноградов, Н. Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий / Н. Б. Виноградов // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.
5. Горбунов, В. С. Абашевская культура Южного Приуралья / В. С. Горбунов. Уфа, 1986.
6. Горбунов, В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В. С. Горбунов. Уфа, 1992.
7. Горбунов, В. С. Могильник бронзового века Ветлянка IV / В. С. Горбунов // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
8. Горбунов, В. С. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья / В. С. Горбунов, Ю. А. Морозов. Уфа, 1991.
9. Григорьев, С. А. Бронзовый век / С. А. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья. Т. I Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
10. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск, 1999.
11. Епимахов, А. В. Атрибуты производственной специализации в погребальных памятниках Урала эпохи бронзы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание материалы междунар. конф. Пермь, 2003.
12. Епимахов, А. В. О границах и соотношении частей «абашевской культурно-исторической общности» / А. В. Епимахов // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.
13. Епимахов, А. В. О хронологическом соотношении синташтинских и абашев-

ских памятников / А. В. Епимахов // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

14. Епимахов, А. В. Об абашевском «наследии» в культурах поздней бронзы Урала // А. В. Епимахов // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

15. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск, 2002.

16. Кузнецов, П. Ф. К вопросу о хронологии абашевской культуры / П. Ф. Кузнецов // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

17. Кузнецов, П. Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита — бронзового века юга лесостепного Поволжья / П. Ф. Кузнецов // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996.

18. Кузнецов, П. Ф. О роли культур Южного Урала в культурогенезе поздней бронзы / П. Ф. Кузнецов // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.

19. Кузнецов, П. Ф. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы / П. Ф. Кузнецов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

20. Кузьмина, О. В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье / О. В. Кузьмина. Самара, 1992.

21. Кузьмина, О. В. Абашевская культура в Самарском Поволжье / О. В. Кузьмина // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

22. Кузьмина, О. В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы / О. В. Кузьмина // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

23. Кузьмина, О. В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа / О. В. Кузьмина // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

24. Кузьмина, О. В. Керамика абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Вестник археологии Поволжья. Вып. I. Самара, 1999.

25. Кузьмина, О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) археол. изыскания. Вып. 63. СПб., 2000.

26. Моргунова, Н. Л. Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье / Н. Л. Моргунова, М. В. Халяпин // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

27. Мочалов, О. Д. Сравнительный анализ керамики погребений приуральской абашевской культуры и керамических комплексов конца средней — начала поздней бронзы Волго-Уралья и Зауралья. О роли абашевских древностей в культурогенезе / О. Д. Мочалов // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.

28. Нелин, Д. В. Культурная принадлежность Мало-Кизыльского селища: история проблемы / Д. В. Нелин // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

29. Обыденнов, М. Ф. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале / М. Ф. Обыденнов, В. С. Горбунов, Л. И. Муравкина. Уфа, 2001.

30. Пряхин, А. Д. Абашевская культура / А. Д. Пряхин, А. Х. Халиков // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

31. Сальников, К. В. Абашевская культура на Южном Урале / К. В. Сальников // Сов. археология. 1954. Т. XXI.

32. Сальников, К. В. К истории древней металлургии на Южном Урале (Металлургия абашевских племён) / К. В. Сальников // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1962.

33. Сальников, К. В. Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников. М., 1967.

34. Смолин, В. Ф. Абашевский могильник в Чувашской Республике (очерк археологических раскопок в 1925 г.) / В. Ф. Смолин. Чебоксары, 1928.

35. Ткачёв, В. В. Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней — начала поздней бронзы в степном Приуралье / В. В. Ткачёв // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002.

36. Ткачёв, В. В. Памятники абашевской культуры в Степном Приуралье / В. В. Ткачёв // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

37. Ткачёв, В. В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы (по материалам погребальных памятников) автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Ткачёв. Воронеж, 2003.

38. Трифонов, В. А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии / В. А. Трифонов // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996.

39. Трифонов, В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур энеолита — бронзы Северного Кавказа / В. А. Трифонов // Между Европой и Азией: Кавказ в IV—I тыс. до н. э. СПб., 1996.

40. Халяпин, М. В. Некоторые вопросы изучения памятников конца эпохи средней — начала эпохи поздней бронзы Степного Приуралья / М. В. Халяпин // Диалог культур и цивилизаций. Тобольск, 2002.

41. Халяпин, М. В. Новые абашевские материалы из Оренбуржья / М. В. Халяпин // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.

42. Халяпин, М. В. О южной границе распространения уральской абашевской культуры / М. В. Халяпин // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.

43. Халяпин, М. В. Памятники эпохи средней бронзы Южного Приуралья (по материалам Оренбуржья) / М. В. Халяпин // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов н/Д, 1998.

44. Халяпин, М. В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в Степном Приуралье / М. В. Халяпин // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

45. Черных, Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е. Н. Черных // Материалы и исслед. по археологии. 1970. № 172.

46. Anthony, D. W. Birth of the chariot / D. W. Anthony, N. B. Vinogradov // Archaeology. An Official Publication of the Archaeological Institute of America. 1995. Vol. 48, № 2.

47. Bortvin, B. B. The Verkhny-Kizil Find / B. B. Bortvin // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. III.

А. А. Хохлов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА НОСИТЕЛЕЙ СИНТАШТИНСКО-ПОТАПОВСКОГО КРУГА КУЛЬТУР¹

Палеоантропологический материал из погребальных памятников, относящихся к синташтинскому кругу культурных образований, заметно уступает археологическому. Из зауральских материалов опубликованы антропологические выборки могильников Большекараганский, курган 25 [7; 23] и Кривое Озеро [11].

Большекараганская серия исследовалась в основном на предмет демографической структуры и диетологических наклонностей населения, оставившего данный могильник. Небольшой краниологический материал был охарактеризован автором [23] как в целом долихокраний, с широким и не очень высоким лицом — протоевропеоидный. Признаки монголоидности при этом не обнаружены. В отношении могильника Кривое Озеро Г. В. Рыкушина на основе демографических и патологических показателей предложила идею о пришлое характере группы, оставившей данный могильник. Краниологический материал был представлен автором только в типологическом осмыслении, характеризовался каждый череп. Автор отмечает неоднородность серии, наличие в ней как европеоидных черепов, так и отдельных европеоидных с экваториальными особенностями. Судя по приведённым автором средним метриче-

ским показателям, эта серия, также как и большекараганская, характеризуется долихокранией, широким и средневысоким лицевым отделом. Однако в силу крайней выборочности обеих сравниваемых серий, а также индивидуальных данных такое сходство далеко от абсолютного.

Большой по численности и качеству палеоантропологический материал, относящийся к синташтинскому кругу памятников, происходит из курганных могильников лесостепного Волго-Уралья (Потаповка I, Утёвка VI), которые именуются как «потаповские» [2]. Этим находкам неоднократно уделялось внимание в антропологических работах [12; 14; 17–18; 20–22]. Основным выводом публикаций был тезис о гетерогенности населения, создавшего эти могильники.

Дополнительные материалы были получены в ходе исследований отдельных погребений памятников Южного Урала (Танаберген II, Казахстан; Буланово I, Оренбургская обл.) и лесостепного Волго-Уралья (Грачёвка II, 3/9, 5/3, Самарская обл.).

По результатам исследований всех этих материалов можно сделать следующие выводы:

В целом краниология названных памятников достаточно резко выделяется от имеющегося массива данных, относящегося как к ранее оформившимся вол-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 08-06-00136а, гранта РГНФ 08-01-00359а.

го-уральским и зауральским культурам (полтавкинской и абашевской), так и к более поздним (срубной и алакульской). Первостепенным отличием является значительный краниологический полиморфизм каждой из серий, фиксируемый как визуально, так и с использованием приёмов биометрического анализа.

Судя по средним характеристикам, данные подборки представляются в целом как европеоидные. Однако, наряду с типично европеоидными по характеристикам черепами, практически в каждой из них, за исключением, пожалуй, большекараганской, присутствуют представители другого расового подразделения, а именно уралоидного. Средние характеристики показывают лишь на доминирование в потаповско-синташтинских сериях черепов с типично европеоидной структурой, но и они не выглядят однородными. В некоторых сериях доминирует мезокранный, широколицый европеоидный вариант (Потаповка I, Утёвка VI), в других долихокранный, широколицый (Большекараганский), при этом в тех и других обязательно присутствуют также европеоидные черепа с тенденцией к лептоморфии. Доля таких узкосложённых черепов увеличена в серии Кривое Озеро и очевидно доминирует в совокупных выборках Танаберген II, Восточно-Курайлинский I (петровская культура).

В досинташтинское время мезокранные и долихокранные с широким лицевым отделом европеоидные черепа достаточно хорошо представлены среди лесостепных и степных краниологических серий Восточной Европы — ямной и полтавкинской средневожских, поздняямной приуральской (илекская группа), катакомбной донской. За пределами Восточной Европы долихокранный широколицый

вариант распространён среди серий афанасьевской культуры Горного Алтая. Черепа такого типа в качестве отдельных находок обнаруживаются (и могут быть обнаружены) в дальнейшем в относительно синхронных сериях других культур (например, абашевской) и из других регионов.

Риторический вопрос о происхождении основной части носителей синташтинской культуры напрямую от мигрировавшего населения из областей Передней Азии на имеющихся палеоантропологических материалах решён быть не может. Подавляющее большинство известного краниологического материала, происходящего из этого региона и Средней Азии древних эпох, демонстрирует черты в вариациях так называемого средиземноморского антропологического типа. Среди переднеазиатских серий зафиксирован мезо-брахикранный европеоидный вариант, но при узкосложённости лицевого отдела (анатолийский по: Каппиери, 1965; Гинзбург, Трофимова, 1972) и, напротив, имеется широколицый, долихокранный вариант, так называемый палестинский (по: Каппиери, 1965; Гинзбург, Трофимова, 1972). Этот последний вариант для нашей проблематики интереснее. Тем не менее вопрос о морфологических соответствиях между антропологическими материалами синташтинско-потаповских древностей и географически далёкими синхронными материалами Передней Азии, если таковые отчасти и обнаруживаются, пока следует оставить открытым. Вероятно, что истоки широколицых европеоидов синташтинско-потаповского круга культур следует искать не в одной антропологической конгломерации и что они происходят от разных генетических компонентов.

Также сложно подыскать отчётливые морфологические аналогии синташтинско-потаповским черепам с относительно лептоморфным строением. Большинство из них не идентично так называемому средиземноморскому типу. На мой взгляд, их можно в целом отнести к южноевропеоидному комплексу — понятию более широкому, включающему в себя как настоящие средиземноморские варианты, так и их модифицированные — адаптивно и социально к степным евразийским территориям — комплексы. Известно, что юноевропеоидные варианты начинают доминировать в волгоуральских и южноуральских степях в постсинташтинское время, в частности, в носителях покровской и алакульской культур.

Вторая половина краниологической совокупности синташтинско-потаповского круга памятников, представленная черепами так называемого уралоидного типа, численно меньшая. Характеристикой этого комплекса(ов) следует назвать преимущественно средние или небольшие размеры черепа, брахи- или долихокранию, умеренно профилированный лицевой отдел нередко со слабо выступающими носовыми костями и при наличии верхнечелюстного прогнатизма. Черепа с близкими характеристиками хорошо известны с территорий Приуралья и Зауралья из ряда погребальных памятников, относящихся к досинташтинскому времени. Древнеуральский комплекс фиксируется здесь как минимум с эпохи неолита [17; 19]. Компоненты этого, в некотором роде единого, антропологического пласта составили антропологическую основу для развития ряда лесных приуральских и зауральских культур. В период, непосредственно предшествующий синташтинскому, они представлены в антро-

пологических материалах абашевской культуры (Пепкинский курган, Чуракайский могильник), балановской, ботайско-терсекской (Ботай), в единичных случаях в полтавкинской и позднеймной культурах Волго-Уралья. К сожалению, ничего нельзя сказать о носителях вольско-лбищенской культуры — пригодные для такого анализа антропологические материалы отсутствуют. Интересно также, что уралоидные черепа в синташтинско-потаповских сериях преимущественно женские. Это подсказывает специфику сложения населения, оставившего данные могильники [21].

Разные по соотношению доли антропологических компонентов в каждой из серий синташтинско-потаповского круга культур определяют их политику — определённые различия серий на межгрупповом уровне, и это также можно причислить к отличительной особенности данных территориально-хронологических групп.

Синташтинско-потаповскую суммарную краниологическую серию можно увеличить за счёт детских черепов. Привлечение таких объектов для морфологических описаний в палеоантропологии крайне редко и нетрадиционно. Между тем хорошо известно, что детские черепа являются вполне определёнными носителями конкретных расовых черт, порой даже в пределах расовых комплексов второго порядка. Во многом это зависит от возрастной категории человека. Чем старше индивид, тем, соответственно, отчётливее его морфологические наклонности, в том числе и на черепе.

В результате реставрации были получены 14 черепов детского и подросткового возраста: восемь из могильника Потаповка I и шесть из могильника Утёвка VI (табл. 1, 3). Визуальное их рассмотрение и сравнение с черепами взрослых людей

Детские черепа могильника Потаповка I

Признак		К. 1, п. 5	К. 2, п. 3	К. 5, п. 8, ск. 2	К. 5, п. 4, ск. 1	К. 5, п. 4, ск. 2	К. 5, п. 11, ск. 1	К. 5, п. 11, ск. 3	К. 5, п. 15
		6-7 лет	7-9 лет	7-8 лет	6-7 лет	5-7 лет	2,5-5 лет	7-9 лет	5-7 лет
1	продольный диаметр	-	172,0	180,0	179,0	173,0	162,0	166,0	173,0
8	поперечный диаметр	-	148,0	132,0	128,0	136,0	126,0	123,0	144,0
8/1	черепной указатель	-	86,0	73,3	71,5	78,6	77,8	74,1	83,2
17	высотный диаметр	-	128,0	133,0	134,0	136,0	-	126,0	121,0
20	ушная высота	-	115,0	115,7	112,1	123,0	-	103,8	107,8
5	длина осн. черепа	-	93,0	100,0	94,0	97,0	-	93,0	84,0
9	наим. ширина лба	100,0	99,0	95,4	92,0	93,0	83,0	86,0	96,0
10	наиб. ширина лба	-	124,0	117,0	109,0?	113,0	106,0?	104,0	114,0
11	ширина осн. черепа	-	112,0	113,0	108,0	105,0	92,0	98,6	108,0
12	ширина затылка, мм	-	111,0	105,0	100,0	104,0	-	97,0	117,0
25	сагиттальная дуга	-	-	371,0	363,0	365,0	-	336,0	-
26	лобная дуга	-	-	133,0	124,0	128,0	-	120,0	-
27	теменная дуга	-	-	121,0	122,0	127,0	112,0	124,0	-
28	затылочная дуга	-	-	117,0	117,0	110,0	112,0	91,0	-
29	лобная хорда	-	-	117,0	108,0	111,0	105,5	105,4	105,0
30	теменная хорда	-	-	112,5	112,0?	113,8	102,6	110,0	116,5
31	затылочная хорда	-	-	95,5	100,0?	91,5	92,0	81,3	104,7
40	длина осн. лица	-	90,0	91,0	65,0	91,1	-	88,8	84,1
43	верхняя ширина лица	102,0	101,0	98,0	94,0	93,9	86,0?	90,8	96,5
45	скуловой диаметр	-	115,0	120,0?	107,0	110,0	-	107,7	108,0
46	средняя ширина лица	-	88,0	88,8	79,7	80,5?	-	80,4	81,5
47	полная высота лица	109,0	89,0	100,0	96,3	97,7	87,5	100,0	94,8
48	верхняя высота лица	64,0	53,0	61,2	60,0	58,2	55,0	60,3	56,5
51	ширина орбиты	-	-	40,5	39,6	38,2	-	36,6	38,9
51a	ширина орбиты от d	-	-	38,5	-	-	-	34,7	
52	высота орбиты, мм	34,0	32,0	30,7	33,4	30,3	30,0	32,0	31,7
54	ширина носа	26,0	22,0	20,0	21,1	22,3	18,7	20,0	20,6
55	высота носа	46,8	40,2	44,5	39,7	43,5	37,0?	43,4	41,8
60	длина альвеол. дуги	-	-	46,0	40,9	40,0	35,0	45,0	-
61	шир. альвеол. дуги	-	-	64,0	57,6	58,0	51,5?	56,0	-
62	длина нёба	-	-	40,0	37,6	34,3	-	37,3	-

Окончание табл. 1

Признак		К. 1, п. 5	К. 2, п. 3	К. 5, п. 8, ск. 2	К. 5, п. 4, ск. 1	К. 5, п. 4, ск. 2	К. 5, п. 11, ск. 1	К. 5, п. 11, ск. 3	К. 5, п. 15
		6-7 лет	7-9 лет	7-8 лет	6-7 лет	5-7 лет	2,5-5 лет	7-9 лет	5-7 лет
63	ширина нёба	-	-	-	31,0	30,0?	-	34,2	-
sc	симотическая ширина	11,5	7,0	10,0	8,0	9,9	9,8	8,3	-
ss	симотическая высота	3,6	1,9	3,8	2,7	3,0	3,0	2,7	-
mc	максиллофр. ширина	-	-	-	19,0	18,5	17,0	15,2	-
ms	максиллофр. высота	-	-	-	6,4	7,5	7,5	6,4	-
dc	дакриальная ширина	-	-	-	-	-	-	16,0	-
ds	дакриальная высота	-	-	-	-	-	-	10,0	-
FC	глубина клыковой ямки	3,0	3,2	5,1	1,2	8,0	2,9	0,8	-
Sub. NB	высота изгиба лба	-	-	29,0	26,8	29,6	28,4	24,7	-
	высота изгиба затылка	-	-	28,7	26,2	26,6	22,3	19,5	-
32	наклон лба, °	-	96,0	87,0	93,0	100,0	98,0	96,0	-
GM/FH	профиля лба от g., °	-	91,0	85,0	86,0	91,0			-
72	общелицевой, °	-	86,0	93,0	89,0	88,0	92,0	84,0	-
73	среднелицевой, °	-	86,0	96,0	-	90,0	-	87,0?	-
74	альвеолярной части, °	-	80,0	-	-	80,0	-	78,0	-
75	у. наклона носовых костей, °	-	62,0	71,0	67,0	62,0	69,0	56,0	-
75(1)	выступания носа, °	-	24,0	22,0	22,0	26,0	23,0	30,0	-
77	назомаллярный, °	-	146,0	133,0	131,0	138,0	140,0?	141,0	137,0
zm	зигомаксиллярный, °	-	127,0	124,0	116,0	122,0	123,0?	120,0	126,0
65	мышцелковая ширина	-	-	108,3	91,7	104,0	87,0	96,7	-
66	угловая ширина	-	-	90,8	79,2	85,0	73,0	78,7	-
67	передняя ширина	-	-	44,8	41,6	43,5	38,0	43,3	-
69	высота симфиза	-	-	25,6	26,3	26,3	24,0	30,0	-
69(1)	высота тела	-	-	25,5	24,4	25,0	22,5	29,0	-
71a	наим. ширина ветви	-	-	32,7	28,5	33,0	-	32,8	-

Трансформированные во «взрослые» детские черепа могильника Потаповка I

Признак		К. 1, п. 5	К. 2, п. 3	К. 5, п. 8, ск. 2	К. 5, п. 4, ск. 1	К. 5, п. 4, ск. 2	К. 5, п. 11, с. 1	К. 5, п. 11, ск. 3	К. 5, п. 15
1	продольный диаметр	-	186,9	195,0	196,0	189,4	188,4	180,4	189,4
8	поперечный диаметр	-	153,7	137,1	134,1	142,6	139,2	127,8	150,9
17	высотный диаметр	-	134,0	139,0	143,2	145,4	-	131,9	129,3
20	ушная высота	-	128,0	130,6	126,0	138,1	-	115,6	121,0
5	длина осн. черепа	-	106,0	117,0	110,0	113,6	-	106,5	99,0
9	наим. ширина лба	111,6	104,7	100,7	100,5	101,5	98,5	90,8	104,8
10	наиб. ширина лба	-	130,0	123,0	115,0?	119,2	117,0?	108,7	121,0
11	ширина осн. черепа	-	126,0	130,3	125,0	121,3	126,0	110,5	125,0
12	ширина затылка	-	117,0	111,0	106,0	110,0?	126,0	102,6	124,0
40	длина основания лица	-	107,0	113,5	81,3	114,1	-	106,0	107,0
43	верхняя ширина лица	119,0	114,0	114,0	109,7	109,6	110,0?	102,8	113,0
45	скуловой диаметр	-	135,6	138,3?	130,1	133,8	-	127,0	131,3
46	средняя ширина лица	-	106,0	111,0	101,0	101,4	-	96,8	105,0
47	полная высота лица	150,9	116,7	131,1	133,3	135,3	139,0	131,0	132,4
48	верхняя высота лица	85,4	67,0	77,4	76,3	74,1	77,3	76,3	71,9
51	ширина орбиты	-	-	44,5	45,7	44,2	-	40,2	44,9
52	высота орбиты	35,6	33,6	32,2	36,8	33,4	35,2	33,6	34,9
54	ширина носа	32,9	25,8	23,5	25,4	26,8	24,5	23,5	24,8
55	высота носа	60,9	51,1	54,7	52,1	57,1	57,2	55,1	54,8
sc	симотическая ширина	12,3	7,5	10,8	8,6	10,7	10,7	8,9	-
ss	симотическая высота	6,6	3,4	7,8	4,9	5,6	6,3	4,8	-
72	общилицевой, °	-	81,8	88,4	84,4	83,4	88,6	79,9	-
75(1)	выступания носа, °	-	31,8	29,2	30,8	36,4	31,6	39,8	-
77	назомаллярный, °	-	146,2	133,2	131,0	139,1	142,2?	141,2	138,0
zm	зигомаксиллярный, °	-	125,5	123,6	118,0	124,0	123,0?	119,6	128,0
8/1	черепной	-	82,2	70,3	68,4	75,3	73,9	70,8	79,7
17/1	высотно-продольный	-	71,7	71,3	73,1	76,7	-	73,1	68,3
17/8	высотно-поперечный	-	87,2	101,4	106,7	101,9	-	103,2	85,7
20/1	высотно-продольный от р.	-	68,5	66,9	64,3	72,9	-	64,1	63,9
20/8	высотно-поперечный от р.	-	83,3	95,3	93,9	96,8	-	90,5	80,1

Окончание табл. 2

Признак		К. 1, п. 5	К. 2, п. 3	К. 5, п. 8, ск. 2	К. 5, п. 4, ск. 1	К. 5, п. 4, ск. 2	К. 5, п. 11, с. 1	К.5, п. 11,ск.3	К. 5, п. 15
9/8	лобно-поперечный	-	68,1	73,5	74,9	71,2	70,8	71,0	69,4
9/43	фронтально-поперечный,	93,8	91,8	88,3	91,6	92,6	89,5?	88,3	92,7
40/5	выступания лица	-	100,9	97,0	73,9	100,4	-	99,5	108,0
48/45	верхнелицевой	-	49,4	55,9?	58,6	55,4	-	60,1	54,8
47/45	общелицевой	-	86,1	94,8?	102,4	101,1	-	103,1	100,8
52/51	орбитный	-	-	72,4	80,5	75,6	-	83,6	77,7
54/55	носовой	53,7	50,5	42,9	48,8	46,9	42,8	42,6	45,3
ss/sc	симотический	53,7	45,3	72,2	57,0	52,3	58,9	53,9	-
65	мышцелковая ширина	-	-	126,7	110,1	124,9	117,8	113,1	-
66	угловая ширина	-	-	112,0	101,9	109,3	105,8	97,1	-
69	высота симфиза	-	-	36,2	38,5	38,5	37,0	42,4	-
69(1)	высота тела	-	-	34,4	36,2	37,1	41,3	41,8	-
71a	наименьшая ширина ветви	-	-	39,3	35,3	40,9	-	39,4	-

Таблица 3

Детские черепа могильника Угёвка VI

Признак		К. 6, п. 2, ск. 2	К. 6, п. 2, ск. 5	К. 6, п. 3	К. 6, п. 4	К. 6, п. 12	К. 6, п. 11
		13-15 лет	6-7 лет	6-7 лет	12-13 лет	6-7 лет	10 лет
1	продольный диаметр	188,0	177,0	176,0	181,0	170,0	176,0?
8	поперечный диаметр	130,0	123,0	131,0	137,0	128,0	128,0
8/1	черепной	69,1	69,5	74,4	75,7	75,3	72,7?
17	высотный диаметр	137,0	124,0	-	145,0	132,0	140,0?
20	ушная высота	119,5	105,0	120,0	122,0	114,0	120,4
5	длина осн. черепа	106,0	90,0	-	105,0	90,0	104,0?
9	наим.ширина лба	95,0	87,0	98,0	93,0	87,0	84,3?
10	наибольшая ширина лба	110,0	-	124,0	115,0	-	101,0
11	ширина осн. черепа	111,0	108,0	107,0	117,0	102,0	112,0?
12	ширина затылка	106,0	102,0	-	110,0	98,0	101,0
25	сагиттальная дуга	368,0	357,0	359,0?	379,0	350,0	369,0
26	лобная дуга	119,0	113,0	124,0?	125,0	120,0	125,0
27	теменная дуга	121,0	126,0	133,0	137,0	130,0	124,0
28	затылочная дуга	128,0	118,0	102,0	117,0	10,0	120,0
29	лобная хорда	106,0	103,0	-	111,0	102,0	108,5
30	теменная хорда	116,0	113,5?	120,0	121,0	115,0?	113,0
31	затылочная хорда	102,0	99,0	90,0	97,0	93,0	106,0

Признак		К. 6, п. 2, ск. 2	К. 6, п. 2, ск. 5	К. 6, п. 3	К. 6, п. 4	К. 6, п. 12	К. 6, п. 11
		13-15 лет	6-7 лет	6-7 лет	12-13 лет	6-7 лет	10 лет
40	длина основания лица	102,0	87,0	90,0	101,0	-	-
43	верхняя ширина лица	100,0	90,0	97,5	99,0	87,0	90,0
45	скуловой диаметр	127,0	105,0	109,0	124,0	98,0	111,5
46	средняя ширина лица	90,0	80,0	82,0	95,0	-	84,0??
47	полная высота лица	104,0	93,0	95,0	-	86,0	91,5
48	верхняя высота лица	66,0	57,0??	62,0??	72,0?	-	55,0
51	ширина орбиты	40,9	37,2	37,4	39,6	34,5	36,0?
51a	ширина орбиты от d	38,3	35,9	43,2	38,3	34,0	-
52	высота орбиты	30,9	30,3	35,4	34,8	29,8	30,3
54	ширина носа	21,3	20,7	18,2	24,6	15,6	23,8
55	высота носа	49,4	40,3	43,4??	50,0	-	40,5
60	длина альвеол. дуги	50,0	41,0	43,0	-	-	-
61	ширина альвеол. дуги	63,0	55,5	58,5	69,0	47,0	-
62	длина нёба	42,2	35,0	36,2		-	-
63	ширина нёба	37,0	-	-	41,0	-	-
sc.	симотическая ширина	10,0	9,6	-	9,6	-	7,3
ss.	симотическая высота	5,8	4,3	-	4,7	-	3,2
mc.	максиллофр. ширина	-	15,7	-	18,7	-	-
ms.	максиллофр. высота	-	6,4	-	8,8	-	-
dc.	дакриальная ширина	-	-	-	19,0	-	-
ds.	дакриальная высота	-	-	-	13,1	-	-
FC.	глуб. клыковой ямки	2,0	1,9	2,6	3,5	-	4,0
Sub. NB	высота изгиба лба	22,3	21,8		24,8	24,8	26,2
	высота изгиба затылка	30,5	26,6	20,0	25,0	23,5	25,0
32	наклоналба, °	87,0	79,0	-	86,0	-	-
GM/FH	профиля лба от g, °	84,0	75,0	-	83,0	-	-
72	общелицевой, °	87,0	79,0??	-	81,0?	-	-

Окончание табл. 3

Признак		К. 6, п. 2, ск. 2	К. 6, п. 2, ск. 5	К. 6, п. 3	К. 6, п. 4	К. 6, п. 12	К. 6, п. 11
		13-15 лет	6-7 лет	6-7 лет	12-13 лет	6-7 лет	10 лет
73	среднелицевой, °	92,0	85,0	-	88,0	-	-
74	альвеолярной части, °	72,0	65,0?	72,0??	65,0	-	прогн.
75	у. наклона носовых костей, °	62,0	60,0	-	59,0	-	-
75(1)	выступания носа, °	25,0	19,0??	-	22,0?	-	24,0
77	назомаллярный	130,0	138,0	-	137,0	127,0	134,0?
zm	зигомаксиллярный	122,0	125,0	-	123,0		125,0?
65	мышцелковая ширина	107,0	89,0	97,0	-	84,0	100,0
66	угловая ширина	87,0	80,0	89,0	-	79,0	83,0
67	передняя ширина	42,0	43,0	41,0	-	43,0	41,0?
69	высота симфиза	28,0	24,0	25,0	-	25,0?	25,2
69(1)	высота тела	26,0	25,0	24,0	-	23,0	25,0
71a	наименьшая ширина ветви	31,0	29,0	27,0	-	28,0	32,0
C	у. выступа подбородка, °	64,0	75,0	-	-	64,0	74,0

Таблица 4

Трансформированные во «взрослые» детские черепа могильника Утёвка IV

Признак		К. 6, п. 2, ск. 2	К. 6, п. 2, ск. 5	К. 6, п. 3	К. 6, п. 4	К. 6, п. 11	К. 6, п. 12
1	продольный диаметр	189,9	194,0	193,0	190,0	187,8	186,2
8	поперечный диаметр	134,8	129,0	137,2	139,0	132,9	134,1
17	высотный диаметр	140,1	132,5	-	149,0	147,8?	141,1
20	ушная высота	130,3	-	-	133,7	133,4	128,0
5	длина основания черепа	112,0	-	-	112,1	116,4?	105,4
9	наим. ширина лба	97,1	95,0	107,0	95,7	87,6?	95,0
10	наиб. ширина лба	111,9	-	-	117,2	104,6	-
11	ширина осн. черепа	116,6	-	-	123,4	121,7	117,8
12	ширина затылка	107,1	-	-	111,3	106,8	103,7
40	длина осн. лица	108,1	-	-	108,4	-	-
43	верхняя ширина лица	106,0	105,1	113,8	105,5	98,7	101,6
45	скуловой диаметр	137,0	125,6	130,3	134,3	129,7	118,3
46	средняя ширина лица	98,2	-	-	105,2	96,3??	-

Признак		К. 6, п. 2, ск. 2	К. 6, п. 2, ск. 5	К. 6, п. 3	К. 6, п. 4	К. 6, п. 11	К. 6, п. 12
47	полная высота лица	128,9	-	-	-	113,3	115,9
48	верхняя высота лица	74,4	72,5??	78,9??	81,3?	70,0	-
51	ширина орбиты	41,9	43,0	43,2	40,9	39,3	39,9
52	высота орбиты	31,9	33,4	39,0	36,8	31,7	32,8
54	ширина носа	23,7	24,9	21,9	26,6	28,2	18,8
55	высота носа	54,8	52,9	57,0	56,9	48,6	-
sc	симотическая ширина	10,4	-	-	10,2	7,8	-
ss	симотическая высота	7,1	-	-	6,2	5,6	-
72	общелицевой, °	84,4	-	-	-	-	-
75(1)	выступания носа, °	30,2	-	-	26,7	31,9	-
77	назомаллярный, °	131,7	-	-	139,0	134,0?	128,0
8/1	черепной	71,0	66,5	71,1	73,2	70,8	72,0
17/1	высотно-продольный	73,8	68,3	-	78,4	78,7?	75,8
17/8	высотно-поперечный	103,9	102,7	-	107,2	111,2?	105,2
20/1	высотно-продольный от р.	68,6	-	-	70,4	71,0	68,7
20/8	высотно-поперечный от р.	96,7	-	-	96,2	100,4	95,5
9/8	лобно-поперечный	72,0	73,6	78,0	68,8	65,9?	70,8
9/43	фронтно-малярный	91,6	90,4	94,0	90,7	91,2	93,5
40/5	выступание лица	96,5	-	-	96,7	-	-
48/45	верхнелицевой	54,3	57,7	60,6??	60,5?	-	-
47/45	общелицевой	94,1	-	-	-	87,4	98,0
52/51	орбитный	76,1	77,7	90,3	90,0	80,6	82,2
54/55	носовой	43,2	47,1	38,4	46,7	58,0	-
ss/sc	симотический	68,3	-	-	60,8	71,8	-
65	мышцелковая ширина	116,2	-	-	-	113,8	100,9
66	угловая ширина	96,9	-	-	-	98,2	101,6
69	высота симфиза	30,6	-	-	-	34,3	36,6
69(1)	высота тела	31,3	-	-	-	34,8	34,1
71a	наименьшая ширина ветви	33,5	-	-	-	37,5	34,7

**Некоторые краниологические серии Волго-Уралья переходного периода
от средней к поздней бронзе**

Признак	Потаповка I				Утёвка VI				Спиридоновка II	
	Потаповский культурный тип		Синташтинско-потаповский культурный тип		Синташтинско-потаповский культурный тип		Синташтинско-потаповский культурный тип		Покровская культура	
	Мужчины	Дети	Женщины	Мужчины	Дети	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1	185,5/8	189,4/7	180,2/4	184,8/4	190,2/6	174,5/2	191,9/15	183,4/16		
8	142,1/7	140,8/7	140,1/4	140,5/4	134,5/6	139,0/2	135,5/15	134,2/15		
17	138,7/7	137,2	133,0/3	140,3/4	142,1/5	139,0/2	141,9/9	135,7/14		
20	115,4/6	126,6/6	112,0/3	118,3/4	131,4/5	116,0/2	118,2/15	114,6/15		
5	106,3/7	108,7/6	103,5/3	108,5/4	111,8/4	99,5,0/2	109,3/9	105,1/14		
9	98,6/8	101,6/8	99,6/4	97,3/3	96,2/6	94,3/2	99,1/15	93,8/15		
11	123,2/5	123,4/7	119,0/4	129,0/3	119,9/4	120,5/2	121,5/15	117,9/13		
12	114,3/7	113,8/7	110,3/4	109,7/3	107,2/4	102,0/2	109,7/14	105,6/12		
40	102,0/5	104,8/6	99,9/3	106,4/3	108,3/2	94,0/2	102,1/9	101,1/14		
43	109,2/6	111,7/7	109,8/3	109,8/3	105,1/6	106,2/2	107,6/15	101,4/15		
45	136,2/5	131,6/5	133,0/3	139,8/3	129,2/6	129,0/2	131,3/13	122,4/11		
46	93,5/5	103,5/6	101,0/2	98,3/3	101,7/2	91,2/2	90,5/10	90,8/11		
47	119,3/5	133,7/8	107,8/2	127,1/3	119,4/3	113,1/2	120,4/14	110,7/14		
48	71,0/6	75,7/8	68,6/2	72,5/3	75,2/3	69,4/2	72,8/14	67,7/15		
51	43,4/6	43,9/5	43,3/3	43,1/3	41,4/6	40,7/2	43,0/11	41,5/11		
52	32,2/7	34,4/8	34,2/3	32,1/3	34,3/6	32,8/2	32,8/10	33,3/12		

Признак	Потаповка I				Утёвка VI				Спиридоновка II	
	Потаповский культурный тип		Синташтинско-потаповский культурный тип		Утёвский культурный тип		Синташтинско-потаповский культурный тип		Покровская культура	
	Мужчины	Дети	Женщины	Женщины	Мужчины	Дети	Женщины	Мужчины	Женщины	
54	23,5/7	25,9/8	23,7/2	23,8/2	24,5/3	24,0/6	23,8/2	23,4/13	23,5/15	
55	51,8/6	55,4/8	51,1/2	49,3/2	49,8/3	53,3/4	49,3/2	51,8/14	49,6/15	
sc	8,3/6	9,9/7	10,0/3	6,9/2	8,9/4	9,5/3	6,9/2	7,3/13	8,0/13	
ss	5,0/6	5,6/7	4,6/3	3,8/2	5,0/4	6,3/3	3,8/2	5,4/14	5,0/14	
32	81,5/6	-	83,0/3	88,5/2	79,0/3	-	88,5/2	80,5/15	82,7/15	
GM/ FH	78,3/6	-	78,7/3	84,0/2	71,3/3	-	84,0/2	73,1/15	78,1/15	
33(4)	121,9/7	-	125,0/3	-	117,7/3	-	-	123,6/7	120,3/12	
72	85,2/6	84,4/6	86,5/2	84,8/2	83,4/3	84,4/1	84,8/2	86,5/14	84,8/15	
74	73,3/6	-	72,0/2	72,0/2	74,0/3	-	72,0/2	74,9/14	72,2/13	
75(1)	31,7/6	33,3/6	28,5/2	26,5/2	37,5/3	29,6/3	26,5/2	32,8/13	31,8/14	
77	138,3/6	138,7/7	138,0/3	144,5/2	138,3/3	133,2/4	144,5/2	133,6/15	135,7/15	
zm	126,4/5	-	134,2/2	126,0/2	124,7/3	-	126,0/2	120,1/14	120,6/10	
8/1	76,8/7	74,4/7	77,8/4	79,6/2	76,3/4	70,8/6	79,6/2	70,7/15	73,3/15	
17/1	75,0/7	72,4	75,0/3	79,6/2	75,9/4	75,0/5	79,6/2	74,6/9	74,3/14	
17/8	97,8/7	97,7	96,6/3	100,4/2	100,2/4	106,1/5	100,4/2	103,4/9	101,5/14	
20/1	62,7/5	57,2	63,2/3	66,5/2	64,1/4	69,7/4	66,5/2	61,6/15	62,6/15	

Признак	Потаповка I				Утёвка VI				Спиридоновка II	
	Потаповский культурный тип				Синтагинско-потаповский культурный тип				Покровская культура	
	Мужчины	Дети	Женщины		Мужчины	Дети	Женщины		Мужчины	Женщины
20/8	82,0/5	77,1	81,2/3		84,3/4	97,2/4	83,8/2		87,2/15	85,5/15
9/8	68,7/7	71,3	71,2/4		69,5/3	71,5/6	67,9/2		73,1/15	70,0/15
9/43	89,8/6	91,3	90,0/3		88,7/3	91,9/6	88,8/2		92,1/15	92,6/15
40/5	96,9/5	96,7	96,5/3		97,7/3	96,6/2	94,5/2		93,5/9	96,3/14
48/45	51,9/4	55,7	51,1/2		51,4/3	57,5/3	53,8/2		55,4/13	54,9/12
47/45	86,7/3	-	80,5/2		91,0/3	93,1/3	87,7/2		90,7/13	88,5/9
52/51	74,0/6	78,0	79,1/3		74,5/3	82,8/6	80,3/2		75,9/14	79,0/15
54/55	45,2/6	46,7	46,4/2		49,3/3	43,9/4	48,3/2		45,5/13	47,4/14
ss/sc	60,1/6	56,2/7	46,3/3		57,2/4	67,0/3	55,5/2		54,6/14	58,5/13
65	123,0/5	118,5/5	118,7/2		124,8/3	101,3/3	112,0/1		113,4/9	109,5/11
66	104,0/6	105,2/5	97,9/2		102,7/3	98,9/3	94,5/2		99,4/10	89,3/10
69	33,4/7	38,5/5	30,9/2		37,9/3	33,8/3	34,0/2		34,9/14	30,6/15
69(1)	33,3/7	38,2/5	32,1/2		38,7/3	33,4/3	34,2/2		32,3/14	30,5/12
71a	33,8/7	38,7/4	35,0/2		38,0/3	35,2/3	34,0/2		36,0/13	32,9/13

создавало необычное впечатление, на что прежде уже указывалось автором [18. С. 362]. Среди детских черепов имеются такие, которые морфологически напоминают краниокомплексы взрослых: мезокраний широколицый европеоидный и брахи-мезокраний, умеренно профилированный ураловидный. Вместе с тем на фоне черепов зрелых людей детские демонстрировали и альтернативные формы, в частности по черепному указателю. В Потаповском могильнике среди взрослых распределение по признаку брахи-кrania—мезокrania—долихокrania составило соотношение: 27,3 / 54,5 / 18,2 %. В детской выборке тенденции обратные: 50,0 / 16,7 / 33,4%. В Утёвском могильнике по тому же ряду показателей среди взрослых соотношение: 16,7 / 50,0 / 33,4%. Детская утёвская выборка, как и потаповская, показывает те же тенденции, но более резко. Причём здесь подавляющее доминирование долихокраних черепов (66,7 %), имеются мезо-субдолихокрание (33,3 %) и отсутствуют брахикрание. В данном сравнительном аспекте и конкретно для анализируемых групп можно, конечно, предположить, что в процессе созревания организма происходила бы постепенная брахицефализация. К этому следует заметить, что по материалам Волго-Уралья непосредственно последующим по времени фиксируется именно долихоцефализация населения. Нужно добавить, что среди детских черепов можно визуально выделить такие, безусловно, с поправкой на возраст, которые по совокупности черт напоминают южноевропейский тип. Причём не только среди черепов раннего детского периода, но и раннего подросткового, когда морфологические черты становятся более очевидными. Такой краниокомплекс, за исключением, пожалуй, одного дискуссионного случая (По-

таповка I, 5/13/1), на черепах взрослых практически не представлен. В качестве аннотации подчеркнём, что в нашем понимании южноевропейский тип — это вполне определённый набор черт, включающий в себя чаще долихокранию, высокий свод, приближение к лептоморфии и клиногнатии лицевого скелета, отчётливо высокое переносье.

Исходя из опыта собственных наблюдений следует также отметить, что в достаточно массово поступающих с территорий Волго-Уралья краниологических материалах разных исторических эпох, в том числе и эпохи бронзы, реставрированные детские черепа по строению обычно не выглядят антиподами черепов взрослых людей из тех же могильников.

Мы предприняли дальнейший анализ. Детские черепа были трансформированы в «условно взрослые» по коэффициентам возрастного перехода [1. С. 230–231]. Результаты продемонстрированы в табл. 2, 4. Провести на их основе отчётливую половую идентификацию сложно, хотя в отдельных случаях можно было бы попытаться это сделать. Были вычислены средние величины признаков, с целью установить общую тенденцию к тому или иному морфологическому комплексу (табл. 5) без акцента на пол. Безусловно, в первую очередь, ориентироваться нужно на показатели индексов и угловые размеры. В Потаповской серии усреднённые показатели «взрослой» детской выборки имеют ряд сходств отдельно как с мужской, так и с женской группами, в частности, по орбитному, носовому, симотическому указателям, назомлярному и общелицевому углу, высоте и ширине мозгового отдела и т. д. Обращают на себя внимание и отличия: долихокrania, более широкий лоб, более

узкое и высокое лицо, небольшая мышечковая ширина нижней челюсти, высокий симфиз и тело. По существу весь морфологический комплекс «взрослой» детской выборки уклоняется в сторону лептоморфного, высоколицевого, долихокранный краниологического типа, часто ассоциируемого с южноевропейским или даже конкретнее восточносредиземноморским вариантом. Аналогичное сравнение в утёвской серии выявляет ещё более ощутимое отличие «взрослой» детской усреднённой выборки. Здесь отчётливее долихокrania и общая лептоморфия, показательная клиногнатия лицевого отдела и высокое переносье. Комплекс черт, никак не сопоставимый с суммарным мужским — мезокранным широколицым — и суммарным женским — суббрахиокранным, умеренно профилированным. Отдельные примеры таких сопоставлений представлены на рисунке.

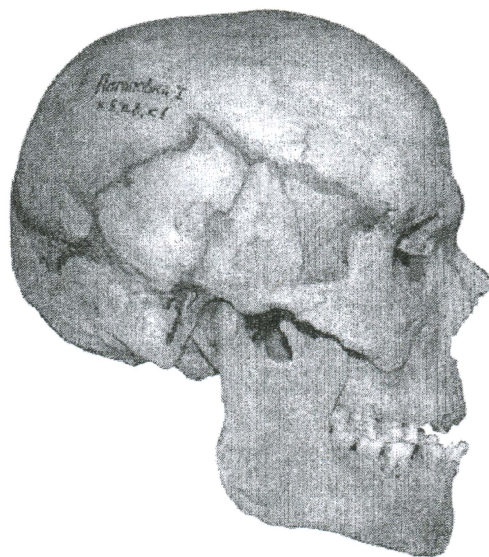
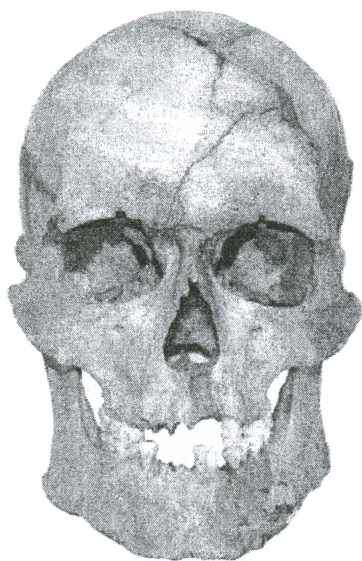
Несомненно, полученные результаты и их интерпретация дискуссионны, имеют множественное объяснение. Можно критично отнестись к численности сравниваемого материала, ненадёжности реконструктивных возможностей в смысле «выращивания» детских черепов, ненадёжности экстраполяции современных разработок в этой области к древним сериям. Можно высказать претензии к правильности определения возраста, случайности результата и т. д. Из всего перечисленного, пожалуй, наиболее серьёзным критическим аргументом является степень надёжности применяемых коэффициентов возрастного перехода и, в частности, их использования на древних материалах. Закономерности роста как отдельных признаков черепа, так и сцепленных друг с другом, тем более в смешанных популяциях, могли быть весьма специфическими.

Действительно, не очень правдоподобно выглядят полученные результаты по высотным характеристикам, в частности, по ушной высоте свода, верхней и полной высоте лица, высоте симфиза и тела нижней челюсти. Скорее, они завышены, абсолютизировать их нельзя.

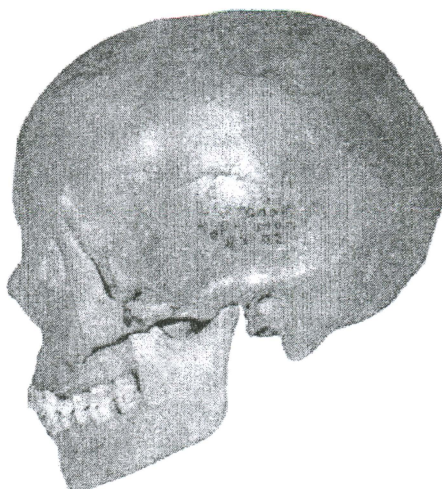
Если всё же полученный результат не случаен, если действительно в наблюдаемых отличиях детских черепов от черепов взрослых существует реальное зерно, как это можно объяснить и что получить в перспективе? С этой позиции можно также предложить разные альтернативные варианты:

1. Интересной представляется гипотеза А. П. Пестрякова [9]: при метисации двух сильно отличных друг от друга краниологических типов наблюдается резкое усиление ростовых процессов черепной коробки, подобно увеличению роста тела в расосмешанных популяциях, следствие так называемой гибридной силы организма. Гены, определяющие узкосложность, в силу каких-то причин оказываются чаще доминантными по отношению к генам или их совокупностям, определяющим широкосложность данного признака. При воздействии гибридной силы резко возрастает продольный диаметр. Появляются гипердолихокrania и даже ультрадолихокrania формы. Если принять гипотезу А. П. Пестрякова, то можно подумать о вероятном влиянии гибридной силы и на высотные показатели головы, в частности на увеличение высоты свода и лица. Как было отмечено выше, как потаповскую, так и утёвскую серии, именно среди взрослых действительно представляют достаточно резко различные антропологические компоненты. Однако среди них, судя по краниологической серии, составленной из черепов зрелых людей, почти нет узкосложных форм, которые могли бы на генетическом уровне

А

Б

В

Черепы синташтинско-потаповского круга культур

А — Потаповка I, курган 5, погребение 8, скелет 1, мезокранный, широколицый европеоидный вариант;

Б — Потаповка I, курган 5, погребение 2, мезо-брахикранный уралоидный вариант;

В — Утёвка VI, курган 6, погребение 4 (12–13 лет), южноевропеоидный вариант

задавать тенденцию к лептоморфии черепа у потомков в совокупности с резкой горизонтальной профилировкой лицевого отдела, поэтому данная гипотеза может быть принята лишь отчасти.

2. Большинство детей могло принадлежать только части потаповско-синташтинского населения, именно той, которая характеризовалась лептоморфной структурой черепа, но по причинам неполноты палеоантропологического источника просто оказалась не отражённой в анализируемых памятниках. Такие черепа в принципе известны, но по материалам преимущественно зауральских могильников.

3. С учётом нестандартности демографической структуры, прослеженной по ряду синташтинских [5; 10; 11] и потаповских памятников [12], богатству инвентаря, сопутствующего только части погребённых, специфической структуре могильных комплексов, можно сформулировать вывод о маргинальной структуре общества, организовавшего данные некрополи. Вероятно, создаваемый погребальный комплекс отражал не столь родовые связи, сколько культовые представления о социальном устройстве общества и в целом мироздания, был организован, в первую очередь, для конкретной — элитной части населения. При этом люди, погребённые в стороне или по кругу от базисных могил, нередко других антропологических типов, в том числе и дети, в действительности, хотя бы отчасти, могли и не иметь никакой генетической связи с социально доминирующей частью населения и входить в состав общества часто только в качестве привлечённых. В связи с чем удивляет также весьма большая доля захороненных детей, что резко выделяет синташтинско-потаповские памятники среди предшествующих культур

среднебронзового века. Можно, конечно, за феноменом резкого увеличения детской смертности видеть причины эпидемиологического характера и пр., о чём ранее неоднократно писалось. Здесь же мы работаем в другом русле мысли — а не слишком ли велик детский контингент захороненных по сравнению с людьми взрослыми для общества «подвижных скотоводов»? И не слишком ли велика доля детских захоронений, если, к примеру, признавать одноактность совершения погребального обряда для каждого кургана/могильника и при этом одновременно учитывать, что это характерно для всех известных синташтинско-потаповских памятников? И вообще, где и как была захоронена другая, наибольшая часть населения? Ведь то, что мы имеем, далеко не отражает представительность в популяции взрослой части населения. Подобные вопросы неоднократно ставились и для носителей более ранних степных культур, к примеру ямной, где к тому же есть ещё и перекос в сторону большой доли взрослых, чаще мужского пола.

Важен факт нарушения структурной корреляции между археологическими и антропологическими данными. С одной стороны, в типе синташтинско-потаповских погребальных традиций фиксируется бóльшая или меньшая археологическая монолитность, то есть некое единство культуры. С другой стороны, люди, захороненные в могилах этого типа памятников, достаточно резко отличаются друг от друга краниологически, что является отражением, по всей очевидности, гетерогенности группы. Всё это больше похоже на механическое смешение разнородного населения, можно, впрочем, принимать также вариант самого начала метисационных контактов. В любом из случаев органи-

зация как бы этнической монолитности группы на основе разнородного населения едва ли могла произойти мирно и сознательно. Скорее это могло случиться за счёт физического и социального превосходства одного из антропологических компонентов — в данном случае европеоидного широколицего. То есть данные могильники могли относиться именно к элитной группе населения, знати. Такие выводы не новы, они высказывались для этого круга памятников прежде, на основе анализа археологического источника и других привлечённых данных. Наиболее аргументированно такая идея была развёрнута на примере могильника Каменный Амбар-5 [4]. В этом случае важно, что комплектация таких могильников — погребальная, материальная, демографическая, антропологическая — характеризуют структуру общего населения лишь отчасти.

Ранее неоднократно отмечалось [13; 20–21] достаточно резкое краниологическое отличие последующего по времени населения покровской культуры лесостепного Волго-Уралья от создателей потаповских традиций. Если «потаповцы» — это европеоиды преимущественно мезокранные, широколицие, то «покровцы» — долихокранные, среднешироколицые и высоколицие. Последние, с учётом и других важных краниологических характеристик, заметно сближаются именно с южноевропеоидным морфологическим комплексом. Эти антропологические наблюдения весьма интересны на фоне постоянно проводимой самарскими археологами идеи об отчётливой культурной преемственности между потаповскими и покровскими древностями [2; 6; 8]. Если следовать этой идее, то изменения антропологического состава в постпотаповское время

можно было бы объяснить механизмом дрейфа генов, то есть по каким-либо причинам, возможно и социальным, в волго-уральских синташтинско-потаповских группах получает развитие именно тот антропологический компонент, который был близок южноевропеоидному, кстати, чаще фиксируемый именно среди детской части населения. Морфологические соответствия между детской «взрослой» выборкой Потаповского и Утёвского могильников, с одной стороны, и покровскими сериями, с другой, достаточно определёнno продемонстрированы в табл. 5. Можно высказаться более конкретно. Выращивание в чуждой «потаповской» среде, при соответствующем воспитании части детей инородного происхождения — носителей юноевропеоидных краниологических черт, которые в дальнейшем могли стать, в определённом роде, продолжателями и одновременно реформаторами культуры, доминирующим антропологическим звеном в некоторых покровских группах. В человеческой практике жизни опыт приёма и воспитания чужеродных детей вовсе не эксклюзивное поведение. Особенный размах оно приобретает нередко в военные и послевоенные годы. В мировой истории имеются и более жуткие примеры использования чужеродных детей — военные притязания малоазиатских турок-османов в конце XIV в. при помощи янычарского войска. Безусловно, прямолинейно применять современные исторические свидетельства на древние малоизвестные общества преждевременно и как будто не следовало бы. Однако существует параллельная опасность, что подобных материалов мы можем больше не обнаружить, или даже потерять имеющиеся. К тому же проблема генезиса и дальнейшего раз-

вития ярчайшего синташтинско-потаповского исторического феномена, на мой взгляд, зашла в определённый тупик. Исходя из этого, несмотря на ожидаемый скепсис и критику со стороны коллег в адрес новых нетрадиционных представлений, считаю полезным брать на себя смелость высказывать новые гипотезы, какими бы фантастичными они ни казались. К изложенной мысли следует дополнить, что если женское население по данным материалам представляет чужеродный антропологический компонент по отношению мужскому, почему собственно обязательно следует воспринимать, что погребённые в могильниках дети являлись именно потомками от этих браков, а не представляли собой, хотя бы отчасти, также чужеродный, но уже третий компонент. При такой постановке проблемы, возникает вопрос: откуда ещё, кроме собственно синташтинского, в «потаповской среде» мог появиться компонент, близкий южноевропеоидному?

4. Другой и более простой вариант достаточно резкой смены краниологического типа в Волго-Уралье на начальных этапах поздней бронзы может объясняться иммиграцией и непосредственным влиянием инородного населения, носителей юноевропеоидных черт. По новому нетривиальному археологическому подходу это могло быть связано с распространением в начале средней бронзы из районов Нижнего Поволжья населения криволукского культурного типа [15], ставшего впоследствии основой для формирования покровской культуры, которая на определённом этапе сосуществовала с синташтинской. На палеоантропологическом материале покровских памятников, в частности, Самарского Поволжья [Спиридоновка II, Рождествено I], при

желании можно увидеть результат контактов двух компонентов, свойственных потомкам, с одной стороны, как будто, криволукскому населению и, с другой, потаповскому.

Какой из названных механизмов при формировании физических особенностей покровского населения лесостепного Волго-Уралья был ведущим, решить в настоящее время сложно. Ещё раз подчеркнём, что это могло быть обусловлено спецификой социальных отношений внутри синташтинско-потаповского общества, активным вовлечением в процесс собственного культурогенеза разнородных групп, в том числе носителей юноевропеоидного краниологического типа. В то же время нельзя отрицать равно перекрёстное взаимодействие между собой аборигенных (потаповско-синташтинских) и привнесённых (раннепокровских) генофондов. Возможно, эти процессы шли параллельно, при доминировании на начальных этапах одного из них, не исключено, что именно первого.

В восточной части синташтинско-потаповского ареала, вероятно, происходили похожие процессы, но была и собственная специфика, с которой ещё предстоит разбираться. Следует подчеркнуть, что в последующее время долихокефализация и тенденция к умеренной широкосложенности черепа охватила более широкие территории, в том числе всю восточноевропейскую степь.

Предложенные гипотезы о происхождении и дальнейших судьбах создателей синташтинско-потаповских культурных традиций не могут отразить полной проблематики и претендовать на роль основополагающих. Несомненно, они требуют тщательной проверки, дополнительных данных, изъятия для

научного анализа максимально возможной антропологической информации, кропотливой работы с ней, использования разных современных методов исследования данного источника, комбинирования аналитического и синтетического подходов. Только такой целостный подход позволяет взглянуть на исторический источник по-новому и объективно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас / В. П. Алексеев. М., 1978.
2. Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара, 1994.
3. Гинзбург, В. В. Палеоантропология Средней Азии / В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. М., 1972.
4. Епимахов, А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар - 5) / А. В. Епимахов. Челябинск, 2005.
5. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья в эпоху средней бронзы / Д. Г. Зданович. Челябинск, 1997.
6. Кузнецов, П. Ф. Памятники Потаповского типа / П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
7. Медникова, М. Б. Погребение ребёнка (№ 16) в кургане 25 Большекараганского могильника: палеоантропологическое описание / М. Б. Медникова // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.
8. Мочалов, О. Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья / О. Д. Мочалов. Самара, 2008.
9. Пестряков, А. П. Географическая и хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа на территории СССР / А. П. Пестряков // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. I. М., 1997.
10. Ражев, Д. И. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы / Д. И. Ражев, А. В. Епимахов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 5. Тюмень, 2004.
11. Рыкушина, Г. В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро / Г. В. Рыкушина // Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2003.
12. Хохлов, А. А. Демографические особенности населения эпохи бронзы бассейна реки Самара / А. А. Хохлов // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке. Самара, 2003.
13. Хохлов, А. А. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья / А. А. Хохлов // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000.
14. Хохлов, А. А. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского — в Казахстане / А. А. Хохлов // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.
15. Хохлов, А. А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время / А. А. Хохлов, Р. А. Мимоход // Вестн. антропологии. 2008. № 16.
16. Хохлов, А. А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы / А. А. Хохлов // Вестник антропологии. Вып. 1. М., 1996.

17. Хохлов, А. А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности / А. А. Хохлов // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция тез. докл. Уфа, 1996а.

18. Хохлов, А. А. Палеоантропологические реконструкции как источник изучения этногенетических процессов (по материалам эпохи бронзы Волго-Уралья) / А. А. Хохлов. Самара, 2001.

19. Хохлов, А. А. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита — энеолита / А. А. Хохлов, Л. Т. Яблонский // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

20. Хохлов, А. А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья

в эпохи неолита-бронзы : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Хохлов. М., 1998.

21. Хохлов, А. А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья / А. А. Хохлов // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

22. Яблонский, Л. Т. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья / Л. Т. Яблонский, А. А. Хохлов // Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара, 1994.

23. Lindstrom, R. W. Anthropological characteristics of the population of the Bolshekaragansky cemetery, kurgan 25 / R. W. Lindstrom // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХРОНОЛОГИЯ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(материалы заседания круглого стола,
г. Челябинск, сентябрь 2005 г.)

Литературный вариант

I

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Должен сказать, что идея проведения такого круглого стола с самого начала вызвала у нас критические отклики. Действительно: те, кто мог что-то сказать о происхождении синташтинской культуры, сказали почти всё. Эти точки зрения изложены в литературе. Мнения можно сгруппировать в два-три «отдела». При этом в деталях и частностях содержится столько противоречий, что свести в нечто общее мнения внутри «отделов», общих в целом позиций, порой просто невозможно.

Вообще я не знаю таких определений и текстов, которые бы, в конце концов, разъяснили нам, что такое синташтинская культура. Вместе с «петровкой» и новокумакским комплексом, почти одновременно, синташта вошла в степную археологию и поразила воображение археологов-степняков. Очень долго никто не решался назвать это явление «археологической культурой». И сейчас по-прежнему говорят о «синташтинском типе памятников», «хронологическом горизонте» и т. д. Я помню, как О. В. Кузьмина в начале 1990-х гг. писала мне о том, что синташту пора назвать «культурой». Потом такие дефиниции появились. Но и сегодня, когда я говорю о синташте, я добавляю: «с точки зрения археологической дефиниции». Сейчас я могу сказать: мы все помним разные определения археологических

культур. Смысл их примерно таков: определённый набор характерных вещей, территорий и т. д. Но очень часто в этом наборе чего-то не хватало: то поселений, то могильников, то территория распадалась. И искать «андроновцев», которые, по сути дела, «наши», то в тайге, то в Средней Азии — утомительное дело. А в синташте всё это есть в комплексе. Я могу сказать про себя: до открытия Аркаима, я, работая в «поле», как бы создавал свои образы культур: алакульской, фёдоровской и т. д., исходя из трудов предшественников — Чернецова, Сальникова, Оразбаева и присутствующей здесь Е. Е. Кузьминой в том числе. Несмотря на это, я открывал всё сам — как ребенок, который создаёт свои образы. Тогда представления о культурах складывались исключительно на базе эмпирики, по частям. Я также шёл к осознанию образа культуры через детализацию, статистику, классификацию.

Только когда был открыт Аркаим и всё то природное и культурное пространство, которое окружало Синташту, я неожиданно увидел культуру сразу — не по частям, не через фрагменты, а как совокупность целого. Для нас началась другая археология — постархеология. Мы поняли, что осознание части и целого должно вестись одновременно. Упоывая на природу целокупного, мы стали

употреблять термин «страна», «прото-город», «квазигород». Употребляя эти термины, мы каждый раз подчёркивали их условность и образность. Наука о древностях нашей части евразийского пространства дала нам дефиниции частей и частных, но не дала дефиниции целостного. И поиски этих дефиниций (и терминов) как раз и происходят и будут происходить в течение работы нашего круглого стола. Мы будем спорить, на базе чего произошла синташта, будем спорить о её компонентах, но мы будем рассуждать о появлении синташтинской культуры как некоей целостности. И эта целостность в виде всего набора компонентов — это явление Южного Зауралья. И когда говорят о формировании синташты в Поволжье или в результате миграций с востока или, если угодно, с какого-нибудь «американского Среднего Запада» — я не знаю. Синташта — явление исключительно зауральское, органично связанное с уральским пенеппеном.

Говоря об элементах других культур, вошедших в синташту, мы выхватываем части из целого. Но на каком основании? Мы должны помнить, что другие культуры — это тоже нечто целое в своей основе. Но «часть не целого» — это уже не его часть, это нечто другое. Мы все помним замечательные семинары Клейна, тексты Сайко, Щаповой, Генинга. Были годы, когда создавались теоретические и практические системы систематизации и классификации. Мы все уповали на математическую статистику. Но сегодня все понимают ограниченность статистического метода, ограниченность его применения к гуманитарным дисциплинам, где человек сам собой определяет пространство и специфику культуры. Даже классификационный подход сегодня вызывает

большие сомнения. Мы, как будто бы, собираемся решить проблему происхождения культуры, но мы её не решим. Решить с помощью археологии проблему происхождения культуры — это было бы самонадеянно, провинциально. Мы собрались, чтобы уточнить наши точки зрения и определить подходы. По материалам нашего круглого стола будет опубликована книжка, которая подведёт определённый итог в развитии этой проблематики. Она может быть тем репером, от которого мы должны идти дальше.

Иногда говорят, что по «синташтинской проблеме» вообще ничего не сделано. Но я хочу спросить: по какой проблеме эпохи бронзы — от Дуная и до Байкала, от тайги до Средней Азии — больше сделано за последние 15 лет? Я хочу остановиться ещё на одном вопросе. Где находится решение «синташтинской проблемы»? Решение лежит во многоуровневом пространстве, это трансдисциплинарные исследования. Мы должны быть готовы, что в исследовании исторического процесса нужно осознавать возможность случайного, вариативного, признать его сложность, хаотичность, нужно признавать нелинейность развития. Только руководствуясь такими принципами, мы можем подвести итог для перехода к следующему этапу изучения синташтинской культуры.

А. В. ЕПИМАХОВ: Во-первых, я рад приветствовать уважаемых коллег, которые прибыли из разных городов и весёлые на наш семинар, проигнорировав выходные, решили получить удовольствие от общения. Но я должен подчеркнуть сразу несколько вещей. Во-первых, то, что я буду сейчас произносить, докладом по сути дела не является, и такую цель

я и не ставил. То, что я хотел сказать, роздано присутствующим как материалы доклада. Единственная просьба по поводу брошюр, которые вы получили, пока на них не ссылаться, поскольку материал продолжает дорабатываться и, вероятно, какие-то изменения ещё произойдут. Свою сегодняшнюю задачу я видел следующим образом: с тем, чтобы каждому из нас не рассказывать, что он думает по хронологии тех или иных культур и об их соотношении, я попытаюсь сделать некое *summa*, главным образом базируясь на тех текстах, которые вы прислали, естественно, с учётом того, что было опубликовано ранее.

Посему я столкнулся с несколькими проблемами и главная из этих проблем, как ни странно, терминологическая. У нас зачастую одни и те же группы памятников называются несколько по-разному, если не сказать совсем по-разному, и, соответственно, учёные вкладывают разное содержание в одни и те же слова. Наш круглый стол должен отчасти ликвидировать эту проблему. Кроме всего прочего я должен сказать, что остановлюсь я главным образом на относительной хронологии, поскольку абсолютная представлена в докладах в минимальной степени, а относительная хронология есть у всех. Беда только в том, что большинство присутствующих, и я в том числе, не избежали соблазна сначала сформулировать представления об относительной хронологии, а потом уже привести те конкретные факты, на которых эти представления базируются. Я построил своё краткое сообщение в хронологическом порядке и начал его с тех памятников, которые чаще всего фигурируют в качестве предшествующих синташте.

Слово «энеолитический» звучит на протяжении многих лет в качестве од-

ной из основ синташты. Многие авторы называют те или иные энеолитические памятники, прежде всего, речь идёт о культурах гребенчатого геометризма. Самые очевидные противники этого обстоятельства — В. С. Мосин и С. А. Григорьев, я также в некотором сомнении, поскольку имеющиеся даты пока этот факт не подтверждают. В качестве аргументов обычно используются некоторые черты технологий керамического производства, а именно тальковая примесь в тесте, использование гребенчатых штампов и вообще традиция геометрических узоров. Конкретных аргументов, как правило, не приводится.

Кроме энеолитических, фигурирует ряд культур раннебронзовых, тоже приводится обширный перечень — вишнёвская, ташковская и пр. Вопрос об их соотношении с синташтой для меня тоже не очень понятен, но, что касается ташковской культуры, на эту тему вполне пространно высказались и А. В. Мавеев и В. И. Стефанов, и, полагаю, что, хотя бы частично, их аргументация может быть принята. Ещё один предшественник синташты, часто фигурирующий, — это ямные памятники. Но здесь начинается хождение по минному полю, поскольку с лёгкой руки Н. Л. Моргуновой в этот термин вкладывается едва ли не всё, что было до поздней бронзы. В результате, говоря о ямных памятниках, а о них говорят многие (Н. Б. Виноградов, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина и др.), авторы не уточняют, на какую часть ямных памятников ссылаются.

Наиболее чётко свою позицию сформулировали виртуально присутствующий С. В. Богданов и не виртуально присутствующий В. В. Ткачёв. Они, разделяя приуральские досинташтинские древности на памятники ранней и средней бронзы, полагают, что все ямные

памятники относятся к ранней бронзе, а с синташтой они разделены целым периодом средней бронзы, причём с делением средней бронзы на два периода. Если говорить об аргументации радиокарбонной, то в данном случае имеющаяся серия ямных дат значительным образом раньше, чем синташтинская, и разница эта довольно существенная. Впрочем, должен оговориться, что ямных дат явно недостаточно с учётом большого временного промежутка, в котором они располагаются, и очевидной неоднородности этой группы памятников.

Ещё одна группа, которая фигурирует в качестве предтечи синташты — вольско-лбищенская, но здесь уж совсем мало материалов и обсуждать в общем нечего, хотя хронологическая позиция этой группы памятников действительно досинташтинская, есть конкретные стратиграфические аргументы.

С самого начала выделения новокумакского горизонта в качестве предшествующих фигурируют культуры катакомбной общности. Но сегодня у нас довольно мало стратиграфических фактов. Катакомбный период в Приуралье, а речь идёт прежде всего о нём, представлен небольшим количеством комплексов. Может быть, ситуация изменится, но ссылки на то, что у нас скоро будет всего много, уже приходилось слышать. Не всегда они совпадают с нашими планами. Авторы сравнивают синташту с весьма разными территориями катакомбной общности. Ясно, что и синташта и катакомбная КИО неоднородны, в результате появился тезис об их частичном сосуществовании. Речь идёт о поздних катакомбниках Предкавказья (П. Ф. Кузнецов и В. А. Трифонов) и о среднедонских катакомбниках (мнение об их пережиточном характере высказывается рядом авторов). Насколько

это мнение соответствует действительности, вам судить. Я могу сказать, что радиокарбонные даты Предкавказья, действительно, очень поздние и отчасти налагаются на синташтинские. Но делать из этого серьёзные выводы я бы не спешил. Что касается полтавкинской культуры, её предсинташтинский возраст никем не отрицается, другое дело, что сегодняшние представления о полтавке скорее мигрировали в сторону ямных традиций, чем в сторону катакомбного времени (Е. Н. Черных). В результате образуется некий хронологический пробел. Вновь фигурируют рассуждения о позднеполтавкинских памятниках, которые, наверное, надо предъявить. Вообще, когда речь идёт о конкретных полтавкинских памятниках, мы оказываемся в сумасшедших ситуациях — три разных автора одни и те же памятники записывают в разные культуры. Для тех, кто не занимается этим, разобраться в таком многоголосье непросто.

У В. С. и Ю. В. Горбуновых я обнаружил тезис о том, что синташтинские комплексы можно считать синхронными и абашевским, и полтавкинским. Но в данном случае, видимо, речь идёт о каком-то эпохальном сходстве, поскольку дальше полтавкинские и абашевские памятники считаются более ранними по отношению к синташте. О частичной синхронизации синташты и полтавки говорит С. А. Григорьев по материалам Большекараганского могильника, он видит там какие-то полтавкинские черты, хотя в принципе не отрицает, что полтавка древнее синташты.

Ещё одна культура, которая стабильно фигурирует в качестве предшествующей синташте, — это культура многоваликовой керамики. Аргументация понятна: поскольку она явно постката-

комбная, ряд авторов предполагает, что она может быть предтечей синташты. Но есть и альтернативная точка зрения о синхронизации синташты и КМК, это прежде всего точка зрения В. В. Отрощенко, который из синташты вывел всё, включая и КМК. Наиболее внятные возражения по поводу полной синхронизации КМК и синташты изложены Р. А. Литвиненко. Есть и другие авторы, которые добавляют свои аргументы, правда, речь идёт о внутренней хронологии КМК, и она не всегда доказуема.

Естественно, было бы странным обойти молчанием абашевскую КИО, которая с самого начала считалась источником формирования синташтинских традиций. Перечень авторов, которые усматривают в абашеве истоки синташты, огромен, альтернативных гораздо меньше. Но сегодня тезис о частичной синхронизации абашева и синташты уже перестал вызывать бурную реакцию, такой вариант признаётся. Вопрос, насколько глубока абашевская нижняя граница для меня открыт, но здесь мы погружаемся в область сопоставлений и синхронизаций с катакомбным миром и сейминско-турбинским. Отсюда появилась оговорка об опосредованном через абашево наследовании синташтинцами катакомбных традиций. Одни и те же авторы исхитряются выводить синташту из катакомбных традиций и опосредованно и напрямую. Может быть, я плохо читаю ваши труды, а может быть, вы плохо излагаете свои точки зрения. Должен оговориться, что речь шла об уральском абашеве. Когда я обсуждал синхронизацию, доно-волжскую абашевскую культуру я в виду не имел. Крайнюю позицию занимают воронежские археологи. Согласно их последним публикациям из доно-волжского абашева выросло всё, в том числе и син-

ташта. Правда, те комплексы, которые приводятся в качестве доказательства, относятся к более позднему, покровскому времени по некоторым технологическим особенностям. Возражения на этот счёт высказаны С. А. Григорьевым и другими авторами.

Остаётся упомянуть сейма-турбино — феноменальную группу памятников, которая едва ли не чаще всех фигурирует в хронологических построениях, причём с датировками самого сейма-турбина всё довольно непросто. Ясно из целого ряда работ, что у нас сейма-турбино с синташтой синхронизируются, поскольку они то военные соперники, то организаторы культурного синташтинского процесса, то есть они либо более ранние, либо одновременные. Речь идёт о попытке создать внутреннюю хронологию сейма-турбинского феномена с делением на сейминские и турбинские древности. Но эта версия стопроцентной поддержки не получила. И мы опять возвращаемся на тот же круг о взаимоотношениях синташты и абашева, абашева с турбинскими древностями и т. д.

Что касается синхронизации с потаповским типом, общее мнение на счёт их одновременности, казалось выработано. Но и сегодня предпринимаются попытки искать «первородство» синташтинских или потаповских памятников. В. В. Отрощенко настаивал на главных источниках миграции с востока на запад, т. е. потаповские памятники должны были сформироваться под влиянием синташтинских, а есть прямо противоположное мнение, высказанное П. Ф. Кузнецовым, что зауральская синташта — явление более позднее по отношению к потаповским памятникам. Я не буду обсуждать мнения о том, что было после синташты, поскольку это находится за пределами нашего семинара.

Из всего изложенного кажется очевидным: во-первых, многие из проблем упираются в отсутствие согласованности по внутренней хронологии ряда культурных образований, поэтому обсуждения «чутьочку раньше — чутьочку позже», «частично наложились» обретают непонятный облик. Что касается ссылок на датированные аналогии, то здесь всё не просто, их у нас не избыток.

Последнее, что хочу сказать — первая четверть II тысячелетия — названные хронологические рамки по C¹⁴ (возможно, они могут сузиться). В этом мы сошлись со С. А. Григорьевым по разным основаниям: я шёл от радиоуглеродных дат (на сегодня имеется достаточная для выводов серия), а он шёл от сложной цепочки западноевропейских аналогий и получил похожие цифры. Эти цифры совпадают по периодизации Е. Н. Черных с первой фазой позднего бронзового века. Правда, эта фаза объединяет целый ряд культур: синташта, петровка, абашево, ранние срубники, сейма-турбино. Но внутри этой фазы особого согласования позиций мы не наблюдаем.

И последнее, я должен сказать, что есть ещё одна точка противоречий — это вопрос об эпохальной принадлежности синташтинских памятников. Параллельно существуют, не пересекаясь, два мнения: синташта относится к средней бронзе и синташта относится к первой фазе позднего бронзового века. Насколько важна и эвристически ценна эта позиция, я не знаю.

Я бы хотел, чтобы мы с вами оперировали не мнениями, а фактами, и чем больше будет в нашем распоряжении фактов, тем лучше. Может быть, мы не все знакомы с фактами друг друга, потому что часто авторы ограничиваются тем, что публикуют выводы. Спасибо, надеюсь, перечень вас не слишком утомят.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: А сейчас наступило то, для чего мы собрались — обсуждение. Для обсуждения предлагается проблема хронологии синташтинских памятников. Первый блок, который мы должны обсудить, — синташта и абашево. Какие факты свидетельствуют о хронологическом приоритете абашева над синташтой?

М. В. ХАЛЯПИН: У нас три основных направления, они могут в чём-то сходиться: абсолютный приоритет абашева, либо частичная его синхронизация с синташтой, либо полная синхронизация. Но в этих рамках очень много различных подходов. Я придерживаюсь точки зрения о частичной синхронизации. Той же точки зрения придерживаются и воронежские археологи, только с других позиций. В последней их статье она опять прозвучала: всё, что к востоку от Воронежской области, это были полудикие места, и здесь ничего не могло создаться, но вывод тот же. То, что в Приуралье синташтинские погребения впускные, мы можем трактовать так. Когда они шли, то курганов не создавали, как это мы видим на примере срубной общности. То есть этот факт может играть в обе стороны.

Относительно хронологических моментов: у нас действительно мало материалов, про радиоуглеродное датирование абашева говорить не приходится. Единственный датированный памятник — Лепкинский курган. Но материалы этого кургана показывают поздний этап, на этом строится аргументация Павла Фёдоровича [Кузнецова]. У нас есть материалы, свидетельствующие об абашевско-катакомбных контактах, в том числе на памятниках как более западных регионов, например, Подонья, так и на местных — могильник у горы

Берёзовой, который исследовался в последнее время. Там на одном могильном поле содержатся погребения, имеющие черты как сейминско-турбинские, так и синташтинские, но это основная группа. Начало могильнику было положено абашевской каменной оградой, использовавшейся для укрепления насыпи кургана, так как он находился на склоне. Она была нарушена двумя детскими синташтинскими погребениями, то есть на момент совершения погребений либо ограда была не видна, либо этот камень разбирали преднамеренно. Планировка остальных погребений имеет общие черты с планировкой сейминско-турбинских памятников. Рядом с могилами погребённых по обряду, сопоставимому с Ростовкинским могильником, где, естественно, отсутствуют кости животных, бескерамичные комплексы, вещи, которые имеют прямые аналогии с сейма-турбиным, находятся погребения, совершённые по синташтинскому обряду, с соответствующей керамикой, обильными жертвоприношениями. Памятник находится в степном Приуралье, это самые поздние уральские памятники абашевской культуры. Можно предлагать варианты того, почему они оказались в степи. Самый южный памятник, который сохраняет абашевские черты, это Родниковое поселение, находится на берегу р. Урал. Кроме того, имеются три радиоуглеродные даты, которые датировали две синташтинские и одну сейминскую могилу. Калиброванная дата — конец III — начало II тыс. до н. э. В целом, если учитывать даты Пепкинского кургана, абашевскую культуру можно датировать XXII–XX вв., следовательно, XX в. и есть, возможно, время частичной синхронизации синташты и абашева. Ещё одна деталь — рядом присутствует поселение, на ко-

тором зафиксировано два культурных слоя — уральский абашевский и срубный, но между ними слой пожарищ, абашевский посёлок был сожжён. В синташтинских погребениях присутствует керамика с толчёной раковиной — это красноречивый факт, но, как и на поселении, есть керамика с тальком. Здесь также есть факты и керамика, которую можно сопоставлять с катакомбными.

В. С. ГОРБУНОВ: Если речь идёт о сопоставлении абашевских и синташтинских памятников, мы должны спросить — о каком абашеве идёт речь? Мы говорим «степное Приуралье», но оно большое. Если речь идёт о XX в. до н. э., то с чем мы синхронизируем? С круглоплановыми поселениями или нет?

А. В. ЕПИМАХОВ: Давайте я прокомментирую радиоуглеродную часть. Три даты могильника у горы Берёзовой имеют огромный разброс. Серия, честно говоря, недостоверная, она выпадает и из серии потаповских и синташтинских зауральских дат — она заметно старше. И второе, по абашеву дат мало. Пепкинский я не хотел бы комментировать, поскольку между раскопками и датировкой прошло огромное количество лет, что влияет на качество датировки. Ещё одна дата получена с Тюбьяка, она поздняя. То есть сейчас радиоуглеродом пользоваться в вопросе о соотношении абашева и синташты не надо, это ничего не даёт.

В. В. ТКАЧЁВ: Если позволите, я проиллюстрирую материалами. Я считаю, что в условиях отсутствия радиоуглеродных дат нужно придерживаться методов, показавших свою эффективность, прежде всего стратиграфических. Если говорить о стратиграфической позиции син-

таштинских памятников Приуралья, есть данные, которые прокомментировал М. В. Халяпин. Абашевская ограда была настолько задернована, что синташтинцы уже не учитывали её присутствие. Вместе с тем наряду с керамикой есть и другие предметы — реперы хронологического порядка (это крюк, нож и прочее), имеющие катакомбный или катакомбно-абашевский облик (пятиугольное лезвие с раскованной змеевидной головкой). Мы хорошо знаем, что абашевская культура в степное Приуралье (а абашевская культура — явление не скоротечное) проникает только на самом заключительном этапе, то есть в турбинское время. Вместе с тем есть все основания считать, что абашевцы в степном Приуралье синхронны позднекатакомбной группе, то есть тем степным племенам, которые, в отличие от ямных, действительно предшествовали синташтинской культуре. И, коль уж они синхронны, давайте вернёмся к материалам 25 кургана Новокумакского могильника. Памятник, безусловно, стратифицирован и даёт нам информацию о соотношении позднекатакомбной группы и памятников синташтинского типа. В прошлом году экспедицией западноказахстанского центра культуры и археологии на реке Илек был исследован курганный некрополь, получивший название Илекшар. В нём был исследован курган, представлявший собой насыпь над позднекатакомбным кенотафом, давшим серию металлических изделий, сочетавших в себе традиции металлообработки позднекатакомбного населения, несущих в себе северокавказские традиции, и абашевской культуры на самом позднем этапе развития, непосредственно предсинташтинской. Все вещи из одного комплекса: нож с раскованной пяткой, северокав-

казского облика подвески, но они уже желобчатые, что характерно для абашева. Что касается прочего инвентаря, тесло массивное, с зауженной пяткой, находит аналогии в северокавказских памятниках. Наконечник копья по технологическим особенностям сопоставим с известной Сторожевской находкой, пропорции отвечают абашевским. Самой знаковой чертой этого предмета является наличие нераскованного участка стержня при переходе от втулки к перу — она связана с традицией катакомбной металлообработки. В одном комплексе сосредоточены черты двух различных культурных ареалов. Это всё свидетельствует о том, что на кромке северной степи сомкнулись две культуры среднего бронзового века — абашевская культура Приуралья и позднекатакомбная культурная группа, северо-восточная периферия волгодонской культуры. А если говорить об исходном районе миграции, Н. Б. Виноградов слегка лукавит, когда говорит, что его никто не может назвать.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Я начну с хронологических приоритетов. В Приуралье есть ещё одна стратиграфическая ситуация, которая указывает на хронологический приоритет абашева к синташте — это поселение Береговское, где слой синташтинских материалов залегает выше материалов абашевских. В Приуралье есть надёжные данные, но они ничего не говорят о соотношении синташты и абашева в целом, а говорят об их соотношении в Приуралье. На мой взгляд, синташтинский комплекс продвинулся в Приуралье позже (так считает и В. В. Отрощенко), и эти материалы маркируют только более позднее продвижение.

Если говорить в целом о соотношении синташты с абашевым, то донское

абашево более позднее, поскольку в комплексы входят псалии с микенскими орнаментами, копыя с манжетами, массивные вислообушные топоры. Это комплекс поздней бронзы, раннесрубное время. В металле Кондрашкинского кургана присутствует железо, это происходит в раннесрубное время, в шлаках Мосоловского поселения железа навалом. Касательно ссылок на О. В. Кузьмину в том, что эта металлообработка более архаична: на мой взгляд, она более отсталая. На севере в это время могла существовать неолитическая индустрия, и это ни о чём не говорит. По поводу выводов О. В. Кузьминой по керамике, когда абашевская культура разделена на пять этапов, и синташтинская культура появляется тогда, когда абашево на Средней Волге исчезает: это деление базируется не на стратиграфии. В методику заложен искомый вывод, о том, что абашево формируется на базе фатьянова и керамика группируется по уменьшению фатьяновских черт. Синташта появляется тогда, когда исчезает абашево, потому что в синташте фатьяновские черты отсутствуют.

Если говорить о возможностях прямого соотношения средневожского абашева и синташты, можно допустить, что они сосуществовали, сложно сказать, в течение какого времени. В Волго-Вятском междуречье на керамике появляются валики. Эти валики не могли взяться из лесного блока культур с валиками типа чирково, кротово, потому, что там круглые валики, а здесь приострѐнные. То есть это могло быть привнесено в средневожское абашево только из синташты. Присутствие мышьяковистого металла группы ТК. Производственных центров этого металла в абашевское время только два — синташта и в излучине р. Белой, где находятся Тюбяк и т. д.

Аргумент П. Ф. Кузнецова, что Малокизильское — абашевское поселение с энеолитическими чертами. Согласен, в Малокизильском есть энеолитические черты, которые отсутствуют в синташте, но оно находится в предгорной зоне, где энеолитические черты могли доживать длительное время. Не исключено, что там есть какая-то невыявленная культура. Мы в лесной зоне не знаем памятников ранней бронзы. На поселении Мочище, которое мы копали в 2004 г., — четыре фрагмента керамики, однозначно относящейся к позднему комплексу, имеют штамп липчинского облика. Всё не так просто.

А. В. ЕПИМАХОВ: В принципе мы с вами оперируем очень похожим набором фактов. Все говорят о сходстве синташты и абашева, вопросов на этот счёт нет. Я с лёгкостью найду синташтинскую керамику в материалах Береговского поселения. Владимир Степанович находит аналоги Устья в Синташте (которое он считает абашевским) и тому подобное. Единственный вопрос — как интерпретировать это сходство. Предъявленные М. В. Халяпиным материалы оставляют двойное впечатление, потому что всё, то, что вы определяете как абашево, за исключением металлокомплекса, без проблем найдётся в синташте.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Для всех, кто занимается синташтой, это не абашевский материал, а синташтинский. Стратиграфия здесь для меня между синташтой и какими-то ранними срубниками.

В. С. ГОРБУНОВ: Были сказаны хорошие слова о том, что мы пытаемся решить все мировые проблемы за раз. Все знают, что отсутствует общая хронология, есть только частные, и они не стыкуются.

Наши организаторы подталкивают нас начать с хронологии, но происхождение и хронология настолько связаны, что говорить о хронологии, не раскрывая, откуда и как это произошло, неперспективно. Ссылки на естественнонаучную датировку не состыкуются с нашими традиционными схемами. Сейчас мы сидим, и каждый рассуждает, что на кого похоже — абашево на синташту или наоборот.

Отсутствует хронология всех культур, начиная от ямной. Мы не можем говорить точно о хронологических рамках ямной культуры на всех территориях, то же и с катакомбной. Та катакомбная культура, которую выделил Городцов, оказалась сейчас КМК, ряд памятников воронежцы объединяют в воронежскую культуру. Все локальные варианты катакомбников настолько не похожи между собой, что я удивляюсь. Мы актуализировали синташту, а сейчас надо каждую культуру заново осмыслять. По поводу абашева: у нас очень сильны стереотипы, что раньше открыли, то и раньше. Как было с поволжским абашевым: открыли в 1920-е гг., затем всплеск в 1960-е: вдруг выявили абашевцев и на Дону, и на Урале, была построена схема. И мы пытаемся решить вопросы вокруг этой схемы, не затрагивая глобальных проблем. Если бы, например, К. В. Сальников открыл здесь раньше синташту, а потом бы обнаружили абашево в Приуралье, была бы та же дискуссия — кто откуда пошёл.

Почему мы сомневаемся в том, куда что относить? Потому что у нас нет понятия константных признаков той или иной культуры. Приуральские абашевские памятники друг на друга не похожи, они уникальны. Даже синташтинские на их фоне выглядят более систематизированными, шаблонными.

Необходимо определиться с понятиями, не решено много других, общих вопросов, а мы говорим о культурогенезе. Не построена общая схема развития древнего евразийского пространства. Что делать? Делать надо всё одновременно — изучать, сравнивать, анализировать. Если мы не будем спорить и дискутировать, мы ни к чему не придём.

А. В. ЕПИМАХОВ: Позвольте реплику. Досрубный характер абашевских памятников установлен как факт, доалакульский характер синташтинских памятников установлен. Либо мы что-то вставляем в этот промежуток, либо синхронизируем.

В. С. ГОРБУНОВ: Дело в том, что происхождение самих этих культур и соотношение их не ясно.

О. Д. МОЧАЛОВ: Хочу сказать по поводу керамики. Я знаком с абашевской керамикой, изучал и синташтинскую и потаповскую. После создания типологических рядов сложилось впечатление, что можно говорить о частичной синхронизации синташты и абашева. Есть абашевские комплексы с действительно архаичными чертами, напоминающие балановскую и фатьяновскую керамику, но другая часть посуды, которую можно назвать развитой абашевской, уже имеет синкретический характер и близка синташтинской. Когда смотрели материалы В. В. Ткачёва, кто-то говорил «синташта», кто-то «абашево». Но в лесостепном Приуралье тоже есть могильники, которые традиционно считаются развитыми абашевскими — Красногорский, Никифоровское лесничество, где есть сосуды синкретического характера, отремонтированные скрепками. По А. И. Гуткову, ремонт посуды скреп-

ками имеет узкую хронологическую и географическую привязку — конец средней бронзы, Южный Урал, Зауралье. Действительно, было смешение, и не только абашево влияло на синташту и определяло облик посуды, но и наоборот. На некоторых (и не всегда поздних) абашевских памятниках керамика имеет примесь талька: Ибрагимовский, Ермаковский могильники. Ведь мог быть не разовый, а стабильный и постоянный поток населения в Приуралье.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Я задал вопросы П. Ф. Кузнецову, который присутствует здесь виртуально: каковы основания для более раннего датирования абашева по сравнению с синташтой. По Маликизильскому. Я зачитаю вопросы и ответы, присланные П. Ф. Кузнецовым:

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Малокизильское поселение расположено в Приуральской лесостепной зоне. Это не дремучий лес и не особая горная страна, в которой потенциально могли бы быть законсервированы пережиточные энеолитические культуры. На этой же территории есть такие памятники с синташтинскими признаками, как: Альмухаметовский могильник, Кизильское поселение (коллекция керамики). Особо отмечу к теме: от Магнитогорска до Аркаима расстояние около 100 км. Помимо аргументов хронологического предшествования абашева синташте, приводимых мной в моём докладе, с огромным интересом ознакомился с материалами доклада М. В. Халяпина, в которых приводятся стратиграфические данные о предшествовании абашевских погребений синташтинским из его раскопок могильника у горы Берёзовой. Со времён К. В. Сальникова это, пожалуй, одно из ключевых полевых исследований в При-

уралье для хронологии всей Восточной Европы.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: По мнению П. Ф. Кузнецова, Синташта относится к поздней бронзе, но это не так. Поздняя бронза — это оловянистые лигатуры, литьё с сердечником и слепые втулки. Синташта — средняя бронза: мышьяковые лигатуры, литьё в одностворчатые формы, а сложные изделия (топоры) — в двустворчатые. Это стандарт СБВ и в Восточной Европе, и в Анатолии. Но синташта чуть застаёт появление сейминских племён, начинаясь всё же намного раньше.

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Уважаемый оппонент чрезвычайно сужает понятие «поздняя бронза». В терминах, отражающих категорию времени, должны быть и признаки, отражающие процесс развития. Поздняя бронза — это настоящая новая эпоха, в становлении которой синташтинцы приняли непосредственное участие. Они, по сути, и были её творцами. Синташтинские памятники имеют культуруобразующие признаки, которые тесно связывают их с последующими культурами: синташта, петровка, алакуль имеют эпохальную культурно-историческую взаимосвязь. Полтавка, катакомбная культура периода СБВ не соотносимы с синташтой по своим системообразующим признакам. Типология синташтинского инвентаря во многом определила облик эпохи поздней бронзы. Признаки, приводимые С. А. Григорьевым, являются пиковыми для металлургии, они отражают особенности развития Волго-Уральского очага, но единственными для всей эпохи они не являются.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Есть ещё один важный репер: в Ростовкинском могильни-

ке две синташтинские вещи — нож и копьё — как по составу металла, так и по виду. А Турбинский могильник даёт параллели с абашево. С учётом того, что сейминско-турбинское продвижение шло с востока на запад, мы можем говорить, что как минимум поздние фазы синташты и абашева синхронны.

В. В. ТКАЧЁВ: Я, в отличие от М. В. Халяпина, не считаю могильник у горы Берёзовой синташтинским памятником. Этот памятник отражает воздействие сейминских импульсов на трансформацию синташты, выработку стандартов раннеалакульских, покровских и т. д. В нескольких километрах есть ещё один опубликованный могильник с каменными абашевскими оградами. На могильнике у горы Берёзовой очень существенный хронологический зазор между окончанием функционирования ограды и впускными захоронениями. Те, кто их совершал, не видели ограды.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Могильник у горы Берёзовой на склоне. Мы все знаем, какие беды ждут культурный слой, если памятник на склоне. В погребениях использованы каменные плиты? Нет. У меня возникает сомнение, что здесь не было неких грунтовых насыпей. Возможно, они были разрушены. М. В. Халяпин задал нам новое направление обсуждения — синхронизация синташты и памятников сейминско-турбинского круга. Пусть его начнёт Владимир Иванович Стефанов.

В. И. СТЕФАНОВ: Есть на синташтинских укрепленных поселениях абашевская керамика?

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Всё зависит от того, кто смотрит эту посуду, так как мы говорим об одном и том же разными слова-

ми. Синхронизация абашева и синташты — это безусловный факт, другое дело, характер отношений. По классической точке зрения, абашево породило синташту, по моей точке зрения, синташта интегрировала абашево. Мы не должны спорить, так как перед нами явление достаточно однозначное, дело в интерпретации. Вернёмся к сейма-турбину.

В. И. СТЕФАНОВ: Я считаю, что эти материалы, если брать широко, синхронны синташте, возможно, на всём протяжении. Но оснований — практически никаких. Есть некоторые даты у Ю. Ф. Кирюшина по елунининской культуре. Там синташтинский материал даёт довольно ранние даты: калиброванные — рубеж III-II тыс. до н. э., некалиброванные — 1-я четверть II тыс. до н. э. В Западной Сибири одна единственная дата, то же самое. За Уралом ничего нет.

В. В. ЕПИМАХОВ: Я в качестве «эксперта» по радиоуглероду. Есть общие типы сейма-турбинские и синташтинские, часть представлена редкими категориями, часть массовыми, то есть есть основания для синхронизации. Что касается дат, ситуация неоднозначна. Елунинские даты и Сатыга несколько древнее синташтинских. Даты Юринского могильника оказались чуть моложе синташты, но в границах погрешности близки. Однако очень похож металлокомплекс. Поэтому, что касается конкретных фактов синхронизации синташты и сеймы, часть их даёт могильник у горы Берёзовой. Отчасти может быть привлечён комплекс вооружения и наконечники стрел. Абашевские наконечники мне не известны, а сейминские и синташтинские по многим параметрам близки.

О. Н. КОРОЧКОВА: Я не знаю других культур в Южном Зауралье, которые могли быть синхронны сейма-турбину, кроме синташты. Треугольные наконечники стрел тоже никто не отменял.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Общее мнение, что это синхронные явления.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Мы можем говорить, что часть синташтинских комплексов синхронна части сейминско-турбинских. Елунино — это блок наиболее восточный. На Ташково II метал группы ВК с оловом. Вспомните ташково вместе с алакулем на Чистослебяжском. Сейма проносит по всей Западной Сибири и Восточной Европе абсолютно новые технологии. Поэтому я не согласен с П. Ф. Кузнецовым, который называет синташту поздней бронзой. По металлургическим грациям синташта — это средняя бронза (её конец), потому что используется мышьяковистая лигатура, литьё простых изделий в одностворчатых формах, сложных в двустворчатых — это повсеместный стандарт во всей средней бронзе. Поздняя бронза начинается, когда появляется сейминско-турбинская металлообработка — литьё с литыми втулками, со вкладышем, оловянистые лигатуры, и это распространяется повсеместно, даже на те территории, где металлообработки не существовало вообще. В синташте практически нет оловянистого металла. Синташта — это плавка окисленных руд или вторичных сульфидов из ультраосновных пород. Сейма-турбино, фёдорово — это уже плавка первичных сульфидов. Идёт распространение стереотипов СБВ в рамках фазы СБВ 2 с запада на восток, а с востока начинают распространяться сте-

реотипы поздней бронзы, и в районе Зауралья они сталкиваются. Поэтому частично они сосуществуют.

В. С. ГОРБУНОВ: Сейма-турбино тоже ведь достаточно размытое и широкое хронологическое явление. И вообще, надо отделять Сейму от Турбина. Турбино относится к средней бронзе, а Сейма — уже другое. Всё надо отделять — и Ростовку, и Елунино и т. д.

В. В. ТКАЧЁВ: Я полагаю, что сейминско-турбинский феномен, которому отводится полстолетия в концепции Е. Н. Черных, распространился повсеместно не так скоротечно, как нам представлялось ранее. Требуется разработка внутренней хронологии. Мы можем точно установить на основе взаимовстречаемости на Турбинском могильнике, что следует Турбино синхронизировать с самой поздней абашевской культурой. Более позднее распространение тех же технологий в петровских памятниках тоже должно откуда-то появиться, оно стимулировалось носителями сейминско-турбинских традиций. Если мы попытаемся выстроить эти эволюционные типологические ряды, то по ряду категорий мы найдём наличие таких импульсов и в металлообработке синташтинского населения. В частности, наконечники типа КД2, близкие к позднекатакомбным, эволюционируют в сторону приобретения турбинских пропорций, но развиваются в рамках традиционных технологий. В раннесинташтинских памятниках появляется такая категория находок, как втульчатый кельт-тесло (могильник Танаберген 2). Безусловно, это попытка воспроизвести более удобное орудие, но, не обладая этой технологией, приходилось совершенствовать

свою. Наконечники стрел с черешковым насадом, которые Григорьев находит на Ближнем Востоке, даже близко не стояли по типологии. Черешковые наконечники типичны для позднего абашева, но сама технология их расковки, орнаментации — это творческая переработка турбинских традиций. Здесь нужно не обсуждать общие схемы, а просто разработать типологию.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Обратите внимание. По синташте мы имеем целую серию дат по С¹⁴, по сейма-турбину есть даты только восточного фланга. Так в какой степени корректны наши выводы по типологическим соответствиям?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Сопоставлять стрелы с копьями по способу расковки некорректно. Что касается кельтов, такое же точно изделие есть в Северной Сирии. Это отдельная проблема. Нельзя говорить, что это привнесено из Сеймы как модификация кельтов, потому что такие же есть на юге.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Я скажу слово, которое всех примирит. Сейминские позже, турбинские раньше, но турбинская лошадка есть на булавке из Задрча-Халифа, где есть четыре синташтинских псалия и такой же псалий есть в Джаркутане, и там есть даты по С¹⁴, которые совпадают с синташтинскими.

Л. Н. КОРЯКОВА: Можно вернуться к керамике. Такая же ситуация есть в железе и называется она орнаментальной непрерывностью, когда нет совершенно разных и совершенно похожих комплексов. Мы в железе научились с этим бороться путём выделения зон, которые называем культурными мирами. Вопрос: выделяются ли какие-то куль-

турные миры в Евразии и если да, то можете ли вы их охарактеризовать? В Европе уже с этим не спорят. Например, на всю Европу культура погребальных урн или культура воронковидных кубков. Абашевская КИО всё равно замкнута на какие-то абашевские признаки, которые кто-то где-то как-то видит.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Я предлагаю остаток рабочего времени посвятить взаимодействию с аборигенными культурами. Подразумеваются ботайская, терсекская, суртандинская.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Никаких соответствий с синташтой здесь нет.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Ну, наверное, так не надо утверждать. Элементы соответствия есть, мы можем найти. Но позволяют ли они находить преемственность или ещё что-то, мы не знаем. Я знаю только терсекские материалы, имеется в виду элементы орнаментации керамики, идея, которую высказывал В. Н. Логвин. Но лично я не считаю, что эта идея верна.

В. И. СТЕФАНОВ: Вот почему между ними нет соответствий с синташтой? Может, был какой-нибудь катаклизм или ещё что-то? И вообще, было ли здесь население к моменту появления синташты?

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Подвижное население никогда в данной конкретной точке постоянно не бывает. С этим связаны недоразумения о границах России с Казахстаном и Башкирией. И этот аспект надо учитывать, когда мы говорим о взаимодействии синташтинцев с аборигенным населением. Связь была, какая, мы не знаем.

А. А. ХОХЛОВ: Я об этом много писал и говорил. Связь прямая присутствует, антропологическая. Даже в Потаповском могильнике присутствует компонент, который я связываю с людьми, похороненными на Ботае. И этот компонент присутствует в других памятниках, типа Танаберген 2, Восточный Курайли.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Причём уралоидный компонент — это в основном женские черепа.

О. Д. МОЧАЛОВ: О керамических традициях. Из каких ещё культур их можно вывести, если не из эпохи энеолита? Бобринский чётко доказал, что традиция и технология очень консервативны. Меандровые орнаменты и сложные

геометрические фигуры синташты и позднего абашева откуда берутся? В Фатьяново и Баланово такого геометризма нет, у катакомбников тоже. Уточки и пирамидки представлены на керамике позднего энеолита, на Ботае. Так что технологические и орнаментальные традиции каким-то образом (нельзя сказать каким) на синташте отразились. Ссылаясь на этнографию, Шнирельман выпустил брошюру «Археологическая культура как социальная реальность», где обобщил интересные данные о керамических ареалах. У племён, которые являлись потомками более древних племён, была традиция копировать орнаменты с более древней посуды, уже тогда ископаемой. Поэтому даже если представить большой временной разрыв между синташтой и энеолитом, то и это возможно.

II

Е. Е. КУЗЬМИНА: Прежде всего хочу поблагодарить организаторов конференции за то, что они меня пригласили и предоставили слово. После дискуссии стало понятно, что вопрос о происхождении синташты остаётся открытым. Но так или иначе мы видим здесь слияние разных компонентов. Я остаюсь при своём мнении, что это не сложившаяся культура, а тип памятников. От этого синташтинские памятники не становятся менее значимыми, наоборот: момент сложения чего-то в археологии «вылавливается» крайне сложно, это редчайший случай формирования культуры, а так как за культурой всегда стоит этническая принадлежность, то мы видим здесь формирование нового этноса.

Сейчас этническая проблема стала очень актуальна. Г. Б. Зданович когда-то писал, что есть некие связи со Средней Азией, об этом же писал и Н. Б. Виноградов. Я эти связи находила. Действитель-

но, трасса шёлкового пути была проложена ещё на рубеже III–II тыс. до н. э., но акцент шёл из степи, отсюда приходили новые этнические группы. «Наши» псалии и «наши» лошади появляются на юге Средней Азии, сейчас есть новые находки, очень важные для понимания маршрутов миграции.

Из этого следует, что проблема компонентов для синташты остаётся неясной. А. Д. Пряхин считал абашевское население «ариями», его поддержал А. Парпола. Потом он сменил точку зрения, я ему объяснила, что абашевская культура не степная, а лесная, она не вписывается в круг степных культур. «Ариев» нужно искать где-то между катакомбниками, КМК. Этот круг культур и полтавка — важный степной компонент. А что касается синташты, то мы видим там сочетание этих компонентов и местного компонента. Я в него не верила, но вчера мне понравилось, как Н. Б. Виноградов

говорил про «этнический синтез». И антропологические материалы, где есть эти «угорские» женщины, доказывают, что синтез происходил. Но идёт и смена языка. Для меня период синташты — это период, по крайней мере, билингвизма. Материалы этнографии показывают механизм перехода с одного языка на другой. Рядом два кишлака — таджикский и узбекский, оба двуязычные. А потом побеждает тот язык, который становится в этом регионе государственным. Эти же процессы, может быть в более острой форме, были проявлены в древности. Это хорошо видно на материалах Средней Азии, где земледельческая культура смешивается с андроновской. Получаются разные комбинации, в соседних могильниках разные модели. Какой был язык? У Иванова во многих статьях повторяется, что это были иранцы. Ему отступать некуда, потому что арии прошли в Индию ещё раньше. Но готовится круглый стол памяти Грантовского и Раевского, на котором будет дан бой ведущими индоиранистами, потому что это очень важный и далеко идущий тезис. Иранский этнос сформировался очень поздно. Вышел трёхтомник французского исследователя Ферара, который доказывает, что Ригведа и Авеста — тексты очень близкие по существу, это две версии соседних племён на одну тему. Там одинаковые обороты, названия богов и близкий поэтический язык, что позволяет думать, что расхождение этих племён произошло очень недавно. Есть превосходная книга Погребовой «Закавказье и Иран в эпоху раннего железа», ещё 1980-х гг., и посмертно изданная книга Грантовского, где он детально разбирает проблему иранцев и времени их возникновения. Это время соответствует XIII–X вв. до н. э. Для Средней Азии это, безусловно,

культуры валиковой керамики. Я призываю всех, кто всерьёз не занимается лингвистикой, с большой осторожностью пользоваться терминами «арийский, иранский, индоиранский», потому что за ними стоит огромная работа коллективов, очень трудная для нашего восприятия. У меня был друг Л. А. Лелеков, преданный науке, но у него не было лингвистического образования. Его жена после его смерти издала его докторскую, которую никто не принял к защите. Просто это была книга, написанная дилетантом, образованным, но не знающим основ языкознания, поэтому в ней были допущены ошибки про западный путь, неверная хронология Заратуштры. Я могу закончить доклад призывом к осторожности, когда мы выходим на темы этнических проблем. В Петербурге сейчас выходит книжка о происхождении скифов, прекрасная, но в ней расхождение на два века со временем формирования скифской культуры. Есть проблема происхождения скифов: или они происходят на Северном Кавказе, или рядом с Дунаем, как думает часть украинцев, или в степях Средней Азии, как думаю я, или теперь считают, что все идёт из Китая. Но китаисты, например, К. Линдафф, не считают это убедительным, потому что, по их мнению, в Китае сакская культура оказала большое влияние как позднеандроновская. Андроновскую культуру сейчас больше всего любят китайцы, всё выводят оттуда. Почти 30 лет, с 1976 г., мы занимаемся арийской и, соответственно, синташтинской проблемой, и на сегодняшний день полной ясности нет. Но мне показалась оптимистичной фраза Г. Б. Здановича: «не будем отчаиваться». На самом деле, сделано колоссально много. Я с самого начала и по сегодняшний день слежу, как накапливаются материалы,

отрабатываются гипотезы. Вы очень хорошо работаете. Поверьте, далеко не во всех регионах страны сложилось такое мощное ядро археологии. Желаю вам успехов. Но будьте осторожны, доказывайте, аргументируйте каждое положение археологически, а потом придут лингвисты, они нам помогут.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Доклады, которые мы прослушали, отражают суть нашей конференции. Мы собрались не решать проблемы, а показать их сложность. Изучению синташтинской культуры нет и двадцати лет. Это ничтожно мало, и наше смятение продолжается. Много должна дать работа на поселениях, но она очень сложна и трудоёмка. Кроме раскопок и Аркаима и Синташты, это были охранные работы, на промоинах, шурфах и пр. Результаты зависят от того, на какой участок вы попали.

По тем материалам, которые даёт аэрофотосъёмка, а они не всегда могут быть объективны, видно, что более ранние поселения овальные, а на них накладываются круги и квадраты. Мы видим пожары, после которых люди вновь возвращаются на поселения. Однако, вернувшись, они не всегда повторяют форму более раннего посёлка. На Аркаиме одна из стен, западная или северо-западная, прямая, то есть здесь форма поселения тяготеет к квадрату. В раскопах мы видим, что везде, в разных слоях, лежит одна и та же посуда. А. Д. Таиров закладывал разведочные шурфы на Андреевском. Там две одновременных территории, но они дают одинаковую посуду. Таким образом, разговор идёт не о культурном, а об идеологическом конфликте, возможно, этническом.

В популярной литературе нам приходится высказывать мнения, которые мы не можем высказать в научной ли-

тературе. Это понятно, ведь нам нужно отстоять всю «Страну городов», а не отдельный памятник. У меня был доклад в Институте Востоковедения РАН. Выбрав из книги Т. Я. Елизаренковой те места, где говорится про крепости, я был поражён. Таких совпадений не бывает. Выборка показывает, что традиции, которые есть в Ригведе и Авесте, полностью совпадают с археологическими данными о наших «крепостях» и с интерпретациями лингвистов. Мы не должны вдаваться в лингвистику, но нужно брать тексты лингвистов и их анализировать. По мере накопления материалов, возможно, это будет приобретать научные черты. В моём докладе были данные археологии, с которыми лингвисты не знакомы. Мне хотелось подтолкнуть филологов в сторону археологии.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Давайте вернёмся к вопросу, который мы вчера не закончили: синташта и катакомбный мир.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Каковы основания для более ранней позиции поздних катакомбников, кроме радиоуглеродных анализов, приведённых П. Ф. Кузнецовым?

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: В докладе я, напротив, отстаиваю позицию о синхронности поздних катакомбников и синташтинцев. Синхронность была не велика по времени, но нашла своё отражение как в радиоуглеродных датах, так и в инвентаре. Здесь прослеживаются параллели в орнаментальных формах, в отличие от форм сосудов.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Давайте начнём дискуссию с определения, что такое катакомбники, что мы имеем в виду, когда говорим о них, какие катакомбные признаки появляются в синташте?

В. С. ГОРБУНОВ: Долгие годы я работал над проблемой срубной культуры, эта проблема перешла ко мне по наследству от В. П. Шилова и других исследователей. Все говорили, что нужны большие коллективы, громадные пространства. В процессе работы я сталкивался с разными коллективами и специалистами, в том числе с А. Н. Геом, который является специалистом по катакомбной культуре. Выяснилось, что проблема катакомбной культуры стоит значительно острее, чем проблема синташтинской. Специалисты столь же многого не понимают в катакомбной культуре, как мы не понимаем в синташтинской. Потому что пространства огромны, иной мир окружения, неизвестно происхождение «катакомбников», я уже не говорю об их исходе. Исследователи не называют её ни катакомбной культурой, ни даже общностью. Потому что в своё время в этот круг включили некоторые группы памятников, абсолютно не сходных с катакомбными. Более того, то, что в своё время Городцов назвал катакомбной культурой, сейчас называют бабинской или КМК, это нечто иное, чем сама катакомбная культура.

Происхождение КМК В. В. Отрощенко сейчас изменил и вывел её из синташты. Он написал, что от синташты произошли и абашево на Дону, и культура богатоваликовой керамики на Северском Донце. У этого набора катакомбных культур также не известны границы, особенно восточные. Правобережье Волги ещё входит в этот массив, а левобережье практически не представлено. По материалам донских памятников я выявил целую группу безынвентарных погребений. Но, будучи безынвентарными, они не стали предметом глубокого изучения. По обряду они отличаются от «ямников», в погребениях нет охры, обряд срубный или срубно-алакульский. Захоронения совершены в позе

адорации, на левом боку, но руки чаще расположены в позиции «всадника», которая является характерной для «катакомбников».

Последнее время появились памятники, которые стали с лёгкостью называть катакомбными. Проблема состоит не в том, какие «катакомбники» и что они принесли, а являются ли эти какие-то конкретные элементы элементами катакомбной культуры или они значительно размыты и характерны не только для катакомбного общества. Вопрос, на что обращать внимание: на материальную культуру и керамику, которые могут быть совершенно непохожими? Также различается и погребальный обряд. Есть «катакомбники», у которых нет катакомб, есть разные типы катакомб — с подбоем вдоль длинной или поперечной сторон. А есть памятники, где есть все эти варианты, и специалисты не могут объяснить, что это такое. Поэтому мне нравятся слова Г. Б. Здановича о том, что все мы сейчас не решим, а вот обмен мнениями, информацией здесь очень полезен.

Хочу обратить внимание ещё на один момент: мы много говорим о генезисе культур, но ведь у каждого явления есть ещё и финал. Например, мы не знаем ничего об исходе местных энеолитических культур, поэтому нам привлекательнее, интереснее искать их за тридевять земель. Так и о финале «катакомбников» мы ничего не знаем. Мы, к сожалению, пытаемся решить проблему кусками. Думаю, что нам надо набраться профессионализма. Хорошо было бы пригласить на наше заседание специалиста по катакомбной культуре и апеллировать к нему как к профессионалу.

В. В. ТКАЧЁВ: В. С. Горбунов прав, говоря о том, с каким культурным мас-

сивом мы сталкиваемся в начальный период эпохи поздней бронзы Урала и Казахстана. Естественно, этот массив памятников должен удовлетворять одному важному условию: он должен подстилать хронологически и стратиграфически весь синташтинский массив. Следует рассуждать не о фоновых характеристиках, а перевести вопрос в практическую плоскость. На сегодняшний день для Южного Урала составлена стратиграфическая колонка. С самым ранним этапом позднего бронзового века мы можем увязывать три культурных образования: вольско-лбищенскую культурную группу, позднекатакомбную группу (названия условные) и приуральскую абашевскую культуру.

Материалы вольско-лбищенской группы находятся в самом начале осмысления, но они выделены на ряде памятников. Это Тамар-Уткульский могильник, серия находок из Дидуровского Мара и Северо-Бирский могильник — самый северный из числа тех памятников, которые И. Б. Васильев отнёс к вольско-лбищенским. Яркий пример — серия впускных захоронений в древнеямный курган, стратиграфически среднебронзовый век (Тамар-Уткульский могильник). Металл находит ближайшие аналогии в кругу шнуровых культур, это лесной мир. Что заставляло «вольско-лбищенцев» проникать в степные районы, сказать трудно, но такие материалы есть даже в Северном Прикаспии. Поселения всегда занимают высокие рубежи обороны, то есть они неуютно ощущали себя в этом континууме. В погребальном обряде вольско-лбищенской группы мы не найдём никакого сходства с синташтой. Это узкие ямы, втиснутые в них костяки со вторичными смещениями, которые вызваны расчленением трупов. Также практически ничего общего нет и в металле. Как пред-

ставляется, зримого следа в синташтинской культуре «вольско-лбищенцы» не оставили.

Стоит вернуться к приуральскому абашеву. Самое важное в системе погребальной обрядности — это ритуал. Если мы проанализируем синташтинский и абашевский обряды, при всём сходстве наборов инвентаря ничего общего мы не установим. Здесь совершенно иные идеологические установки. Нет каменных конструкций, нет и кольцевого планиграфического распределения погребений. Характер ингумации тоже контрастирует с синташтинским, надо искать другой источник этих элементов обрядности синташты.

Позднекатакомбная группа непосредственно не может быть признана этим компонентом. Я использую термин «культурная группа», который предполагает наличие массы субстратных составляющих. Это конгломерат, северо-восточная периферия катакомбного мира. Катакомбных культур великое множество, и катакомбная, в отличие от андроновской, — классический вариант культурно-исторической общности с целой серией культур. Мы знаем предкавказскую, среднедонскую, донецкую культуры, они узнаваемы. Позднекатакомбные памятники в Приуралье несут в себе ряд признаков, которые наиболее зримо проявляются в так называемой волго-донской катакомбной культуре, выделяемой А. В. Кияшко. Там мы фиксируем тот же набор признаков с включением предкавказских, среднедонских и донецких реплик. Они надёжно синхронизируются с позднеабашевскими материалами. Вот комплекс из бофра Второго Герасимовского могильника: комплекс закрытый, металл абашевский, а сосуд близок позднекатакомбной керамике.

Даже форма каменных усыпальниц в волго-донской культуре не классическая катакомбная. Глубокие подбои имеют тождество с тем, с чем мы иногда сталкиваемся в синташтинских памятниках. Характер ингумации также показателен — неустойчивая позиция верхних конечностей, через ряд переходных форм вырабатывается жёсткий стандарт — классическая поза адорации. Характерна посуда с уступом, «ёлочки Волго-Уралья» — так сейчас называют волго-донскую культуру. Проблема в том, назвать это полтавкой или позднекатакомбной культурой. Мне представляется, что по набору признаков эти памятники составляют восточную периферию позднекатакомбной общности. Есть поселенческие материалы, они дают синкретизм позднекатакомбных металлообрабатывающих традиций и абашевских. Могильник Илекшар, впускная яма в древнеямный курган. Она была разрушена, *in situ* сохранились нож и два наконечника. Этот комплекс свидетельствует о том осязаемом импульсе, который удаётся нащупать, он маркирует участие степных скотоводческих групп населения, восточноевропейских (не переднеазиатских). Отправной пункт миграции — Волго-Донское междуречье.

В заключение хочу сказать, что эта группа памятников немногочисленная, разрозненная. По крупницам пришлось вычленять их из числа памятников, которые Н. Л. Моргунова относит к древнеямным. С древнеямными комплексами они не имеют ничего общего по причине огромного хронологического зазора. Я разделяю точку зрения С. В. Богданова о том, что древнеямная культура уходит в середину III тыс. до н. э. Постепенно эта лакуна начинает заполняться материалом. Синташту непосредственно подсти-

ляет позднекатакомбная группа, хотя, ещё раз скажу, это не классические катакомбники, а группа, которая впитала в себя основной набор катакомбных стереотипов.

О. Д. МОЧАЛОВ: Вы считаете, что памятники позднекатакомбной группы подстилают синташтинские. А допускаете ли Вы, что они могут быть частично синхронными?

В. В. ТКАЧЁВ: При раскопках Новокумакского могильника очень надёжно зафиксирована стратиграфия. К характеристике этого комплекса как стратифицированного предложил вернуться В. В. Отрощенко. Курган 11 Большекараганского могильника не синташтинский, но в его основании лежит погребение той самой позднекатакомбной группы с характерными признаками погребального обряда и характерным сосудом. Традиция совершения впускных захоронений в Зауралье присутствует. Но курганов предшествующего времени очень мало.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Вчера мы смотрели материалы уникального памятника — поселения Аландское. Благодаря тому, что авторам удалось хорошо стратифицировать памятник, я подробно исследовал хозяйство синташтинского населения этого посёлка. Оказывается, они пришли на Аландское явно выраженными овцеводами, содержание овцы 69%. К следующему строительному этапу они уже были скотоводами, разводившими коров. То есть, придя с выраженными степными хозяйственными традициями, они очень быстро перестроились на те традиции, которые были выгодны на Аландском. При этом лошадь занимает в этих слоях 3–4%.

П. А. КОСИНЦЕВ: Я не успел, к сожалению, закончить работу по сравнению катакомбного и синташтинского хозяйства. Мало определений поселенческого материала. Это пять-шесть поселений. То, что есть, даёт одинаковую картину: у катакомбников доминирует в составе стада КРС — более 60%. Есть немного свиньи, мало лошади. Это близко к синташтинцам.

В. С. ГОРБУНОВ: Я могу подтвердить, что абашевцы и катакомбники были во взаимосвязи, очевидно синхронны друг другу. На некоторых сосудах из Чураклинского могильника есть «ёлочка», есть и характерный для катакомбников треугольный наконечник стрелы.

Не могу согласиться с В. В. Ткачёвым, что между синташтинской и абашевской погребальной практикой нет никакого сходства. Он говорит, что у абашевцев обязательно есть оградки, это не так. Я подсчитал, там есть четыре группы вариантов — оградки, кольцевые канавки, столбовые ямы и просто без конструкций. Конструкции с камнями характерны только для небольшого участка, это Дёмский район Оренбуржья. Я посчитал данные по всем опубликованным курганам Большекараганского могильника, там много разрушенных погребений — расчленения, вторичные захоронения, преднамеренные разрушения. В абашевской культуре есть такие же разрушенные погребения, но с вещами, без явных следов вторжения. Неразрушенных погребений в приуральской абашевской культуре единицы. Я это воспринимаю как обряд. И синташтинские якобы разрушенные погребения я воспринимаю как результат обряда, об этом пишет Д. Г. Зданович.

Что касается «явно выраженных» погребений, они связаны уже с петровкой.

В кургане 25 Большекараганского могильника захоронения совершены уже в позе адорации, и я думаю, что это уже результат иного, не абашевского воздействия. Возможно, что появление левобочности, адорации отражает не катакомбное, а какое-то иное влияние. Мы не говорим, что синташта и абашево идентичны друг другу, но они близкородственны.

В. Д. НЕЛИН: На мой взгляд, комплекс вооружения синташтинцев находит свои истоки в свите культур Восточного Причерноморья, в основном катакомбников. Это повозки, большая роль лука и стрел. Стрелы у катакомбников традиционно с выемкой в основании, но известны погребения, где катакомбники включали в состав своей общности группы лесного населения, которое изготавливало черешковые стрелы. Конечно, это другие стрелы, не синташтинские. На Троицке 7, в петровке, бесчерешковые наконечники стрел, но у них есть выемки на основании.

В. В. Ткачёв говорит, что комплекс синташтинского вооружения имеет истоки в абашевском вооружении, но делает оговорку, что оно, в свою очередь, имело истоки в круге катакомбных культур. Почему бы не предположить прямое влияние катакомбников на синташту, а не опосредованное, через абашево? По-моему, в абашеве военная сфера очень скромная. Есть прямые параллели: на Шибаетово найден катакомбный крюк, я его связываю с синташтой.

Ещё по поводу материальной культуры: абашевские традиционные вислобушные топоры — узковислобушные. Как показал Кореневский, они не связаны с поздними массивновислобушными. В синташте представлены

топоры с выступом на обухе. На Северном Кавказе таких топоров было множество.

В. В. ТКАЧЁВ: Отмечу одно из погребений, которое было нами исследовано, — кенотаф с реповидным сосудом. В практике предкавказской культуры такие погребения типичны. Специалисты согласны, оно имеет поздний облик. На позднем этапе количество катакомб сокращается. П. Ф. Кузнецов писал про «катакомбную триаду» — она не играет роли для позднего этапа, а в среднедонской культуре вообще доминируют ямы. То же самое и с волго-донской, самой близкой к нам культурой, у неё облик синкретический. И керамика разнообразная — реповидные сосуды, а также позднедонецкие реплики. Но все такие погребения в Приуралье показывают одинаковую ситуацию — либо они впущены в ямные комплексы, либо стратифицируются с синташтинским материалом.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Может быть, нам более внимательно отнестись к тезису Беседина о хронологическом соответствии донской и абашевской культуры Среднего Поволжья? Абашевцы, по его мнению, должны датироваться вторым периодом истории донской культуры.

Т. С. МАЛЮТИНА: Вы говорите о раннекатакомбной и позднекатакомбной культурах. Что считать раннекатакомбной культурой и есть ли она в Приуралье? Или это ямно-катакомбные древности? Потом, вы говорите, что позднекатакомбная культура — это 2-я половина III тыс. до н. э., а как датируется раннекатакомбная? У А. Д. Пряхина есть катакомбники, которые «заходят» во второе тысячелетие, как с ними быть? Они синхронны синташте?

В. В. ТКАЧЁВ: О термине «ямно-катакомбный мир». Под ямно-катакомбными надо понимать древности начала формирования катакомбного мира, с молоточковидными булавками, с соответствующей орнаментацией. Этого нет даже в Поволжье, культурогенез проходил в Подонцовье и Предкавказье.

Ранние катакомбники, конечно, есть, но выходить нам сейчас на проблему формирования катакомбной общности — это утопия. Нам хорошо известно соотношение культур катакомбного мира между собой. Среднедонская культура синхронизируется с более развитым этапом донецкой культуры. Классической культурой является донецкая, там мы можем выстроить всю стратиграфическую колонку. Таких ранних катакомбников, как в Подонцовье, на Среднем Дону нет. Тем более их нет на Волге, в Предкавказье только публикуются первые ранние материалы. Речь идёт о середине III тыс. до н. э., и к нам это отношения не имеет. В Приуралье не было катакомбного культурогенеза. Сюда катакомбники приходят очень поздно, на заключительной стадии среднего бронзового века.

Что касается синхронизации с поздними катакомбниками, то у катакомбных памятников Предкавказье поздние даты, самый поздний этап — среднедонская культура, уже без валиковой орнаментации керамики. Они синхронизируются с доно-волжским абашевом — культурой, синхронной синташте и маркирующей западный фланг формирования колесничных культур. Позже на смену им приходит покровский, а у нас петровский этап. Что касается катакомбных проявлений в синташте, то они не исчерпываются погребальной обрядностью. Есть ещё вещевые комплексы, достаточно упомянуть рожковый бисер и бусы. Конечно, в погребаль-

ном обряде самые яркие и наиболее надёжные, в аспекте культурогенеза, проявления. Что ещё, если не идеологические представления, могут составить облик формирующейся культуры?

Л. Н. КОРЯКОВА: Есть ли намёки на металлургическую деятельность людей, захороненных в тех памятниках, которые вы называете позднекатакомбными? Второй вопрос: как сейчас атрибутируются Власовский и Филатовский могильники на Дону?

В. В. ТКАЧЁВ: Следов металлообработки здесь не зафиксировано, поскольку это единичные впускные погребения. Надо предполагать наличие каких-то некрополей, где такие следы будут представлены более зримо. Что касается Власовского и Филатовского могильников, то основная масса специалистов придерживается мнения о том, что это доно-волжская абашевская культура. В. В. Отрощенко внёс в этот термин другой смысл — не абашевская культура, как исток всего, а как культура, синхронная синташте, своим происхождением связанная с миграциями синташтинского населения. В. С. Бочкарёв полагает, что это нужно называть раннепокровскими памятниками. Н. М. Малов включает все доно-волжские комплексы в покровский этап.

О. Д. МОЧАЛОВ: Я не очень хорошо знаком с катакомбной керамикой с запада, но в Воронеже я обработал часть коллекций среднедонской катакомбной культуры. Я бы отметил, что кроме связей с катакомбниками Предкавказья, Приазовья, волго-донской катакомбной культуры, у синташты была какая-то связь и со среднедонской катакомбной культурой. Самый распространённый

на среднедонской керамике орнаментальный мотив — тулово сосуда покрыто «ёлкой», а горловина геометрическими фигурами. В синташте это тоже самый распространённый орнаментальный тип. Видимо, взаимосвязь между этими культурами была. Мне кажется, связь была не в происхождении, а на уровне контактов, так как культуры совершенно разные.

Большинство сосудов, представленных В. В. Ткачёвым — керамика культурно нейтральная. Это не типичная катакомбная керамика — сосуды с уступом или с расширенным туловом, орнаментированные треугольниками. Такую керамику можно встретить и в Предкавказье, у С. В. Корневского в некатакомбных памятниках. Керамика нейтральна, поскольку население пришло с территории Волго-Донского междуречья, где уже происходило смешение культур и традиций, они прошли через полтавкинский массив Заволжья. Чистыми катакомбниками их нельзя назвать, хотя есть керамика из Шумаева и Герасимовки, очень близкая донецким катакомбникам.

Далее, говоря о связях с Приазовьем и Предкавказьем, мы не учитываем, что там кроме «катакомбников» были и другие культуры, связанные с кавказскими традициями, — новотиторовская культура, где много типов керамики, в том числе большие тарные сосуды с расширенным туловом. Памятники северокавказской катакомбной общности, по сути, тоже не чисто катакомбные. Как уже говорил В. С. Горбунов, в катакомбном мире много проблем, он разнообразен. Типичная катакомбная керамика очень яркая. Это сосуды с раструбовидным горлом и рельефным орнаментом, большие сосуды с шаровидным или бомбовидным туловом,

курильницы, кубки (донецкие), воронки. Они в Волжско-Уральском регионе отсутствуют, у них совершенно другая пропорциональность, эта керамика выполняла другую функцию, следовательно, и в хозяйстве были отличия. Классические катакомбные формы не были восприняты в местной среде, а воспринимались маргинальные типы. Плюс безусловная связь со среднедонской катакомбной культурой.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: О «катакомбниках»: поскольку я считаю, что надо говорить о конкретных типологических соответствиях, наличие лука и стрел меня не убеждают, это общее, как и наличие булавы — они очень широко распространены. Катакомб в синташтинской культуре нет. Эти восточно-европейские погребения какие-то «роботы-трансформеры» — сначала из ям трансформируются в катакомбы, потом из катакомб в ямы с заплечиками. К конкретным параллелям относится способ размещения погребения на подкурганной площадке, но этот признак может иметь и другой источник. Есть параллели со среднедонской катакомбной культурой, это горизонтальная «ёлка» и на втором этапе бронзовые накладки для деревянных сосудов, только на Дону они с пуансонным орнаментом, в синташте — без. В нижнедонской культуре у А. В. Кияшко сосуды с ребром-уступом или со сглаженным ребром. Этот компонент достаточно твёрдо читается.

Можно, видимо, синхронизировать синташту с рубежом конца павловского этапа — началом второго этапа среднедонской культуры. Но в целом мне представляется, что синташта синхронна с тем пластом, когда пошли валики в керамике и появляются поздние катакомбники. Но при всех соответствиях я просил бы быть очень аккуратными и

осторожными, поскольку некоторые катакомбные соответствия могут иметь иной источник.

Есть ещё один аргумент: ножи, типичные для синташты и абашева встречены в катакомбных комплексах у Новокаменского и в бахмутинском погребении у хутора Верхне-Янченко. Более сомнительны материалы из Ольховатки, поскольку там они датируются переходом от второго к третьему этапам. В целом «катакомбники» читаются, но я считаю, что мы имеем дело с ситуацией, когда реальное количество носителей физических может не соответствовать вкладу в культуру. Выраженного катакомбного компонента я в синташте не вижу.

Д. В. НЕЛИН: В. С. Горбунов правильно сказал, что мы не совсем компетентны в вопросе, что такое катакомбники. На мой взгляд, более правильно говорить о юго-западном импульсе. Это и находки топоров кабардино-пятигорского типа, заготовка булавы с четырьмя выступами на поселении Устье, бородавчатые бусы. Что касается поселений: известны укрепленные поселения, та же Ливенцовская крепость, рядом с которой найден бронзовый наконечник стрелы. И о самой идее поселений, не помню, чьей: поселение — это повозки кочевников, поставленные в круг.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Фаянсовые бусы появляются в позднекатакомбное время. Это, действительно, особая технология, она связана с Ближним Востоком. Булавы с четырьмя выступами встречаются вплоть до Палестины.

Д. В. НЕЛИН: Я как раз говорю не о катакомбниках, а о юго-западном импульсе, без привязки к конкретным культурам.

В. В. ТКАЧЁВ: С. А. Григорьев ссылался на ямы с заплечиками. Есть работа А. В. Кияшко, специально посвящённая ямам с заплечиками в Волго-Донском междуречье. Они очень надёжно атрибутируются позднекатакомбным временем. Сама идея камерности, переноса из горизонтальной плоскости в вертикальную, семантически идентична. Это подтверждается размещением жертвенников на перекрытии ямы так же, как во входной ямной подбой в катакомбе. То, что в синташте их нет, неправда. В Приуралье довольно большой процент захоронений в подбоях и катакомбах, эти типологические сходения заставляют сопоставлять синташту именно с поздними катакомбниками. К докладу Н. Б. Виноградова: то, что подозрительно, я правильно понял, связывать с миграциями из Доно-Волжского региона?

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Подозрительно.

Н. И. ЧУЕВ: Я представляю материалы из Саратовской области (граница с Воронежской). Там по аэроснимкам дешифрируется схожее укрепленное поселение, атрибутируемое эпохой бронзы. Его, наверное, надо тоже рассматривать в кругу аналогий синташте. По-видимому, степной импульс был настолько силен, что дошёл до Китая. Индоевропейские племена фиксируются в Синьцзяне. В Китае уникальная сохранность материала, там изданы альбомы, публикации мумий. Но в целом китайцы имеют к этому небольшой интерес, поскольку то, что пришло с запада, воспринимается ими болезненно.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Хочу обратить внимание на то, что синташтинский

комплекс, несмотря на свою явную многокомпонентность, мог появиться здесь только в сформировавшемся виде, вместе с совокупностью поселенческих, погребальных и других идей. Я по-прежнему убеждён, хотя не могу это доказать, что именно местное население стало основой формирующейся алакульской культуры. Возможно, в доказательстве поможет антропология и другие сопутствующие методы. Но синташта пришла сюда как сформировавшийся комплекс. Откуда? С. А. Григорьев постоянно обращается к катакомбникам. Какая группа, это уже другой вопрос, но западный импульс в металлообработке несомненен, как и в керамике. С тех пор как опубликованы материалы Филатовки и Власовки, я на них внимательно смотрю, потому что здесь слишком много совпадений для обычного диалога культур. Совпадения комплексные, и это очень подозрительно. Позднекатакомбные комплексы — неперемные участники процесса культурогенеза, но есть магистральный путь участия, он обеспечивался какими-то другими группами. Может, нам предстоит пересмотреть свои представления об облике и направленности миграции, времени и её роли не только в судьбе синташтинской, но и, скажем, абашевской культур Южного Урала. Всё, что говорилось об абашеве, говорилось и об уральской абашевской культуре, облик которой, как сказал В. С. Горбунов, должен быть ещё раз проанализирован. Её происхождение связано с мощным степным импульсом. К вопросу Л. Н. Коряковой о Власовке и Филатовке — это всё культуры периода распада катакомбного мира, культуры периода трансформации.

III

Л. Н. КОРЯКОВА: Мы говорим о погребальном обряде, керамике, а у синташты есть ещё один определяющий момент — поселения. Это мощный определяющий признак. Почему мы его игнорируем? Ни до, ни после мы такого не находим. Мы представляем относительную позицию этого признака на шкале развития культур, все понимают, что это компонент не местный. Какими крупными ни были ботайские группы, они бы не создали таких памятников. Идея кластерного поселения очень высокая по сравнению с местной идеей рассеянного поселения. Эта идея есть на Ближнем Востоке, в Эгейском мире. Такую позицию развивал С. А. Григорьев, правда, в не очень аргументированной форме, об этом же писал Н. Я. Мерперт. Круг этих поселений мы представляем. Территория их распространения — Западная Турция, туда же входит и Троя. Очень близкая аналогия — Демирчиуйюк. Самый поздний слой Демирчиуйюка датируется концом III тыс. до н. э. Идея этого поселения, скорее всего, оттуда. Но, конечно, не было никакой стремительной миграции населения.

Наверное, в истории были такие примеры. Мне пришёл в голову пример этногенеза мадьяр. У них есть период образования мадьярского государства в Паннонии, это называется «обретение родины». Мадьярский эпос говорит, что сначала была Магна Хунгария, которая сейчас ассоциируется с Прикамьем (Большетьганский, Танкеевский могильник) и с Уралом. То есть эта территория. Есть этапы этого пути. В конце концов, они приходят в Паннонию к IX в., но их культура уже иная, чем была у протомадьяр, дальше они теряются среди хазар, болгар и приходят уже кочевниками тюркского облика, ещё и

гунны с ними. Они не сохранили культуру, но сохранили язык, специалисты находят сходения в погребальном обряде. В случае с синташтой мы имеем нечто подобное. Так или иначе группа населения, которая имела в голове образ этого поселения, скорее всего через Кавказ приходит. Что происходит накануне появления синташтинской культуры: распад кавказского металлургического очага, распад культур катакомбного круга, время нестабильное. То есть протомадьяры тоже пошли не случайно, а потому что было плохо.

Все здесь говорят о донской катакомбной культуре, наверное, это была одна из остановок при миграции. Конечно, на Урал могли прийти не те, кто там жил, а их потомки или те, кто обогатились элементами культуры. Но, возможно, они сохранили свой язык и эту мощную идею создания укрепленных поселений. И это была не просто «толпа», а социально организованные, видимо, в очень высокой степени группы. Мне кажется, что идеология этого населения была очень корпоративистская, которая позволяла консолидироваться и четко отделять себя от аборигенных групп. Это не значит, что они не взаимодействовали с ними. В синташтинских памятниках представлена не вся популяция. Д. Г. Зданович и А. В. Епимахов правы в том, что это была элитная часть населения, которая принесла идею кластерного поселения и которая в течение 200 лет старалась закрепиться на этой территории. Почему они здесь закрепились — это вопрос. Возможно, это было стремление к поиску металлургической базы. Что нужно, чтобы появилось это стремление? Прежде всего знание географии. Следовательно, эта территория не была *terra incognita* для пришельцев.

Должна была быть информационная проницаемость этой территории, и она была. Вспомним появление ямных групп на Каргалах — то же самое. Я думаю, если мы определим пути поиска, то со временем найдём решение этих проблем.

М. В. ХАЛЯПИН: В своём выступлении Горбунов обратил внимание на безынвентарные погребения. Сейчас многие специалисты их систематизировали: Р. А. Мимоход, А. В. Кияшко и др. Они занимают предсрубную, предпокровскую стратиграфическую позицию. Выделяется криволукская группа для Поволжья и лолинская для Предкавказья. Они синхронизируются с КМК и последним этапом среднедонской культуры. Есть чёткие признаки, в частности, в обрядах жертвоприношения, очень чёткий обряд, который везде (в памятниках лолинского и криволукского типа) встречается, а в соседних культурах не зафиксирован. Если говорить о синхронизации синташтинской культуры, вопросы синхронизации с этой группой должны рассматриваться.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: О каком обряде идёт речь?

М. В. ХАЛЯПИН: Там у баранов обрубание не по суставам, а по середине сустава.

В. С. ГОРБУНОВ: Вопрос Л. Н. Коряковой: всё-таки они пришли сюда или здесь сформировались?

Л. Н. КОРЯКОВА: Пришла какая-то группа с запада, которая прошла через катакомбный мир. И пришла она сюда не по собственной воле, а в силу обстоятельств, которые сложились по всей этой территории. В поисках чего? Мо-

жет быть, родины, может, металла. Возможно, она была не очень большая, но достаточно сплочённая.

В. С. ГОРБУНОВ: Понимаете, памятники власовско-филатовского типа через катакомбный мир не проходят, они все северные.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Л. Н. Корякова попыталась представить нам общий взгляд на проблему. Я могу добавить, что, безусловно, идёт разговор о проникновении, прежде всего идей. Эти идеи были широко распространены и в Турции и т. д. Н. Я. Мерперт сказал в одном из своих интервью, что он был поражён, впервые видя такое в степной археологии. Но он видел здесь эволюцию, это был не только перенос. Я категорически возражаю против точки зрения Н. Б. Виноградова о том, что это пришлое население. Я не знаю других районов, из которых весь этот комплекс мог прийти сюда. Я считаю, что он сложился здесь как некая целокупность, как самосознание и самоутверждение. Мы с вами работаем в одном мире. Ямники — это его основа. В нескольких метрах от Аркаима могильник Александровский, там прекрасный ямный материал. Могильник Куйсак — более 30 курганов, мы исследовали один, и он оказался ямным. Мы просто не знаем материалов, все открытия впереди.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Коллеги, пора поставить точку на этом блоке. Резюмировать нет смысла. Каждый для себя уяснил то, что хотел. Следующий блок — это абашевский блок, не в плане хронологии, а в плане культурных соответствий.

В. С. МОСИН: Начну с географии. Южный Урал, как известно, представляет

собой три региона — Приуралье, Урал и Зауралье. Граница проходит по западным хребтам и фиксируется очень чётко. Само Предуралье является восточной частью Русской равнины. Граница фиксируется и по водным ресурсам, и по климату, так как, хотя Уральские горы и не высокие, но они задерживают атлантические воздушные массы. А вот между Южным Уралом и Зауральем границы нет. Восточный склон Урала переходит в холмисто-увалистую равнину, называемую пенепленом, и доходит до берега древнего моря, которое фиксируется по притокам Тобола. Сегодня эта территория называется степью. Я думаю, есть основания для атлантика и суббореала считать эту территорию степной. Памятники неолита и энеолита (признаки: в неолите волнисто-гребенчатая керамика, а в энеолите гребенчатая с геометрическими мотивами) все укладываются в эту территорию. Граница на юге проходит по широтному течению Урала, далее по линии холмисто-увалистой лесостепи и уходит на север. Эта территория — весь вмещающий ландшафт для памятников каменного века, которые начиная с мезолита развивались автохтонно. Они представляют одно общество, имеют одну этническую принадлежность.

Вы смотрите на генезис синташтинских памятников со стороны эпохи бронзы, а я смотрю со стороны глубокой древности — каменного века. Как и энеолитические памятники, синташту нельзя назвать культурой, поскольку это понятие ограничивает наше восприятие, его нужно пересматривать. Те поселения синташтинской культуры, которые мы фиксируем, я считаю самым поздним и самым восточным её вариантом. Это финал этого типа памятников. Они, безусловно, отношения к каменно-

му веку иметь не могут. Во-первых, между ними огромный хронологический разрыв. Во-вторых, когда мы говорим о формировании синташты, мы имеем в виду прежде всего уральское абашево, катакомбные, ямные памятники и т. д.

Говорят, что в синташтинской керамике есть черты, присущие керамике энеолитической. Имеются в виду техника гребенчатого штампа, геометрические мотивы — традиции, которые выработались на территории Южного Урала в течение четырёх-пяти тысячелетий. Передача таких традиций другому населению могла осуществляться только посредством брачно-семейных контактов, никаким другим путём это невозможно. Для того чтобы в абашеве появилась керамика с гребенчатыми мотивами, её формирование должно было проходить в непосредственной близости к Южному Уралу при непосредственном контакте с местным населением, в процессе смены нескольких поколений. Синташтинская керамика не формировалась в непосредственном контакте с южноуральским регионом, скорее это происходило в Приуралье. Те геометрические элементы в этой керамике, которые некоторые считают «уральскими», были переданы синташтинцам посредством абашевского населения.

Я согласен с теми, кто считает, что синташтинские памятники сформировались в Приуралье, ближе к Поволжью, вероятно, на позднекатакомбной основе, с участием абашевского населения. В Зауралье они попали позже. Попытки освоения Зауралья были ещё в ямное время, они закончились неудачей. Путь ямников проходил по кромке холмисто-увалистой лесостепи и дальше — за Тобол. Вторая попытка освоения этой территории была уже

в синташтинское время. Территорию, которую они стали осваивать, я бы условно назвал праугорской. И освоение этой территории, возможно, побудило новое население обратиться к идее укрепленных поселений. Раньше это население находилось в своей, условно говоря, индоевропейской среде. Как только синташтинцы попадают на границы иного мира, они обращаются к идее укрепленных поселений.

В. И. СТЕФАНОВ: От кого эти укрепления появились?

В. С. МОСИН: Это то население, которое жило здесь, по меньшей мере, с неолита, угорское.

В. И. СТЕФАНОВ: Когда создавались поселения, кто жил рядом с синташтинцами?

В. С. МОСИН: Это угорское население, которое жило здесь, по меньшей мере, с неолита. В археологических дефинициях я не могу сегодня ответить на этот вопрос, потому что мы на эту территорию раньше не обращали внимания.

В. И. СТЕФАНОВ: Для меня загадка: у синташтинских памятников есть территория, а с кем они граничили?

В. С. МОСИН: Сегодня не могу ответить, это моё понимание процесса.

О. Н. КОРОЧКОВА: На такой небольшой территории сосредоточено так много укрепленных поселений. Не логичнее ли предположить, что их обитатели выясняли отношения друг с другом?

В. С. МОСИН: Не знаю, я своё понимание изложил.

Л. Н. КОРЯКОВА: По существу Вашей модели: укрепленные поселения были созданы единственно, чтобы не допустить натиска того населения, которое граничило с лесостепью? Как эта территория представлена археологически?

В. С. МОСИН: Пока никак.

В. С. ГОРБУНОВ: Вы говорите о большой хронологической разнице между синташтинской культурой и финалом энеолита. Как это выражается в цифрах?

В. С. МОСИН: Цифры весьма расплывчатые. Я думаю, что не меньше 300–400 лет.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Как вы объясните такое технологическое сходство терсекской и синташтинской керамики (использование форм-основ и так далее), если между ними такая хронологическая разница?

В. С. МОСИН: Памятники ботайско-терсекские — это степные памятники, а не уральские, о которых я говорил. Поэтому вопрос об их соотношении с синташтой — это другой вопрос.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Беда в том, что эта одна общность геометрической керамики, которую Вы сами выделили.

В. С. МОСИН: Есть формальные позиции, по которым мы выделяем общность, а есть конкретное население, оставившее эти памятники. Ботайские и уральские памятники принципиально едины, но одни уральские, другие казахстанские.

В. И. СТЕФАНОВ: А откуда тальк в синташтинской керамике?

В. С. МОСИН: Мог прийти и через абашево, почему бы нет.

В. В. ТКАЧЁВ: В. С. Мосин высказал очень дельную мысль, когда картографировал все наши памятники: они чётко укладываются в контактную зону между угорским и индоевропейским мирами. Но механизмы пока ещё не определены. Е. Е. Кузьмина разработала типы миграций и отметила, что субстратное население, если оно стоит ниже по хозяйственному типу, либо обособляется, либо ассимилируется. Но синташтинцы не потомки суртандинцев, а что-то постсуртандинское, мы не знаем. Я занимаюсь синташтинской керамикой. Удалось выявить 160 элементов орнамента. С книгой В. С. Мосина «Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья» 14 сходжений — самых примитивных. Никаких уточек. Видимо, всё это впитали не синташтинцы, а абашевцы, которые столкнулись с ними на Южном Урале. С абашевом сходжений куда больше.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Перейдём к абашевскому блоку.

В. С. ГОРБУНОВ: Абашевцы представляют собой очень странный ареал. Есть несколько вариантов географического ареала: сплошной ареал, представленный в древности достаточно компактно, есть разорванный ареал, есть лакунарный ареал. Для абашева не подходит сплошной ареал. Вроде бы абашевские памятники представлены двумя большими группами, но есть большие пространства, на которых нет таких памятников или мы их не знаем.

В том, что это не местное, а прошлое население, наверное, никто уже не сомневается. И то, что оно вырос-

ло из репина, никто не говорит, потому что надо тогда репино продвинуть до уровня среднего бронзового века, а этого сделать нельзя. Наиболее приемлемый вариант состоит в том, что мы имеем дело с каким-то постшнуровым населением. Оно шло несколькими потоками. Первый поток: «более шнуровое», нежели абашевцы, фатьяновское население. Затем, когда, как сказала Л. Н. Корякова, было разведано информационное пространство, пришла новая волна — абашевская. Я когда-то считал, что её истоки были на Дону, но это было в 1970-е гг., когда не было известно синташтинских, покровских и других памятников. Появление новых источников заставляет изменить точку зрения. Сейчас у меня всё больше складывается впечатление, что самую раннюю позицию занимают средневожские абашевцы. У них было несколько культурогенетических взрывов. Первый взрыв связан с тем, что произошла дивергенция и появились два абашевских деривата — на Дону и на Урале. В обоих случаях были мотивы для освоения новых территорий. Это связано, с одной стороны, с доно-донецкими рудными источниками, а с другой — с зауральскими.

Говоря о двух источниках абашевского культурогенеза, я не подразумевал, что они связаны с одной и той же территорией. Источники были там, где было абашево и ещё какое-то окружение. На Дону это были абашево и КМК, что дало толчок к формированию предсрубных массивов. На Урале это дало толчок или совместно участвовало в формировании синташты. Логика движения синташтинцев с востока на запад ничем не подкреплена. В. С. Мосин показал, что в Зауралье не было базы для формирования этой культуры.

Сходство абашева и синташты во многих аспектах поразительно. Остальные элементы, видимо, носят эпохальный характер. Тот «котёл», который возник в первой половине II тыс. до н. э., был феноменальным по масштабам и размерам процессом. В абашеве, кроме пришлого элемента, силён ямный компонент. Ямная погребальная традиция, она не шуровая, а местная. Абашево, в отличие от многих культур, не исчезло, оно передало свою энергию, явилось толчком. Где бы ни оказывались абашевцы, они создавали основу металлообработки. Картины на Мосоловке и на Береговском почти идентичны — внизу абашевский, а выше абашевско-покровский слой (я понимаю под этим финал абашева и превращение его в покровку). Так обстоит дело на поселениях, а в погребениях иная картина, поскольку жизнь и идеология в археологии дают не всегда идентичный результат. Погребальные памятники мы знаем не в полной мере, и при разном видении выстраиваем разные схемы и картины.

В культурогенезе синташты несомненно участие степи. Мнение, высказанное однажды Е. Е. Кузьминой, получает новые подтверждения. В предалакульском горизонте она видела то, о чём мы говорим сейчас.

В российской историографии всегда были два направления: сторонники местного развития всех культур и миграционисты. В. А. Городцов придерживался компромиссной позиции, он не был сторонником автохтонного развития и не отрицал миграции. Но после него мы очень мало продвинулись в понимании и миграций, и внутреннего развития культур. Мы не всегда отделяем, где это произошло внутренне, а где были внешние импульсы.

Вопрос относительно архитектуры уральских поселений обстоит сложно.

Я позволю себе изложить не очень популярную точку зрения: скорее всего, это были несложные сооружения — не глинобитные стены, а деревянные ограды, плетёные и обвалованные. Поэтому они хорошо сохранились и позволяют проследить архитектуру. Я не хотел принизить их значимость, а исхожу из здравого смысла. Если строить с использованием сложных приёмов, возникает вопрос — для чего и для кого? И какими силами? Могильников немного, культурный слой не такой мощный. Я думаю, что прежде всего эти сооружения предназначались для охраны стад. Животных было много, а с появлением стад число хищников резко возрастает. Там и собаки есть, а в абашеве, например, собак почти нет, они появляются в курганных захоронениях, что показывает высокий их статус. В синташтинских сооружениях были и загоны, и места, где жили пастухи.

Второе: возможно, между поселениями были неприятельские отношения. Хотя Г. Б. Зданович говорит, что были пожары и сжигали сами, а не чужие. И ещё это были центры торговли, потому что большое количество животных позволяло проводить ярмарки, на которые приходили лесные и лесостепные племена. Относительно значения синташтинских посёлков как религиозных центров не берусь судить, поскольку плохо представляю, как это могло осуществляться.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Скажите, к чему приурочены псалии? На ваших памятниках много псалиев.

В. С. ГОРБУНОВ: Не так много, по сравнению с синташтой. Что касается типов псалиев, то после хорошей работы А. Н. Усачука многое нужно будет пересматривать заново. В погребальных абашевских комплексах их почти

нет. И там этого мощного степного воздействия лошади не ощущается. Но мы не всегда можем по фактам судить о процессах. Я убеждён, что изменения в количестве вещей, в погребальной практике отражают процессы деструкции, неустойчивость. А в период стабилизации отмечается меркантильность. Это не значит, что в срубное время люди были беднее, скорее всего, изменилась система ценностей. От более показного погребального обряда они перешли к более рационалистическому.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Что в абашевской культуре могло стать основой для формирования укрепленных поселений синташты?

В. С. ГОРБУНОВ: Я не говорил, что это полностью основа. Может быть, я не верно сказал про загон для скота, я считаю, что это хозяйственно-культурный центр. Может, там была и металлургия, а почему они должны были где-то в другом месте металл плавить?

И. В. ЧЕЧУШКОВ: Если там содержали внутри скот, то каким образом обеспечивалась кормовая база для скота?

В. С. ГОРБУНОВ: Я считаю, что городища РЖВ выполняли такую же функцию. Это не места, где жили, а своего рода карды, куда загоняли скот. Во-первых, в зимнее время, а во-вторых, на ночь или в другие периоды. А что касается корма, то это вопрос и для РЖВ, они ведь тоже каким-то образом кормили скот.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Вы говорите о постшнуровом компоненте сложения абашевской культуры Южного Урала. Насколько я понимаю, это то население, которое окрасило часть материала,

придало шарм южноуральскому абашеву, колорит. Что вы вкладываете в этот термин на археологическом уровне?

В. С. ГОРБУНОВ: Вы же сами за меня ответили. А из какой конкретно культуры, как и в синташте, можно только гадать.

В. И. СТЕФАНОВ: А кто-нибудь делал анализы, например, на фосфор на укрепленных поселениях? Если там скот держали, то там фосфору должно быть...

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Если говорить о топографии, то укрепленные поселения всегда занимают «островное» положение. Есть третья стена, скот не держали внутри самих поселений. Там ситуация как в «варе» в Авесте: первый круг для огня ярких, пылающих и для семени, второй круг для людей и третий для скота. Скот содержался не летом, но внутри третьей стены скот содержали только во время опасности и зимой. В этой зоне широкие поймы рек, камыш, можно содержать скот при минимальной заготовке кормов.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Если синташта представляет собой позднюю стадию развития абашева при участии других компонентов, почему синташтинское гончарство не похоже на абашевское?

В. С. ГОРБУНОВ: Гончарство это, безусловно, важный и яркий элемент, но ему часто уделяется излишнее внимание. Полагают, что изменения в керамике всегда вызваны сменой населения. Это не так. Например, замена перед коллективизацией самодельной посуды на фабричную не свидетельствует о смене населения. Вопрос о керамике сложный, тонкий, а мы все гипотезы строим, исходя из собственных рассуждений. На Мосоловском

поселении абашевская керамика сменяется срубной, но там керамический комплекс эволюционно развивался десятки или сотни лет. Может быть, для населения эти изменения были не так заметны. Абашево относится к периоду деструкции, затем неустойчивость многих вещей заменилась стабильной идеологией. Что такое, например, поза адорации? Это не только «поза покорности», это известная идеологическая дилемма, которая позволила срубникам создать общество с мощной организационной системой. Если бы её не было, сохранить идентичный погребальный обряд от Днепра до Урала не удалось бы. Эта поза свидетельствует о том, что люди и к вере, и к своему руководству относятся с пониманием и уважением.

О. Д. МОЧАЛОВ: На мой взгляд, технологические традиции в древних обществах просто так не ломались. В 1920-е гг. было по-другому организованное индустриальное общество, и смена кустарной посуды фабричной — не тот случай. Технология керамики консервативна, может быстро измениться орнамент, внешний вид сосуда, а технология вряд ли.

Абашево и синташта, безусловно, частично синхронны, но синташта не вырастает из абашева в качестве его модификации. Абашево повлияло на облик синташтинской керамики, но это были сопредельные культуры. Абашевская культура занимала в основном лесостепное Приуралье, а синташтинская — степное Приуралье и Южное Зауралье. По поводу контактов, возможны брачно-семейные связи, естественно, на керамике это отражалось, могли быть и иные варианты. Была у Н. Б. Виноградова такая аллегория: «абашевская вуваль» — именно как влияние частично синхронной культуры.

В сложении синташты, на мой взгляд, также приняли участие южные и юго-западные группы. Я вижу истоки некоторых синташтинских форм и орнаментов — не технологии — на Кавказе, в Средней Азии. Это было как подражание. От местных постэнеолитических групп, как предположил В. С. Мосин, через абашевские популяции были переданы традиции керамического производства. Есть понятие «пережиточный энеолит», но у нас нет датировок, мы можем только что-то предполагать. Технология синташтинского гончарства, по данным А. И. Гуткова и Н. П. Салугиной, во многом основана на местных корнях — не только уральских, но и культур сопредельных территорий.

В. С. ГОРБУНОВ: Тогда почему такое типологическое сходство металла — пластинчатые формы и так далее? На Кавказе их нет.

О. Д. МОЧАЛОВ: Я считаю, что традиции распространения металла и традиции передачи керамики могут не совпадать. Носители традиций керамического производства — женщины, традиции металлургии — это другое.

Л. Н. КОРЯКОВА: В поздних материалах известны ситуации, когда приходящая группа использует местную керамику. Такую возможность не стоит отрицать. Мы говорим «контакты», а какие контакты: соседские отношения, брачные связи, торговые отношения, социальная инкорпорация и подавление? Нужно, наверное, говорить о методологии культурно-генетических построений.

М. В. ХАЛЯПИН: По поводу взаимодействия абашева и постэнеолитического населения: оно фиксируется в

материалах Малокизильского селища. У В. С. Горбунова интересная гипотеза, что эти поселения маркируют границу этносов. Однако уровень военизированной синташты избыточен для того, чтобы воевать с никому не известным населением.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Известно 200 синташтинских погребений, но нет ни одного костяка со следами насильственной смерти.

В. И. СТЕФАНОВ: Помните, поселение Коркино — полтора десятка трупов. Поселение неукреплённое, а такой конфликт.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: А у нас на поселении нет ни одного следа.

В. В. ТКАЧЁВ: В нашей дискуссии была проигнорирована схема В. С. Мосина. На Средней Волге, где формировалось ядро абашевской культуры, мы не наблюдаем такого всплеска геометризма, который проявляется в Южном Приуралье. Геометризм появляется потому, что абашевцы застают здесь пережиточное постэнеолитическое население. Малокизильское приоткроет, наверное, завесу таинственности. Схождений в орнаментации не так много, у абашевцев наблюдается переработка тех мотивов, которые мы видим в суртандинских древностях. Для того чтобы не просто воспринять эту серию орнаментальных мотивов, а ещё и переработать и развить, нужен был срок. Этот срок обозначен О. В. Кузьминой — два этапа абашева, классический и поздний, синхронизируемый с турбинским временем.

Мы занимаемся сейчас обработкой синташтинской керамики, всей — зауральской, приуральской и потапов-

ской. За главную таксономическую единицу принят подтип, подтипы образуют типы. Выделено 37 подтипов. Из них выкристаллизовывается ядро керамического комплекса, семь подтипов, которые присутствуют на всех синташтинских памятниках, но часть их отсутствует в потаповке. Потаповка — самодостаточный культурный тип, синхронный синташтинскому. К этим семи подтипам подбирались прототипы в предшествующих культурах. Речь идёт о сосудах с ребристым профилем, с плавным профилем и миниатюрных сосудах. В абашевской серии не так много форм находят прототипы, если есть, то с позднекатакомбной «вуалью». В основном — Волго-Донское междуречье. В среднедонской культуре пропорции совсем иные. Элементов орнамента 160. Мало прототипов в суртандах, в основном идут катакомбные и позднеабашевские памятники. К середине декабря будет монография, и там будут таблицы, картинки. Подсчитаны коэффициенты сходства. По форме приуральская синташтинская и потаповская демонстрируют всего лишь 23% сходства, а синташтинская в Зауралье с потаповкой очень близки. По сути, это ситуация, когда все элементы обозначены и представлены, в том числе и формирование керамического комплекса. Наша задача выявить, что же было в постсуртандинское время. Следует прогнозировать появление других древностей.

В. С. ГОРБУНОВ: Какие памятники вы относите к приуральской синташте?

В. В. ТКАЧЁВ: Это Танаберген 2, Жалман-Каргала 1, Ишкименский 1-й и 2-й некрополи, Герасимовский 2. Там нет никакого талька, там мелко дроблёная ракушка, так же как в приуральском

абашеве. Тальк появляется в Зауралье. Моё мнение, что основной комплекс культурных стереотипов формируется в приуральской зоне.

В. И. СТЕФАНОВ: Можно ли рассматривать примесь раковины как хронологический признак?

В. В. ТКАЧЁВ: Нет, я думаю, это территориальный признак.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Здесь ещё и ритуальная обусловленность, не только технология.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: А какой процент сходства между зауральскими памятниками и потаповкой?

В. В. ТКАЧЁВ: Суммарные серии 0,62. По форме. По орнаменту 0,83. По форме и орнаменту 0,80.

О. Д. МОЧАЛОВ: Мы с П. Ф. Кузнецовым провели сравнение трёх известных потаповских памятников и всех известных синташтинских. И выяснилось, что связь внутри этих групп часто более слабая, чем, например, с потаповкой. И наоборот. Каждый памятник демонстрирует свой, в чём-то особый путь развития. С формальных позиций получилось, что это действительно не одна культура, а культурный тип, «котёл», где всё варится. Выводы наши были, что потаповку и синташту разделять категорически нельзя, это явления одного порядка. Полученные абсолютные даты тоже говорят об их синхронности. Вообще я не вижу смысла ставить вопрос: что появилось раньше, зауральская синташта, приуральская синташта или потаповка. На мой взгляд, на данном этапе обсуждения это явления относительно

синхронного порядка. Точно утверждать, что появилось раньше, нельзя.

В. С. ГОРБУНОВ: О. Д. Мочалов поднял важную проблему. Я считаю, что суммарные оценки не всегда корректны. Мы должны сравнивать конкретные памятники. Если взять крупные памятники, мы найдём в них больше различий чем, если сравнивать суммированные данные той или иной культуры. Нужно обсуждать вопросы методики.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Каковы основания для представлений о более ранней позиции памятников потаповского типа?

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Такие данные отсутствуют. В настоящее время мы можем говорить об их относительной синхронности в интервале около 50 лет (по данным радиоуглеродного датирования).

С. А. ГРИГОРЬЕВ: П. Ф. Кузнецов считает, что серии радиоуглеродных дат показали, что синташта и потаповка существенного хронологического приоритета по отношению друг к другу не имеют. Это надо делать точнее, и радиоуглерод не применим для микрохронологии.

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Излишне категоричное суждение. В настоящее время точность измерения некоторых образцов достигает допуска в 20 лет. Точность определения реального времени каждой культуры пропорциональна количеству датировок её памятников. В настоящее время мной учтено 32 достоверно синташтинских даты и 14 потаповских дат. Из всех синташтинских дат, имеющих допуск достоверности не более 100 лет, наиболее глубокими являются известные четыре даты двух

черепов лошадей из могильника Кривое Озеро. Но они странным образом расходятся во времени. Эта особенность датировок черепов привлекла внимание специалистов и даже использовалась противниками радиоуглеродного датирования. Одно из возможных объяснений этого феномена — помещение в могилу ритуальных фетишей, созданных задолго до возведения могильника. Если это так, то вся свита достоверных собственно синташтинских образцов, датирующих только памятники, сдвигается в сторону небольшого омоложения. Собственно потаповские даты пока остаются на месте своего временного интервала.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В Вашем докладе сказано, что потапово первично по отношению к синташте. Но есть черты, которые связывают потапово с Зауральем. Это тальк — примесь, чуждая Поволжью, но традиционная для Зауралья, а также конструирование сосудов с использованием тканевых форм-основ. Часть каменных изделий изготовлена из уральских пород. Шлак, обнаруженный в Утёвке VI, получен при плавке зауральской руды в серпентинизированных ультраосновных породах.

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Тальковая примесь есть в абашевской керамике на территории Приуралья. Возможно и более раннее её появление в Поволжье. Работа по изучению ареала тальковых примесей и времени её распространения на территории Волго-Уралья ещё не проделана. Разве конструирование на форме-основе было изобретено в синташтинское время? Но я не отрицаю связей с населением Южного Урала. Без этих связей невозможно было бы существование феномена потаповки. Наличие уральского

сырья может приводиться не столько как аргумент в пользу миграции, но как аргумент, подтверждающий направление экономических связей.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: На более поздний характер потаповки указывает и относительное преобладание в этой зоне, по сравнению с Зауральем, псалиев со вставными шипами над псалиями с монолитными шипами, а также орнаментированные псалии, отсутствующие в Зауралье. При этом орнаменты выполнены в микенском стиле. Орнаменты этого типа маркируют сравнительно узкий хронологический горизонт, соответствующий поздним абашевско-синташтинским древностям и ранним срубно-алакульским.

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Как человек, живо интересующийся проблематикой конской упряжи, решительно не могу согласиться с приведёнными замечаниями. Большая их часть относится к сфере историографической. Есть две основные зоны распространения псалиев — с монолитными и со вставными шипами. В потаповке они пересекаются (курган 5, погребение 4). В Зауралье поступают импортные западные изделия (Каменный Амбар, курган 2, яма 8 — орнаментированный псалий). В Поволжье отсутствуют некоторые разновидности синташтинских псалиев. Стиль орнамента, называемый «микенским», исходно таковым не является. Позднеэладский период, к раннему периоду которого относится могильный круг А Микен (LH I), хронологически более поздний, чем потаповско-синташтинские памятники. Псалии из Микен типологически более поздние, чем синташтинские. Памятники потаповского и синташтинского типов соответствуют

центрально-европейскому BrA_2 и среднеэлладскому (домикенскому) периоду МН III материковой Греции.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В потаповских комплексах встречены несколько более поздние химико-металлургические группы (ЕУ, ВУ), включающие в свой состав и оловянистые бронзы. С. А. Агапов и С. В. Кузьминых сделали вывод о прошлом характере потаповского комплекса металла, который чужд Среднему Поволжью.

П. Ф. КУЗНЕЦОВ: Насколько мне известно, оловянистые бронзы есть и в синташтинских памятниках. Пришлый характер потаповского металла в той же мере является чуждым для Среднего Поволжья, в какой чуждым для Зауралья является металл синташтинский. Если не более чуждым — сквозь призму предшествующих культур.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Мы говорим об «очаге культурогенеза», а по сути, о спичке, брошенной в костер, наполненный бензином. Есть замечательная работа Лотмана «Культура и взрыв». Конечно, мы имеем дело с феноменом.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Для меня совершенно очевидно, что «взрыв» произошёл там, где он мог и должен был произойти, потому что «они» пришли за металлом. Это заставило их строить крепости — чтобы защищать не только скот, но и самое дорогое, что было, что обменивалось на скот, а именно металл и руду. Поэтому мы видим огромные гекатомбы, где кони и колесницы. Здесь этот обряд сложился в своём чистом виде. Чем дальше на запад, тем сильнее меняется ситуация. Захоронения не менее богаты, но половина ритуала утрачена, там

только «рога и копыта», ноги животных и черепа. Именно здесь, именно из-за руды происходили эти процессы, с разных сторон прибывали люди, потому что металл был всем нужен.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Есть теория, что эти поселения возникли для защиты рудных богатств. Реальность иная. 87% синташтинских плавок сделано на базе очень бедных руд. Нам удалось найти способ привязки шлака к определённым рудникам. Наиболее приемлемое, что мы сейчас знаем, это Дергамыш и Ишкинино, то есть рудники очень удалённые от зоны распространения синташтинских городищ. 13% плавок представляют другие месторождения.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Это зауральский пене-пен. В древности все породы лежали на поверхности. В Александровке, на Аркаиме, рудная жила в скале, открыт рудник Воровская Яма и так далее. Они мелкие, но нужно представить их большое количество.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Что касается Воровской Ямы, это тот же тип, но данных ни аналитических, ни археологических о плавках из этого рудника нет. Археологический материал алакульский.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Есть синташтинские черепки из подъёмных сборов.

В. В. ТКАЧЁВ: В районе Ишкинино я работал несколько сезонов. В непосредственной близости с рудником обнаружены алакульские поселения и некрополь. Там же выявлены погребения, совершённые по ямному ритуалу, но керамика с «уточками», суртандинскими чертами. Есть поздний ямный курган. Попытки освоения этой терри-

тории индоевропейскими племенами действительно подтверждаются. В двух курганах в разных могильниках впускные синташтинские захоронения и масса алакуля. Раз минералогия подтверждает плавки из ишкининской руды, можно было бы считать, что это так, но демографическая ситуация не позволяет на этом настаивать. Представлены преимущественно младенческие захоронения, до года. Вряд ли бы эти горняки доставляли к рудникам с поселений женщин на сносях.

Л. Н. КОРЯКОВА: М. Корфманн пишет про турецкие поселения, они их называют «деревни»: там тоже нет следов, что они воевали, просто деревня, организованная таким образом. Не могу точно воспроизвести его слова, но смысл в том, что такая форма поселений очень экономична, в аспекте сохранения теп-

ла и расхода материалов. Чтобы построить такое же количество жилищ отдельно, потребуется гораздо большее количество материалов. Но эта система была уязвима относительно пожарной опасности. Очень интересна мысль, иллюстрирующая социальный смысл этих поселений: в них обитали, несомненно, родственные, тесно связанные коллективы. И это предполагало большую солидарность. Если какая-то семья не может участвовать в починке своего жилья, ей должны помочь другие. Следовательно, эта группа должна была обладать запасом каких-то средств, которые позволили бы слаженно существовать этому коллективу. Мне кажется, что смысл поселений нельзя искать только во внешних факторах, нужно смотреть, что было за общество, какие решались социальные задачи.

IV

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Основы аргументации приведены в моём докладе, и можно переходить сразу к дискуссии. Первое, что нужно сказать, что все мнения, существующие в литературе о широком распространении городищ подобного типа, не основаны ни на чём. Это специфическое анатолийское явление, и сопоставления с европейскими комплексами типа Ленделя или поселениями михельсберской фазы не правомерны. Во-первых, это IV тыс. до н. э., другая архитектура, внутри нет жилых площадок, которые находятся за пределами этих укреплений. И когда говорится об Анатолии, говорится не о круглопланиности. Будь они треугольными, всё равно были бы ближайшим аналогом синташты. Речь идёт о сходстве всех архитектурных деталей. Даже соотношение пристенных очагов и круглых печей.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Сколько подобных поселений в Анатолии?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Мне известно порядка 15, на которых проводились раскопки. Это, в том числе, Демирчиуйюк, Пулур, Мерсин, слой 16. Элементы этих вещей есть в Эмпорио.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Нет-нет, в комплексе. Это явление в Анатолии настолько рядовое?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Это анатолийский стандарт.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Что имеется в виду под элементами?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Полномасштабных раскопок проводилось мало.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Сколько?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: То, что я перечислил. Но участки, где полностью не восстановлен круг, — около 15. Если у нас говорить — сколько у нас раскопано? Аркаим, Синташта, Устье.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Куйсак, Аландское.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Тут мы видим сверху, а там всё перекрыто слоями.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Но мы точно знаем, что здесь другого просто нет, это единственное планировочное решение.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Я говорю о корректности Вашего вопроса, потому что если его задать Вам, то получится тоже 2–3. А там идут огромные напластования теллей.

Л. Н. КОРЯКОВА: Я консультировалась с археологами, которые их копали. Они, действительно, распространены на западе и северо-западе Анатолии. Турки считают, что это влияние пришло с Эгеи, с Балканского полуострова в IV тыс. до н. э.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В Эгеиде эта схема появляется в раннеэладском III периоде и существует очень недолго. Причём появление этих памятников сопровождается появлением минийской посуды. Как показал Мелларт, минийская посуда имеет истоки в Северо-Западной Анатолии.

Л. Н. КОРЯКОВА: Я не считаю, что кто-нибудь из нас эксперт в этой области.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Я вам и поясню.

Л. Н. КОРЯКОВА: Я не считаю, что вы, или я, или кто-то другой эксперты в

этой области. Поэтому умней, наверное, прислушиваться к людям, которые этим занимаются, да?

В. С. ГОРБУНОВ: Л. Н. Корякова правильно сказала, мы должны получить элементарную информацию, не такую глубокую. Например, у Вас есть карта, где они расположены? Как это соотносится с нашей территорией? Это достаточно далеко от нас.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Когда идёт большая популяция, она должна где-то останавливаться. Когда андроновцы идут на юг — это десятки пунктов андроновских памятников, у меня есть карты.

Л. Н. КОРЯКОВА: Ну Вы же сами сказали о разных путях миграции. Но, насколько я знаю, все эти памятники датируются III тыс. до н. э., тогда как синташта — II тыс. до н. э.

Т. С. МАЛЮТИНА: С. А. Григорьев отрицает Эгейское, Дунайское влияние (а там тоже есть круглые города) на том основании, что там плетень, органика, палисады, а на синташте этого нет. Всё это есть в синташтинской культуре. Там тоже есть укрепления и стены. С одной стороны, хочется поверить и Григорьеву, но мы же тоже смотрим литературу. Там и земляные стены есть, Эзеро, то же время.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Да, можно в определённой степени сопоставлять это, хотя способ строительства там не анатолийский, а местный. В это же время происходит слом балканской энеолитической культурной системы и появляются другие, как я считаю, анатолийские элементы. И М. Корффман, и Г. Парцингер писали, что эта анатолийская поселенческая

система иногда появляется на Балканах. Но появляется два раза — в начале ранней бронзы и то, что я сказал — раннеэлладский III период.

Т. С. МАЛЮТИНА: Но там тоже при желании можно найти комплекс признаков, которые соотносятся с Аркаимом.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Есть желание — найдите. Но я хочу подчеркнуть, что у меня нет ни капли сомнения, что в формировании синташты принимали участие и местные восточноевропейские популяции.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Абашево?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В большей степени катакомбники. Это слабо выражено в материальной культуре, но соотношение культуры и реальных физических носителей может быть не адекватным, это проблема не археологов, а антропологов и генетиков. Мы говорим о корнях культуры, а корни имеют анатолийское происхождение. Что касается каменных орудий — все эти булавы и прочее — нельзя говорить только о катакомбном мире. Они имеют более широкое происхождение, начиная от Причерноморья, заканчивая Палестиной. Металл — то же самое. Но есть более специфические вещи, в Восточной Европе я их не знаю.

Е. Е. КУЗЬМИНА: У меня сейчас лежит диссертация по катакомбному металлу — на каждый тип своя карта и свои анализы.

С. А. ГРИГОРЬЕВ (демонстрирует иллюстрацию): Вот это как бы отлито в этой литейной форме, правда, находка с поверхности в районе Аркаима. Керамика: когда Е. Е. Кузьмина говорит о том, что

юг — гончарная посуда, север — лепная, это не так. Если говорить о Месопотамии или Сирии, там да, а в Анатолии не так. Я был в музее Коньи и смотрел материалы периода ассирийских торговых колоний. Такой развитый период, а вся посуда лепная. И та посуда, которую я видел из Телль-Нагилы — лепная. Самый развитый район Анатолии — северо-западный. Анализировалась посуда Демирчиуйюка периода средней бронзы (до конца III тыс. до н. э.). Она вроде гончарная, сделана просто на вращающейся подставке, но там примеси как в лепной посуде. В центральной и восточной Анатолии — лепная посуда, Закавказье — лепная посуда.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Кавказ — это другой регион.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В Анатолии единственное, когда происходит распространение культуры Трояды вплоть до Киликии, тогда на западе и по южному побережью Анатолии идёт распространение гончарной традиции, а везде в иных местах остаётся прежняя. Далее, то, что Н. Б. Виноградов говорил о технологии. Когда я говорю геологам, что плавки синташты основаны на ультраосновных породах, мне говорили: «Это невозможно, зачем на Урале выбирать наиболее бедные руды, какие можно придумать?». Я анализировал шлаки эпохи бронзы от Подонья до Алтая. Плавки такой руды больше, практически, не встречаются. Объясняется всё просто. В Юго-Восточной Анатолии находится так называемый офиолитовый пояс, и все руды там в ультраосновных серпентенизированных породах. Сейчас реконструируется технология получения серебра — достаточно сложная, двухфазовый процесс, выпаривание, извлечение серебра из

свинцовой руды. Эта технология специфически юго-восточно-анатолийская. На Урале она возникнуть не может, поскольку до этого здесь не существовало металлургии свинца.

Что касается распространения идей. Технологии без носителей, тем более через безрудное пространство, не распространяются. Наконечники стрел: когда В. В. Ткачёв, со ссылкой на Е. Е. Кузьмину, говорит, что в этих наконечниках видны традиции катакомбных стрел, мне кажется, лучше искать пусть более отдалённые, но прямые аналогии, чем делать допущение. И что касается ссылок на меня, что металлургическая технология могла прийти с Северного Кавказа... Никогда я такого не писал, это невозможно, потому что синташтинская традиция легирования не в металл, а в руду на стадии плавки могла сформироваться только в том месте, где была металлургия, а не металлообработка, а на Кавказе её нет. В керамике основные формы — явление анатолийское. Там есть существенные проблемы, накладывается комплекс закавказский и восточноевропейский. Но это более сложная проблема, на это нельзя закрывать глаза. Есть прямые параллели — например, конические пряслица.

Л. Н. КОРЯКОВА: Такая конвергенция, что где угодно такие пряслица могут быть.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Где?

Е. Е. КУЗЬМИНА: В Южной Америке, в ямной культуре, в Средней Азии.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Они известны ещё в Закавказье. Но я говорю о том, что там мы находим весь комплекс признаков. На Ближнем Востоке на сегодняшний

день не известны культуры — прототипы синташты. Сирия не подходит категорически, скорее это Юго-Восточная Анатолия. К северу там находятся другие культурные комплексы. Ситуация сложная. Кажется, накопано там много, но много работ проведено на неолитических памятниках, много раскопок на побережье, в основном копаются античность. В Восточной Анатолии раскопок до обидного мало. Я считаю, что наиболее перспективен район провинции Диярбакыр в междуречье Тигра и Евфрата, но, скорее всего, на притоках, как и у нас на притоках Урала и Тобола. Там сейчас начат большой проект, связанный с мелиоративными работами, но работы будут вестись в районе затопления, прежде всего Евфрата, и какие-то элементы протосинташтинские мы там получим, но не думаю, что это будет весьма существенно. Надо работать самим и на притоках. Я думаю начать эту деятельность года через 2–3. Нужно быть осторожнее. Точно так же с лошадей. Когда Вы приводите данные по Месопотамии, Елена Ефимовна, но в Анатолии, Косинцев прав, малые, единичные, но факты есть. Лошадь там была в III тыс. до н. э.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Я об этом писала ещё в 1987 г.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: И Бёкони в сборнике в честь Марии Гимбутас написал, что он очень много сил потратил на обоснование теории восточноевропейской доместики лошади. Но затем, сравнительно недавно, он написал, что ему эта теория кажется смешной. Далее, великолепные данные о лошади — Арухло, Цопи шулавери-шомутепинской культуры. На Аликемектепеси, это следующая стадия, там лошадь двух пород, эти данные опубликованы в томе «Энеолит

СССР», но это никому не надо. Всё не так просто. В той же синташте много компонентов: ближневосточный, закавказский, восточноевропейский. Я допускаю даже энеолитический компонент. Мне он не понятен, но он есть в Малокизильском селище. Нужно думать, как это исследовать, потому что сами культурные компоненты не соответствуют количеству носителей. Это проблема антропологов. И с языком тоже непросто. В документальном фильме показывали чукчу, у него чукотское хозяйство, но старинный русский говор, он говорит, что он русский. То есть культура и этнос напрямую не соотносятся. Все теории в археологии, как бы одиозно они ни звучали, за всем этим стоит какое-то рациональное зерно. Нельзя закрывать глаза на какие-то вещи, полностью их отталкивая.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Как вы представляете перенос идеи укрепленного поселения оттуда сюда?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Я буду готов обсуждать идеи только тогда, когда это из разговоров выльется в конкретную схему. Идеи при отсутствии прессы, телевидения и Интернета могли переноситься непосредственными носителями. Количество носителей назвать не могу, это за рамками археологического метода.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: А мне кажется наоборот, если говорить о переносе идей, мы должны обратиться к разработке теории информационной среды, информационной трансляции. Как бы детально ни был разработан этот фланг в синташте или то, что Вы обещаете через 2–3 года, к общему мнению не прийти.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: А если всё-таки без теорий? Как на пальцах сказать: как можно перенести идею?

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Культурная граница в головах носителей, а не в технологии и т. д. По современным данным, насколько глубоки миграции ямников, в том числе и на Ближнем Востоке?

С. А. ГРИГОРЬЕВ: У Вас есть данные о миграции ямников на Ближний Восток? У меня нет.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Это же классическая точка зрения, что же Вы? В Закавказье точно.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Где?

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Куро-аракские древности, различные виды погребального обряда у куро-аракских племён.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Джапаридзе книжку недавно написал о том, что куро-аракская культура складывается под влиянием новотиторовцев, и там он обыгрывает ямный элемент, эти курганы, которым неоткуда взяться, и которые потом появляются в Анатолии с приходом индоевропейцев, протохеттов. Считается установленным факт, что в VII тыс. до н. э. идёт миграция из Анатолии на Балканы и потом в степь, гипотеза К. Ренфрю, она принята лингвистами. А в III тыс. до н. э. идёт обратная волна с Балкан в Малую Азию, приносит индоевропейскую культуру, круглоплановые поселения в том числе.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: Ну, про поселения я не уверен, но культуру волна с Балкан, безусловно, приносит, и куро-аракскую культуру, она не из ямников, а с Бал-

кан. Я видел куро-аракскую посуду, это Гумельница чистой воды. Что касается Триалети. Да, курганная культура, но триалетские гидрии, более ранние им параллели в Юго-Восточной Анатолии, в Тарсусе.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Это импортные вещи, всё золото импортное. Была хорошая работа Медведевой про эти импорты в Закавказье.

В. С. ГОРБУНОВ: А как Вы себе представляете это движение из Анатолии в степи Зауралья? А какие были мотивы и стимулы? Ведь это два разных мира.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В Ереване я работал с группой специалистов, которые занимаются землетрясениями и датировкой землетрясений по археологическим источникам. В конце III тыс. до н. э. гигантские многометровые слои, много памятников, и вдруг всё исчезает. В III тыс. до н. э. были пики тектонической активности, а это страшно в той зоне. То, что было в Спитаке, это детские шалости по сравнению с тем, что было в III тыс. до н. э., и когда поселение на террасе, то смывало террасу. Возможно, связано с этим. Когда я думал, как они прошли, в Ереванском национальном музее увидел рельефную карту, увидел этот путь, он единственный. Когда мне показали карту тектонических разломов, которые направляли эту миграцию, они совпали с этим путём, других путей нет. Из Юго-Восточной Анатолии в Северо-Восточную по разломам, к западу от Арарата, и далее путь через Кавказ, там не так много путей, они природно обусловлены. Не знаю, сколько времени двигались, но в пределах одного поколения, пока сохранились в головах технологические знания.

В. С. ГОРБУНОВ: А они на колесницах или в телегах ехали? Кто-то же принёс сюда традицию.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: И на колесницах, и в телегах. В Анатолии колесницы известны и датируются не позднее восточно-европейских. Е. Е. Кузьмина это косвенно признаёт.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Нет, не признаёт.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: В 1999 г. Вы писали, что принятие калиброванных дат может исправить ситуацию с ранними датировками ближневосточных колесниц.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: В последней работе она как раз пишет, что упряжь — да, но она предназначалась для других животных.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Я думаю, ряд вопросов сегодня был задан для уточнения чего-либо, потому что вчера Л. Н. Корякова неплохо осветила возможность заимствования. По поводу скорости миграции: самые быстрые миграции совершаются всегда в одной (или около одной) климатической зоне, в широтном направлении. Все остальные, когда меняется климат родины на климат прародины, если в пользу ухудшения, то чрезвычайно медленно идут и не ограничиваются одним поколением. В Анатолии средние зимние температуры около +10 °С. На Южном Урале средняя зимняя температура -18 °С. Для того чтобы адаптироваться в этих условиях, нужен срок жизни не одного поколения. Мне импонирует гипотеза С. А. Григорьева, потому что впервые что-то цельное сюда принесено, но непонятен механизм. И ещё тема —

возможность использования колесниц для обычного рутинного движения. Я думаю, такой возможности нет (отсутствие железного обода).

Л. Н. КОРЯКОВА: Насколько я знаю, синташтинское время характеризуется как сухое и тёплое, возможно, климатическая разница была меньше?

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Изменяется только характер распределения осадков в году.

Т. С. МАЛЮТИНА: Мы уже много лет знаем теорию С. А. Григорьева. Н. Я. Мерперт нам предлагал нечто похожее, более широкое только. Григорьев сужает это явление до Анатолии. По-моему, мы видим здесь одни и те же картинки. Мы живём в провинции, Григорьев имеет возможность работать с материалами за границей. Есть ли возможность более детальной проработки этих материалов. Потому что по этим планам я не могу представить печей и всего того, о чём Вы говорите. По керамике тоже — хотелось бы более детально представить. Есть ли такая возможность, подробно, на описательном уровне представить материалы?

М. В. ХАЛЯПИН: Все похожие явления считают заимствованными, но, однажды где-то возникнув, не могла ли похожая идея возникнуть в другой среде?

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Насчёт переноса идей — в Аландском было несколько перестроек, но это приходят люди не из одного поколения, а другие. Но они полностью информированы о том, где стена, очаг, они не портят стен, а пристраивают к ним. Каким образом переносятся эти знания через поколения — не понятно. Гомер записывает тексты

о Троянской войне, которая была 500 лет назад. И в русских сказках так же. Авестийская современная традиция полностью устная. Стеблин-Каменский показывал кассету с молением парса в Дели, который не знает авестийского, но шесть часов говорит молитву, и Стеблин-Каменский его понимает.

Л. Н. КОРЯКОВА: Я тоже отношусь к числу людей, считающих, что эта схема не родная, она принесена. Как? Кем? Не знаю. Я думаю, идея балкано-малоазиатских параллелей может быть проанализирована только в специальном проекте. Нужно пригласить специалистов из Турции в проект, поехать в Турцию, посмотреть эти памятники воочию. Нужно участие специалистов-теоретиков по культурным трансляциям, Арутюнова, например.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Археология, в конечном счёте, наука больших чисел. Мы можем найти подобные сопоставления, но количественные выражения каждого элемента, территориальные их распространения и хронологический диапазон, если их разложить, в значительной степени изменят ту картину, которую мы можем видеть с подачи С. А. Григорьева. Я не против любого решения этой проблемы, если оно будет строиться на принципах научного знания, вытекать из классической методики археологии, с применением материалов истории и сопутствующих методов. Вы когда делали нам обобщённую характеристику этой общности, ни словом не упомянули о погребальной обрядности, зная о том, что на протяжении одного поколения погребальная обрядность кардинально не поменяется. Они должны были прийти с ясными представлениями о том, как происходит

перевод из одного мира в другой. Миграции — один из двух основных видов трансформации культуры. Существуют особые условия, позволяющие на месте возникнуть очень ярким конвергентным формам. Я считаю, что, только обратившись к идее функционирования на базе укрепленных поселений специализированных общин, одной из основных отраслей которых была металлургия, они строили жизнь на принципах тотальной сакрализации, которую они принесли. Только общеметаллургическая направленность могла обусловить столь высокий уровень культуры, который многих смущает и заставляет искать её причины за 1000 км. Именно высокий уровень технологий перенёс систему высоких измерений на всю остальную жизнь. Есть всего несколько способов организации поселений — прямоугольник, круг, овал, а остальное вытекает. Вы скажете, что это развитие идей издавна, которые должны пройти длительный путь развития. Не обязательно. По моей мысли, укрепленные поселения функционировали вовсе не так, как нормальные поселения скотоводческих культур. Иначе, если мы имеем 26 элементов архитектуры, мы должны иметь 26 погребальных полей на могильнике, а этого нет. Пять-шесть, и не надо топить остальных и сжигать. Они особо функционировали. В течение части года, по принципу сменности населения. Но тогда мы должны их рассматривать как часть некоей системы. Я уже высказывал мысль о том, что абашевские и синташтинские поселения образовывали единую провинцию, функционировавшую на основе южно-уральского металлургического очага. Многие памятники — Каргалы, Никифоровское лесничество — несут на себе примеры явно синташтинской тради-

ции. Не стоит увлекаться дальними мирами. Из того мира в другой перетекала некая сумма идей, но это не значит, что мы должны моделировать миграцию, короткую, яркую, хорошо вооружённой группы пассионариев. Это не модель культуригенеза бронзового века.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Если бы кто-нибудь на 5-м курсе МГУ осмелился представить такую таблицу, он бы не получил диплома. Здесь методическая ошибка: нельзя сравнивать аналогии из разных комплексов. Если бы нашёлся памятник с похожей архитектурой и погребальным обрядом (а там они под полом похоронены) — это другая традиция с V тыс. до н. э. Если бы где-то был полный комплекс. Теория миграции хорошо разработана. Есть обязательные условия, если мы хотим доказать миграцию. Должен быть путь миграции, и его нужно обосновать с промежуточными этапами. Должен быть комплекс признаков, а не один случайно выбранный признак. Я внимательно изучала то, что делает Григорьев. Это выборочно. Нельзя сравнивать 25-метровые телли с нашими памятниками. Когда началось обсуждение на Аркаиме, была идея, что они приходят из Средней Азии, там есть круговые планировки. А потом приехал В. И. Сариниди яростный, потому что это не похоже, но гипотеза существует до сих пор. В. В. Иванов выпустил статью, ссылаясь на Г. Б. Здановича и С. А. Григорьева. Мне кажется блестящей идея пригласить турок, потому что европейцы будут играть в свои игры. В одной Турции пять керамических традиций одновременно. И синташтинских черт в керамике там нет. В металле тоже нет. Если искать истоки, то в Средней Азии, там есть полиметаллические руды, реконструируют серебряную технологию.

Это тупиковый путь, но чтобы это понять, нужны люди, которые это знают. Последнее слово принадлежит генетике. В Индии показано, что высшие касты — брахманы и кшатрии — имеют степные гены. Это перспективный путь анализа.

С. А. ГРИГОРЬЕВ: По поводу конвергенции — отдельные вещи могут возникать конвергентно. Здесь — слишком много. По поводу перетока идей — мне это не понятно, но есть вещи, которые меня последнее время смущают. Например: существовало три миграции греков. Каким образом все три в итоге оказываются в одной зоне? Информационное поле существовало, но пока это нельзя подтвердить материально, я не буду это обсуждать. Согласен, что археология — наука больших чисел, и надо делать проект по этому поводу. Я видел свою задачу в том, чтобы показать, что есть основания для подобной работы. Основания есть. У меня сейчас пять проектов, но через три года я начну этот проект. А подготовительные мероприятия начнутся в конце октября. Генетика: да, надо всё это брать. А по поводу выборки из разных комплексов — если найти все элементы в европейском комплексе, то это будет комплекс не катакомбный, скажем, а уже синташтинский. По венграм есть возможность это сделать? Это нереально. Про металлургию: она, по-моему, не была специализированным производством и не была такого уж высокого уровня — обычное домашнее ремесло. И из Средней Азии она появиться не могла.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Коллеги, я предлагаю предоставить слово ведущим специалистам для обобщения итогов рабо-

ты нашего круглого стола.

Е. Е. КУЗЬМИНА: Неожиданно для меня опыт круглого стола оказался необычайно эффективным. По-моему, получилось блестяще. И при всём нашем пессимизме и словах, что заключительные итоги минимальны. Мы все копаем, а копать надо, как говорил Дьяконов, не лопатой, а головой. В данном случае мы это делаем, мы коллективно думаем, это само по себе важный результат. Почему для всей Евразии важно решать синташтинскую проблему? Потому что Урал — центр Евразийского материка, здесь происходит множество важных событий для истории всей Евразии. Всем, кто участвует в этих исследованиях, повезло — вы попали на ключевой момент, когда происходит генерация культуры и этноса. Потрясающая эпоха — впервые колесница, бронза, мифология, которая создаётся на наших глазах.

Сделано, по-моему, очень много. Но я, если бы была организатором, сосредоточила внимание на нескольких избранных памятниках, по одной программе, целеустремлённо. Выбрать ключевые участки, копать одно поселение несколькими отрядами. Это очень эффективно, особенно, если рядом есть могильник. Обычно одной проблемой занимаются разрозненно, но на Урале — смотрите — как много специалистов. У нас есть пример Самары, которая «родилась ни из чего». Сложился молодой коллектив, был талантливый руководитель И. Б. Васильев. Сколько они сделали в районе, который никого ничем раньше не удивлял.

Что я думаю о сложении синташты после наших дискуссий: очень важно понимать суть механизмов миграций, от этого зависит интерпретация имеющихся данных. Есть разные типы миграций, об этом лучше всего писал

К. Ренфрю. Один из видов — миграция в пределах одной культурно-хозяйственной зоны; это то, что мы здесь имеем. Один круг культур — значит, в результате миграции возможна ассимиляция населения. Другой вид — миграция из более отсталой хозяйственной зоны в более передовую. Это, например, венгры; здесь характер миграции корпоративный, миграция венгров подхватывает за собой тюрков. У мигрантов сохраняются мифология и язык, самоназвание, а материальную культуру заимствуется у местного населения. И третий тип — миграции из более передовой культурно-хозяйственной зоны в более отсталую. Это то, что нам предлагает Вяч. Вс. Иванов. Этот тип мы хорошо знаем: греческие колонии в Причерноморье. Греки приплывают, приносят все до единой составляющие культуры (культы божеств, керамику, погребальный обряд) оттуда, откуда приплыли. Ассирийские колонии приносят с собой весь набор ассирийской культуры. Шортугай, харрапская колония на берегу Аму-Дарьи, дикое место, но там самые богатые лазуритовые копи в мире. Харрапцы вывозили лазурит и жили там, общаясь с соседними кочевыми племенами, при этом они полностью перенесли свою культуру. Если бы была миграция из Анатолии на Южный Урал, на первом этапе они принесли бы целиком весь набор своей культуры. Если бы у них была колесница (а её не было, а у нас уже была) они прибыли бы на колесницах. Если бы был конь (а мы знаем, что они пользовались только ассирийскими ослами), то они привели бы с собой местные породы лошадей, привезли набор оружия, который характерен для той территории. Малоазиатский набор оружия известен блестяще. Не надо искать, что где-то есть один топор. Я тоже

знаю отдельные вещи — в Иерихоне, в Шах-Топе. Я могу составить таблицы и развить любую теорию о прародине синташтинцев. Но это бесполезно. Надо проследить «нормальные» торговые пути. Сегодня мы знаем, что был путь с Урала непосредственно в Среднюю и Южную Азию, по этому пути степные племена принесли на юг псалии и привели высокопородных коней. И часть людей возвращается обратно, потому что в синташтинских памятниках есть лазуритовые бусины. Будущий Шёлковый путь уже был проложен этими племенами, в эпоху колесниц, потому что раньше преодолеть пустыню было невозможно. Вот почему искать истоки синташтинской культуры в Малой Азии или в Иране — путь тупиковый.

На протяжении энеолита и бронзового века есть два огромных мира — индо-переднеазиатский регион, со своими законами, структурой семьи, социальной структурой, и евразийский мир, где при невероятном разнообразии культур и локальных вариантов, существует общность. Общность лепной керамики и мир скотоводства. Откуда модель жилища? Как говорил здесь Г. Б. Зданович, в книге Елизаренковой есть глава, посвященная *пуру* — знаменитому круглоплановому поселению; есть и другие работы о модели вселенной индоариев, которая предполагает эту структуру. Это только индоевропейская модель. Когда открыли Синташту, я обратилась к Дьяконову и Афанасьевой по поводу Месопотамии, есть ли у них мифологема круглых поселений — оказалась, что нет. А у индоевропейцев было то же, что и русская *весь* — идея родового коллектива, который живёт по своим законам взаимопомощи. Близкие модели в Осетии. Я видела, как люди живут там в условиях сохранения родовых тради-

ций — взаимопомощь, общее кладбище, общие интересы. В северном Пакистане круговая планировка посёлков существует до сих пор. Вильям Рам, немецкий индолог, выдвинул гипотезу, что идея *вары* появилась у кочевников-скотоводов, которые ездили на повозках. А по вечерам, чтобы защитить женщин и скот, повозки ставили кругом, дышлами внутрь. Есть подробные индийские тексты о том, как надо остановиться на стоянке и как они приезжают и строят дома на месте, где разбили лагерь. Очень важно консолидировать усилия и использовать параллельно другие методы. Я благодарю организаторов за этот круглый стол и желаю всем его участникам успехов в работе.

Л. Н. КОРЯКОВА: Е. Е. Кузьмина нашла правильный термин — «корпоративная миграция», он очень подходит. Когда я говорила об Анатолии, я не имела в виду, что «они» пришли непосредственно оттуда, исходная территория миграции включала в себя и Балканы, и т. д. И это была не прямая миграция, как думает Григорьев, а с остановками, потому что иначе не понять все эти схождения и похожести с абашевом и катакомбниками. Видимо, было уже другое общество, и те, кто пришли, были уже не те люди, которые начинали эту миграцию. В истории взлёты всегда связаны с деятельностью либо личности, либо группы людей. Видимо, была группа людей, обладающих социальной силой, властью и пассионарностью. А что касается потаповки и филатовки, обращусь к истории венгров: в XIII в., когда венгерский монах отправился искать своих родственников, он их нашёл в Приуралье. Возможно, в эпоху бронзы какая-то мигрирующая группа через остановки достигла Южного Зауралья, а по пути

её следования оставались родственные группы населения. То есть в пределах этой территории существовали обществу, представляющие собой развивающуюся, модифицирующуюся традицию.

Я согласна, что такие круглые столы нужны. Мы все — те, кто имеет отношение к этим памятникам, равнодушны к ним, — наконец-то собрались и обсудили, что мы думаем. К сожалению, выявились и недостатки в виде нашей разобщённости, проблемы, которые либо не решаются, либо исследуются недостаточно, оставляются без внимания.

Самое слабое звено, по-моему, это проблемы культурогенеза. Нужно сосредоточить наших молодых коллег на более высокие исследования. Решение задач культурогенеза в старой парадигме схождения-несхождения артефактов должно быть оставлено. Должны быть исследования, основанные на чёткой методологии — либо статистический анализ, либо семиотический, социальный. Иначе мы будем всю жизнь говорить «похоже — непохоже», нас это очень медленно двигает вперёд. И исследование синташтинской культуры, которая важна для понимания эпохи бронзы, должно заключаться в изучении модельных памятников или модельных территорий. Невозможно всё исследовать. Возможно привлечение специалистов не только из других областей, но и из других регионов. Разные взгляды, разные ощущения могут помочь нам сдвинуться с места. Если мы будем знать историю одного поселения во всех аспектах, это поможет и пониманию общих проблем.

В. С. ГОРБУНОВ: Я хотел выразить благодарность организаторам, потому что это была знаковая конференция. Она отразила тридцатилетний путь движения того явления, которое понача-

лу всех удивило, потом находилось в стадии разработки и сейчас мы можем что-то высказать. Мы можем сетовать, что чего-то не знаем, что многословны, сумбурны, нет методологии. Но мы понимаем, что живём в реальном мире, у нас есть свои проблемы, своя российская археологическая школа. Я согласен со многими высказываниями Е. Е. Кузьминой. Круглый стол — одна из наиболее удачных форм общения, она позволяет обсуждать проблемы. У всех была возможность высказаться. Мы должны самым высоким образом оценить то, что сделано организаторами, прежде всего Г. Б. Здановичем. Где бы ни работал Зданович, он всегда находил такие памятники и мог так заинтересовать общественность, что эти памятники становились во главе проблем. Например, петровская проблема — то, что было в Казахстане. И когда он появился в Челябинске, то южная половина Челябинской области превратилась в совершенно фантастический, с точки зрения истории, регион. То, что мы можем изложить про нашу древнюю историю, не стыдно показать всему миру. Мне стыдно за древнюю историю, которая преподаётся в школе — никакого представления о том, что у нас были какие-то феноменальные явления, не уступающие, а опережающие Европу. Мы ответственны и виноваты перед обществом. Одна из задач науки — её пропаганда не только в узком кругу. Сборник, который будет издан, очень важен, поскольку он охватывает весь спектр обсуждавшихся проблем. Это тоже знаковое явление, ведь наука без споров превращается в идеологию.

Обсуждать нужно не только общие проблемы, а памятники. И ещё надо искать пути интеграции, они дадут большие плоды. Должны быть разные формы, может быть, совместные экспе-

диции. Я всегда считал Г. Б. Здановича одним из блистательных полевых исследователей, это была бы школа для молодых. Можно сделать большой проект: «Школа молодых исследователей» на базе экспедиций Здановича.

Далее: сейчас есть методы, которые себя исчерпывают. Хорошие результаты дают палеозоология, палеоботаника, но мир требует выхода на уровень ДНК, нужно создавать банк ДНК, тогда Европа будет на нас смотреть уже по-другому. Мне пришла в голову мысль о миграционных процессах — не напоминает ли это Великое переселение народов? Возникнуть только на своём «посконном мире» такие явления, как синташта, не могут. У нас есть совместные кафедры по генетике, мы планируем подключиться к исследованиям В. И. Сарияниди, создавать банки данных. Это будет хорошим подспорьем для антропологов.

Я был бы рад, если бы Г. Б. Зданович собрал бы нас снова, через какое-то время, потому что здесь можно посмотреть материалы, здесь центр Евразии. Возможно, поселения типа синташтинских есть и в других местах, но для этого нужны свои Здановичи. В работе археологов великий смысл, мы оставляем след в древней истории Великой России. Если нас ещё пригласят, возможны более обстоятельные доклады специалистов, больше возможности полемизировать. Я был рад встретиться с коллегами, увидеть, что в археологии есть новые молодые специалисты, которым мы смело можем передавать эстафету.

П. А. КОСИНЦЕВ: Круглый стол показал, что нами достигнуто, стало ясно, что делать дальше в изучении синташтинской культуры. Пора в археологических исследованиях переходить к точным

оценкам изучаемых явлений. Слова «похоже — непохоже» — это вчерашний день, а они звучат на всех конференциях. То, что я услышал в рамках нашего круглого стола, продуктивную дискуссию вести не позволяет. Всем «кажется по-разному», и человеку, не являющемуся специалистом в археологии, нельзя решить, кто прав. В будущем нужно не давать слово докладчикам, которые рассуждают: «мне кажется, что это так», это бессмысленная трата времени. Все выводы должны быть аргументированы так, чтобы можно было сделать проверку выводов и оценить их достоверность.

Что касается синташтинской проблемы: мне кажется, навыки строительства таких сложных сооружений, как укрепленные поселения, нельзя было передать словами. Такие поселения должны были строить люди, которые умели это делать. Они должны были сюда прийти, а не просто передать информацию — кому-то через кого-то. То есть это была прямая миграция носителей навыков, а не перерождение местного населения.

Об этом же говорят данные о колеснице и упряжи. Невозможно создать это сразу — так, чтобы система работала. Мне представляется это так: мы знаем, что где-то существовала система тренинга — не лошадей, а ослов для езды в повозках. Это была Передняя Азия, и там же была разработана система упряжи. А лошади были в Восточной Европе. Какая-то группа населения, владеющая навыками тренинга ослов, пришла в Восточную Европу, там эти навыки наложились на умение разводить лошадей, и возникла система колесничества. Она возникла так же «взрывно», как и система строительства укрепленных поселений, а это почти невероятно.

Хочу выразить свою благодарность

организаторам круглого стола, поскольку то, что я здесь прослушал, было полезно, несмотря на высказанные замечания.

В. В. ТКАЧЁВ: Мне впервые довелось участвовать в такого рода научном симпозиуме. Он отличается отсутствием зарегулированности, предельно снижены все формальные сюжеты. Это максимально продуктивное совещание, где специалисты, занимающиеся достаточно узкой проблематикой, смогли поделиться своими мнениями. Я думаю, что такие встречи нужно сделать регулярными. В ходе выступлений обозначаются новые комплексные проблемы, будет понятна формулировка проблем на следующее заседание устоявшейся научной группы.

Проблема происхождения синташты назрела. На сегодня мы не определились ни с дефинициями, ни с характером той таксономической единицы, которую нужно брать за основу при обозначении данного культурного явления. Это предмет для отдельного разговора: является ли синташта культурным типом, культурной группой и т. д., и что мы понимаем под каждым из этих определений. Я хочу уточнить то, о каком географическом ареале идёт речь. Я не согласен, что под синташтой следует понимать группу укрепленных поселений и соответствующих им некрополей к востоку от Уральского хребта. Полагаю, что мы далеки от реконструкции хозяйственно-культурной модели, характерной для этого общества. В Зауралье нет генетической подосновы для этого явления, оно носит привнесённый характер. Ареал следует расширить и включить памятники приуральской группы. Это будущее генетическое ядро для выработки всех культурных стереотипов поздне-

бронзового века Урало-Казахстанского региона. Здесь формируется тот набор культурных стереотипов, с которым мы столкнулись при формировании петровской культуры. Потом они будут распространяться веерообразно.

Выражаю огромную признательность организаторам круглого стола. Я извлёк для себя большое количество новой информации, в чём-то засомневался, а в чём-то утвердился. Правильно прозвучали замечания по поводу методологической основы наших исследований. Е. Е. Кузьмина обозначила хорошие — великолепные — подходы к выработке механизмов культурной трансформации. С. А. Григорьевым когда-то были высказаны сходные мысли о невозможности моментного эволюционного развития древних обществ, о необходимости импульса извне — либо как ответ на вызов среды, либо как миграция групп населения. Та модель миграции — корпоративная, когда сомкнулись различные группы населения, — с ней мы в этом случае сталкиваемся, видимо, должна быть принята за основу методологическую понимания сути проблемы.

Я бы не стал переоценивать возможности естественнонаучных методов, мы прикрываемся ими как щитом. Не умаляя их значения, хочу сказать, что в археологии возможности типологического метода ещё отнюдь не исчерпаны. Я призываю всех осмыслить те масштабные материалы, которые накоплены на сегодняшний день, и тогда мы — с применением статистического метода и с переходом количественного анализа на качественный — сможем в деталях разобрать весь материальный комплекс синташтинского культурного типа.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО: Для меня, как и для многих участников, оказалось не-

ожиданностью, что круглый стол стал очень плодотворным. К вопросу о методике: создавая какие-то конструкции, не надо забывать, что в конечном итоге мы работаем на воссоздание общей картины, картины экологии древнего общества. Поэтому если мы создаём отдельные реконструкции какой-либо стороны деятельности этого общества, надо проявлять свою реконструкцию в аспектах всей картины. Я хочу всех к этому призвать.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ: Мне было приятно участвовать в работе круглого стола. Нужен толчок, чтобы разрабатывать какие-то уже выработанные схемы либо от них отказываться. Впереди издание материалов нашего круглого стола, и это важнейший итог работы конференции.

В последние годы мы взяли на себя почти непосильную задачу. При открытии Аркаима никто не понял, что это такое, а нам пришлось вести активную борьбу за его спасение. Было время «информационного бума» по поводу Аркаима, мы этому не способствовали, но и не мешали. Надо было остановить стройку, а что такое в советское время остановить стройку... вы понимаете сами. Следом была открыта «Страна городов» и встал вопрос о сохранении не одного памятника, а всей системы расселения. Сейчас мы в своих исследованиях будем выходить на неукреплённые синташтинские поселения, они погребены под слоями грунта, поскольку их насельники широко использовали сырцовую архитектуру. Алакульские или срубные черепки часто попадают под ногами, но даже на укреплённых синташтинских поселениях мы зачастую не находим керамики на поверхности. Раскрыть этот мир нам может не

один памятник, а только связи между памятниками.

Мы должны отвечать за то, что сделано; что не сделано, мы знаем, об этом тоже надо говорить. Работа даётся трудно. Мы вынуждены были охранять поселения. Поселения — это ключевой момент, без них мы не двинемся никуда. Было прекрасное предложение Е. Е. Кузьминой — мы давно об этом говорили — надо взять одно-два поселения и копать их в разных секторах.

Но мы не решим эту проблему ни за десять, ни за двадцать лет. Аландскому мы отдали пять лет напряжённой работы, я уже не говорю о финансах, лаборатории и т. д. Мы говорим, что надо заполнить лакуны. Но на нашу жизнь выпал целый ряд замечательных открытий. Когда я пришёл в археологию, мне казалось, что много сделано, но потом появились петровка, ботай, саргары, Аркаим, другие памятники и проблемы. Ещё столько не открыто!

Научное издание

**АРКАИМ — СИНТАШТА:
ДРЕВНЕЕ НАСЛЕДИЕ ЮЖНОГО УРАЛА**

К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича

Сборник научных трудов

Часть 2

Редактор *М. В. Трифонова*

Макет, вёрстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 28.10.10.

Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 300 экз. Заказ 300.

Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство Челябинского государственного университета

454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576

